

**Бюллетень
Суда Евразийского
экономического союза
2019 год**

**ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Бюллетень Суда Евразийского экономического союза является печатным изданием и официальным источником опубликования актов Суда, учрежден в соответствии с пунктами 4 и 116 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Электронная версия Бюллетеня Суда размещена на официальном интернет-сайте Суда <http://courteurasian.org/>.

Содержание

Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза Ж.Н. Баишева 8

Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза Ж.Н. Баишева (на английском языке) 11

Судебные акты Суда Евразийского экономического союза

Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 января 2019 года о принятии к производству жалобы закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» на Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года (дело № СЕ-1-2/8-18-КС) 14

Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 марта 2019 года по жалобе закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года (дело № СЕ-1-2/8-18-КС) об отказе в удовлетворении заявления закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» и признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза 16

Особое мнение судьи Суда Сейтимовой В.Х. от 7 марта 2019 года (дело № СЕ-1-2/8-19-АП-1) 28

Особое мнение судьи Суда Туманяна А.Э. от 7 марта 2019 год (дело № СЕ-1-2/8-19-АП) 33

Особое мнение судьи Суда Чайки К.Л. от 11 марта 2019 года (дело № СЕ-1-2/8-19-АП) 39

Резюме 49

Summary	53
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 28 февраля 2019 года о принятии к производству заявления общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд»	57
Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза	60
Особое мнение судьи Федорцова А.А. от 18 июня 2019 года (дело № СЕ-1-2/1-19-КС)	76
Особое мнение судьи Туманяна А.Э. от 20 июня 2019 год (дело № СЕ-1-2/1-19-КС)	80
Постановление Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 9 июля 2019 года о принятии к производству Апелляционной жалобы Евразийской экономической комиссии на Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу № СЕ-1-2/1-19-КС.	92
Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года об отказе в удовлетворении жалобы Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года.	94
Особое мнение судьи Айриян Э.В. от 5 ноября 2019 года (дело № СЕ-1-2/6-19-АП)	108
Резюме	117
Summary	120

Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 15 апреля 2019 года о принятии к производству заявления Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 г. №29	123
Консультативное заключение Большой коллегии суда от 18 июня 2019 года по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 г. № 29	128
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 18 июня 2019 года (дело № СЕ-2-1/2-19-БК)	138
Особое мнение судьи Сейтимовой В.Х. от 18 июня 2019 года (дело № СЕ-2-1/2-19-БК)	144
Резюме	150
Summary	154
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 15 апреля 2019 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)	158
Консультативное заключение от 16 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).	161

Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 16 октября 2019 года (дело № СЕ-2-2/3-19-БК)	171
Особое мнение судьи Сейтимовой В.Х. от 16 октября 2019 года (дело № СЕ-2-2/3-19-БК)	178
Резюме	182
Summary	185
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 мая 2019 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	188
Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	191
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 31 октября 2019 года (дело № СЕ-2-2/4-19-БК)	201
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 31 октября 2019 года (дело № СЕ-2-2/4-19-БК)	208
Резюме	215
Summary	218
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 3 июня 2019 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	221
Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 октября 2019 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.	223
Резюме	232
Summary	235

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 12 июня 2019 года по результатам рассмотрения ходатайства общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» о принятии мер по исполнению Решения Суда Евразийского экономического союза от 11 октября 2018 года	238
Резюме	240
Summary	242
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 сентября 2019 года о принятии к производству заявления Закрытого акционерного общества «Транс Логистик Консалт»	243
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 30 октября 2019 года о принятии к производству заявления закрытого акционерного общества «Дельрус» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках»	247
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 30 октября 2019 года о принятии к производству заявления закрытого акционерного общества «Дельрус» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках»	250
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 19 ноября 2019 года об отказе в принятии к производству заявления ЗАО «Санofi-Авентис Восток»	253
Резюме	257
Summary	259
Редакционный совет бюллетеня Суда Евразийского экономического союза 2019 год	261
Редакционная коллегия бюллетеня Суда Евразийского экономического союза 2019 год	262

Ж. Н. БАИШЕВ
Председатель Суда
Евразийского
экономического союза

Уважаемые читатели!

Рад представить Вашему вниманию выпуск Бюллетеня Суда Евразийского экономического союза за 2019 год, ознаменованный празднованием пятилетия Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и двадцатипятилетия евразийского интеграционного проекта.

Мы продолжаем знакомить вас с практикой Суда Евразийского экономического союза. Сформулированные Судом в 2019 году правовые позиции, касающиеся таможенного, технического регулирования, развития конкуренции, вносят вклад в развитие права Союза и обеспечение его единообразного применения государствами-членами и органами ЕАЭС.

Характеризуя деятельность Суда за 2019 год, следует отметить, что в сравнении с предыдущими годами работы Суда наблюдается рост количества заявлений, поступивших в Суд от хозяйствующих субъектов, что свидетельствует о повышении информированности бизнеса о разрешении споров в судебном органе евразийской интеграции.

Кроме того, продолжающейся тенденцией является значительное число запросов о разъяснении права Союза, что подтверждает их востребованность у государств – членов Союза и Евразийской экономической комиссии.

В текущем выпуске Бюллетеня мы публикуем 12 постановлений Суда, 3 решения и 4 консультативных заключения Суда, 12 особых мнений судей.

В целях повышения доступности практики Суда для читателей разных стран, в том числе выходящих за географические границы государств – членов ЕАЭС, тексты судебных актов сопровождаются резюме на русском и английском языках.

В 2019 году отмечен рост количества числа обращений в Суд по вопросам общих принципов и правил конкуренции. Значительный интерес с точки зрения развития правового регулирования конкуренции в рамках ЕАЭС представляет консультативное заключение от 18 июня 2019 года по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен». Суду удалось выработать критерии разграничения компетенции между Комиссией и уполномоченными органами государств – членов Союза по пресечению нарушений общих правил конкуренции.

Особого внимания заслуживает консультативное заключение от 16 октября 2019 года, предоставленное Судом по запросу Комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Союзе). В нем Суд определил момент возникновения обязанности по уплате сумм ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, для государств – учредителей ЕАЭС (с 1 сентября 2010 года) и для присоединившихся к Договору о Союзе государств (для Республики Армения – с 1 февраля 2015 года, для Кыргызской Республики – с 1 октября 2015 года).

На страницах Бюллетеня читатель, интересующийся таможенными отношениями, может ознакомиться с решением Апелляционной палаты Суда от 7 марта 2019 года по жалобе закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» на решение Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года, решением Коллегии Суда от 18 июня 2019 года по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» об оспаривании решения Коллегии Комиссии от 31 января 2018 года № 15, постановлением Коллегии Суда от 16 сентября 2019 года о принятии к производству заявления закрытого акционерного общества «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия ЕЭК, решением Апелляционной палаты Суда от 31 октября 2019 года об отказе в удовлетворении жалобы ЕЭК на решение Коллегии Суда от 18 июня 2019 года.

Кроме того, Суд рассмотрел заявление закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» об оспаривании решения Коллегии ЕЭК от 3 октября 2017 года № 132, в отношении которого Судом ранее вынесены решения Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда.

Публикуемое на страницах текущего выпуска Бюллетеня консультативное заключение от 16 октября 2019 года, предоставленное Судом по запросу Комиссии, посвящено разъяснению порядка приостановления вступления в силу решения Коллегии ЕЭК при поступлении в Комиссию обращения главы правительства государства – члена ЕАЭС с предложением об отмене указанного решения или внесении в него изменений.

Представляется важным обратить внимание юристов на разъяснение положений Договора о Союзе и Протокола о техническом регулировании в рамках ЕАЭС (приложение № 9 к Договору о Союзе). 31 октября 2019 года Суд предоставил консультативное заключение, где установил круг субъектов, обладающих правом подавать заявление на оценку соответствия продукции, являющейся объектом технического регулирования.

Полагаю, что материалы судебной практики, размещенные в текущем выпуске Бюллетеня Суда, будут востребованы юристами-практиками, учеными-правоведами, а также широким кругом читателей в целях изучения и анализа права Союза и практики Суда.

С уважением,

Председатель Суда
Евразийского экономического союза

Ж.Н. Баишев

Dear readers!

I am pleased to bring to your attention the 2019 issue of the Bulletin of the Court of the Eurasian Economic Union. This year was marked by the fifth anniversary of the Treaty on the Eurasian Economic Union Treaty of 29 May 2014 (EAEU Treaty) and the twenty-fifth anniversary of the project for economic integration in Eurasia.

Through this bulletin we continue to inform you about the work of the Court of the Eurasian Economic Union. The legal positions that were formulated by the Court in 2019 in the customs, technical regulation and competition areas have contributed to the development of EAEU law and its uniform application by EAEU Member-States and bodies.

Notably, the Court's work in 2019 was marked by an increase in the number of applications submitted by economic entities, as compared to previous years. This is indicative of the growing awareness among businesses of the opportunities that exist for settling disputes by having recourse to the judicial authority of the EAEU.

Continuing an established trend, a significant number of requests for clarification of EAEU law were filed in 2019, which confirms the importance of this instrument both for EAEU Member-States and the Eurasian Economic Commission.

This year's issue of the Bulletin contains 12 orders of the Court, 3 judgments and 4 advisory opinions, as well as 12 separate opinions of the Court's judges.

For the purposes of making the Court's practice available to the wider public, including readers from countries located beyond the geographical borders of the EAEU, the original texts of judicial acts published here are accompanied by summaries in the Russian and English languages.

In 2019, the Court has seen an increase in the number of applications in the area of general principles and rules of competition. The advisory opinion of 18 June 2019, delivered upon application by the National Chamber of Entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan "Atameken", is of significant interest in the context of developing the legal framework for the regulation of competition in the EAEU. In this advisory opinion, the Court determined the criteria for the division of competence between the Commission and authorized authorities of the Member-States when addressing violations of competition rules.

Particular attention should be given to the advisory opinion of 16 October 2019, delivered by the Court upon the application filed by the Commission, where it requested a clarification of the provisions of paragraph 1 of the Protocol on the Procedure for Transfer and Distribution of Import Customs Duties (Other Duties, Taxes and Fees Having Equivalent Effect) and their Transfer to the Budgets of the Member States (Annex 5 to the EAEU Treaty). In this advisory opinion, the Court determined the moment when the obligation to transfer the amounts of customs duties for importation arose for the founding Member-States of the EAEU (1 September 2010) and for the Member-States which acceded to the EAEU Treaty

(for the Republic of Armenia – as of 1 February 2015, for the Kyrgyz Republic – as of 1 October 2015).

Those readers whose interests lie with the area of customs regulation will be curious to study the judgement of the Appeals Chamber of the Court of 7 March 2019 on the appeal by Closed Joint Stock Company “Sanofi-Aventis Vostok” against the judgement of the Chamber of the Court of 21 December 2018, the judgement of the Chamber of the Court of 18 June 2019 on the application of Limited Liability Company “Shiptrade” against the Decision of the Board of the EEC of 31 January 2018 No. 15, the order of the Chamber of the Court on admission of the application by Closed Joint Stock Company “Trans Logistic Consult” against a failure to act by the EEC, the judgement of the Appeals Chamber of the Court of 31 October 2019 dismissing the appeal by the EEC against the judgement of the Chamber of the Court of 18 June 2019.

In addition, the Court reviewed an application by Closed Joint Stock Company “Sanofi-Aventis Vostok” against the Decision of the Board of the EEC of 3 October 2017 No. 132, where effective judgments of the Chamber of the Court and the Appeals Chamber had already existed.

The Court’s advisory opinion of 16 October 2019, delivered upon the application by the Commission, clarifies the procedure for the suspension of entry into force of EEC Board decisions when a Member-State’s head of government addresses the Commission with a proposal to cancel or amend such decisions.

It seems rather important to draw the attention of legal professionals to the clarification of the provisions of the EAEU Treaty and the Protocol on Technical Regulation Within the EAEU (Annex 9 to the EAEU Treaty). The Court delivered an advisory opinion on 31 October 2019, where it established the scope of parties entitled to act as applicants in conformity assessment procedures for goods subject to technical regulations.

I believe that the Court’s case law published in the current issue of the Bulletin will be helpful for practicing lawyers, legal scholars and the wider readership for the purposes of understanding and studying EAEU law and the Court’s practice.

Yours faithfully,

President of the Court of
The Eurasian Economic Union

Zh. Baishev

**СУДЕБНЫЕ АКТЫ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

21 января 2019 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., судей Сейтимовой В.Х., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Адерейко А.Н., рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года (дело № СЕ-1-2/8-18-КС) об отказе в удовлетворении заявления закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии и признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

Судом Евразийского экономического союза (далее – Суд) рассмотрено дело по заявлению закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» (далее – ЗАО «Санофи-Авентис Восток») о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – решение Комиссии № 132) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Решением Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года в удовлетворении заявления ЗАО «Санофи-Авентис Восток» отказано, решение Комиссии № 132 признано соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Не согласившись с принятым решением Коллегии Суда, ЗАО «Санofi-Авентис Восток» 27 декабря 2018 года в соответствии со статьями 61 и 62 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), обратилось в Апелляционную палату Суда. Истец просит отменить решение Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года и принять новое решение о признании решения Комиссии № 132 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что жалоба и приложенные к ней документы соответствуют требованиям статей 62 и 63 Регламента Суда, в связи с чем основания для отказа в принятии жалобы к производству отсутствуют.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79 – 81 Статута Суда, пунктом 1 статьи 33, статьями 60 – 63, пунктом 1 статьи 64, статьями 65 и 84 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда,

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству жалобу закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года по делу № СЕ-1-2/8-18-КС.

Судебное заседание по рассмотрению жалобы назначить на 18 февраля 2019 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Председательствующий

Г.А. Скрипкина

Судьи

В.Х. Сейтимова

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

РЕШЕНИЕ

7 марта 2019 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., судей Сейтимовой В.Х., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Адерейко А.Н.,

рассмотрев в открытом судебном заседании жалобу закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года (дело № СЕ-1-2/8-18-КС) об отказе в удовлетворении заявления закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» и признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

1. Закрытое акционерное общество «Санофи-Авентис Восток» (далее – ЗАО «Санофи-Авентис Восток», заявитель, истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее - Суд) с заявлением о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение ЕЭК № 132) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно Решению ЕЭК № 132 комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, представляющие собой держатель картриджа с нанесенной шкалой, который предназначен для

размещения в нем стеклянного картриджа с инсулином с предохраняющим его колпачком, а также механическую часть шприц-ручки со шкалой и вращающимся блоком для выбора дозы инсулина, с кнопкой для нажатия на перемещающийся внутри поршень для введения определенной дозы инсулина (далее – Комплектующие) в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ОПИ ТН ВЭД) 1 и 6 классифицируются в субпозиции 901831 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС).

Решением Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года в удовлетворении заявления ЗАО «Санофи-Авентис Восток» отказано. Решение ЕЭК № 132 признано соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

3 января 2019 года, в соответствии со статьей 61 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), в Суд поступила жалоба ЗАО «Санофи-Авентис Восток» на решение Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года (дело № СЕ-1-2/8-18-КС).

Заявитель просит отменить оспариваемое решение Коллегии Суда, вынести новое решение по делу, в соответствии с пунктом 108 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут Суда), о признании Решения ЕЭК № 132 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Постановлением Апелляционной палаты Суда от 21 января 2019 года жалоба ЗАО «Санофи-Авентис Восток» принята к производству.

8 февраля 2019 года в Суд поступили возражения Евразийской экономической комиссии (далее – ответчик, Комиссия) на жалобу ЗАО «Санофи-Авентис Восток».

2. Доводы жалобы

В обоснование несогласия истца с решением Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года ЗАО «Санофи-Авентис Восток» приводит следующие доводы.

2.1. Коллегия Суда не учла, что Решение ЕЭК № 132 принято с превышением полномочий, предоставленных Договором.

Решение ЕЭК № 132 принято с превышением полномочий, предоставленных ей Договором, нарушает преамбулу, статью 3 Договора, пункты 3 и 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору, далее – Положение о Комиссии), а также статью 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС).

Решение ЕЭК № 132 направлено на пересмотр вступивших в законную силу судебных актов национальных судов Российской Федерации, нарушает принцип суверенного равенства государств и гарантированное право на судебную защиту.

Аргументируя довод о принятии Комиссией Решения № 132 с превышением предоставленных ей полномочий, представитель истца в заседании Апелляционной палаты Суда указал на отсутствие неединообразной практики применения Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности.

2.2. Коллегией Суда не учтены объективные характеристики и свойства, присущие ввозимым Комплектующим для одноразовых шприцев-ручек, что повлекло признание Судом обоснованной неверную классификацию Комплектующих на уровне субпозиции.

В рамках приведенного довода заявитель указывает, что вывод Коллегии Суда о классификации Комплектующих на уровне субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС не учитывает их объективных свойств и характеристик, принципиально отличающих Комплектующие от шприца. Конструкция и область применения любого товара, как указывает истец, являются факторами, определяющими их функциональное назначение, и должны быть приняты во внимание при проверке обоснованности классификации товара. Комплектующие для одноразовых шприц-ручек не имеют товарной ценности вне готового лекарственного препарата и предназначены лишь для его производства в удобной для потребителей форме шприц-ручки.

2.3. Коллегией Суда не дана оценка экспертным заключениям, представленным заявителем.

По мнению заявителя, в нарушение пункта 3 статьи 35 Регламента Суда, Коллегией Суда не дана оценка экспертным заключениям, которые представлялись истцом в обоснование того, что у Комплектующих отсутствуют признаки шприца, и это их принципиально отличает от последнего.

2.4. Коллегией Суда не дана оценка доводу заявителя о необходимости учета требований межгосударственных стандартов, регулирующих вопрос необходимости обязательной регистрации шприцов.

Истец считает, что вывод Коллегии Суда о том, что при классификации для таможенных целей частей устройств, используемых в медицине, требования о сертификации и регистрации медицинских изделий не имеют правового значения, противоречит принципу разработки и применения межгосударственных стандартов, установленному пунктом 1 статьи 51 Договора.

Истец полагает, что ввозимые ЗАО «Санофи-Авентис Восток» Комплектующие не соответствуют ни требованиям межгосударственного стандарта ГОСТ ISO 7886-1-2011 «Шприцы инъекционные однократного применения стерильные. Часть 1. Шприцы для ручного использования», ни требованиям ГОСТ ISO 8537-2011 «Межгосударственный стандарт. Шприцы инъекционные однократного применения стерильные с иглой или без иглы для инсулина». Истец утверждает, что Комплектующие не являются шприцами. Требования межгосударственных стандартов, а также вопросы сертификации и регистрации медицинских изделий имеют правовое значение для разрешения спора и должны быть приняты во внимание Судом.

2.5. Заявитель не согласен с выводом Коллегии Суда о классификации Комплектующих в той же товарной субпозиции, что и шприцы в соответствии с примечанием 2(б) к группе 90 ТН ВЭД ЕАЭС, поскольку готовая шприц-ручка не подлежит классификации в товарной субпозиции 9018 31. Классификация готовой шприц-ручки не была предметом рассмотрения Коллегией Суда.

По мнению истца, Коллегия Суда исходила из презумпции того, что готовая шприц-ручка классифицируется в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС, однако такой подход является нарушением правил 1 и 6 ОПИ ТН ВЭД, предполагающих при классификации каждого товара указывать, на основании каких примечаний, наименований разделов, групп, подгрупп и субпозиций сделан вывод о такой классификации. Исходя из смысла статьи 22 ТК ЕАЭС, обоснованность любого решения о классификации является обязательной.

Заявитель полагает, что для того, чтобы сделать вывод по Комплектующим, необходимо рассмотреть вопрос классификации готовой шприц-ручки. Однако вопрос об обоснованности классификации шприц-ручки не был предметом рассмотрения Коллегией Суда, а также не был затронут Комиссией при классификации Комплектующих.

По мнению истца, необходимо исходить лишь из объективных свойств и характеристик Комплектующих, анализ которых не позволяет отнести их к шприцу.

В обоснование своих доводов истец указывает, что суды Российской Федерации уже рассмотрели вопрос о применении примечания 2 (б) к группе 90 и пришли к выводу о том, что готовое изделие – лекарственный препарат, выпускаемый в форме шприц-ручки, классифицируется в товарной позиции 3004 31 000 0 (лекарственные средства, содержащие инсулин), поэтому применение к Комплектующим примечания 2 к группе 90 ТН ВЭД является недопустимым.

2.6. Решение ЕЭК № 132 создает правовую неопределенность, что исключает его соответствие положениям Договора.

Заявитель указывает, что оспариваемое Решение ЕЭК № 132 содержит в себе формулировки, в соответствии с которыми можно сделать вывод о том, что оно относится не только к ввозимым Комплектующим, но и к лекарственному средству (инсулину), который должен классифицироваться в другой товарной позиции. Таким образом, Решение ЕЭК № 132 не соответствует требованию пункта 13 Положения о Комиссии и создает правовую неопределенность.

3. Доводы ответчика

3.1. Комиссия считает довод жалобы о том, что Решение ЕЭК № 132 направлено на пересмотр вступивших в законную силу судебных актов национальных судов Российской Федерации и преодоление их юридической силы, несостоятельным, так как он основан на неверной трактовке истцом положе-

ний Договора, ТК ЕАЭС и иных нормативных актов, входящих в право Союза. Комиссия отмечает, что национальные суды рассматривали конкретный спор в отношении законности действий таможенного органа по изменению классификационного кода и принятию классификационного решения по определенному товару (с конкретным наименованием, артикулом).

3.2. Решение ЕЭК № 132 регулирует вопрос о классификации отдельных видов товаров, никаких решений с оценкой обоснованности классификации товаров Комиссией не принималось.

Полномочия Комиссии по принятию решений о классификации отдельных видов товаров установлены статьей 22 ТК ЕАЭС, а ранее – статьей 52 Таможенного кодекса таможенного союза (далее – ТК ТС).

Ответчик считает, что наличие соответствующих полномочий Комиссии на принятие Решения ЕЭК № 132 и соблюдение процедуры принятия такого решения было в полном объеме проверено Коллегией Суда.

3.3. Комиссия не соглашается с утверждением истца о том, что Коллегией Суда не дана оценка всем доводам и доказательствам заявителя, в частности, экспертным заключениям. В ходе судебного разбирательства Коллегией Суда исследовались все материалы дела, в том числе и представленные заявителем документы, а в решении Коллегии Суда указывается на наличие заключения специалистов и им дается соответствующая оценка.

3.4. Ответчик считает безосновательными утверждения заявителя о том, что Коллегией Суда не дана оценка доводу о необходимости учета требований межгосударственных стандартов, регулирующих вопрос необходимости обязательной регистрации шприцов. Отмечает, что в решении Коллегии Суда прямо указано на то, что при классификации для таможенных целей частей устройств, используемых в медицине, требования о сертификации и регистрации медицинских изделий не имеют правового значения.

3.5. Комиссия считает, что Коллегия Суда обоснованно пришла к выводу о правильности подходов в том, что Комплектующие идентифицируются как части, непосредственно предназначенные для сборки одноразовой инсулиновой шприц-ручки, их классификация должна осуществляться в соответствии с положениями примечания 2(б) к группе 90 ТН ВЭД ЕАЭС в той же товарной позиции, в которой классифицируются готовые шприцы.

По мнению ответчика, Коллегией Суда обоснованно признано, что шприц-ручка обладает основными признаками шприца, применяемого в медицине, а особенности ее конструкции не влияют на функциональное назначение устройства и, соответственно, не препятствуют отнесению ее к категории шприцов.

Комиссия считает, что при осуществлении классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС не имеют правового значения доводы жалобы о том, что у комплектующих нет товарной ценности вне готового лекарственного

препарата, что использование комплектующих самостоятельно без дальнейшего технологического процесса невозможно.

3.6. Ответчик не согласен, что оспариваемое Решение создает правовую неопределенность, которая исключает его соответствие положениям Договора. Отмечает, что изначально в заявлении ЗАО «Санофи-Авентис Восток» в Суд такой довод не содержался.

По мнению Комиссии, в Решении ЕЭК № 132 максимально подробно описан отдельный вид товара, что позволяет однозначно его идентифицировать для целей классификации в соответствующей субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС.

Ответчик также считает, что соблюдение принципа правовой определенности, обеспечивается соответствующей процедурой принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров.

3.7. По мнению ответчика, Коллегией Суда проведен полный и всесторонний анализ всех обстоятельств дела, имеющих значение для правильного разрешения настоящего спора, а выводы, содержащиеся в Решении Коллегии Суда, полностью соответствуют имеющимся в деле доказательствам.

II. Процедура и пределы апелляционного разбирательства

4. Статьей 60 Регламента Суда установлено, что Апелляционная палата Суда рассматривает дело в судебном заседании по правилам рассмотрения дела Коллегией Суда, предусмотренным Регламентом Суда, с учетом особенностей, установленных Статутом Суда и главой VII Регламента Суда.

Согласно части второй статьи 61 Регламента Суда в жалобе на решение Коллегии Суда не могут быть заявлены новые требования, которые не были предметом рассмотрения в Коллегии Суда.

В соответствии с пунктом 1 статьи 69 Регламента Суда Суд рассматривает жалобу на основании материалов, имеющихся в деле, в пределах доводов, изложенных в жалобе и в возражениях на нее, которые могут быть дополнены сторонами в ходе судебного разбирательства.

Учитывая пределы апелляционного разбирательства, определенные пунктом 2 статьи 69 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда проверяет, соответствуют ли выводы Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

Пункт 1 статьи 70 Регламента Суда определяет, что основанием для изменения или отмены обжалуемого решения Суда является неправильное применение и (или) несоблюдение Коллегией Суда норм права.

Согласно пункту 2 статьи 70 Регламента Суда неправильное применение и (или) несоблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, являются основанием для изменения или отмены решения Колле-

гии Суда, если это нарушение привело к принятию неправильного или необоснованного решения.

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

III. Выводы Апелляционной палаты Суда

5. По доводу о том, что Коллегия Суда не учла, что Решение ЕЭК № 132 принято с превышением полномочий, предоставленных Договором.

5.1. По мнению Апелляционной палаты Суда данный довод не нашел своего подтверждения, а решение Коллегии Суда основано на праве Союза.

Апелляционная палата Суда отмечает, что Решение ЕЭК № 132 о классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек принято Комиссией в целях обеспечения единообразного толкования ТН ВЭД ЕАЭС по предложению таможенного органа государства – члена Союза в рамках полномочий, предоставленных Договором и ТК ТС.

Анализ материалов дела показывает, что по вопросу классификации Комплектующих имели место различные подходы со стороны хозяйствующих субъектов, региональных таможенных органов и судов Российской Федерации. Федеральная таможенная служба Российской Федерации, в соответствии с пунктом 7 статьи 52 ТК ТС и Порядком принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденным Решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284, обратилась в Комиссию с инициативным предложением о классификации отдельных видов товаров – комплектующих для одноразовых шприц-ручек.

В соответствии с пунктом 7 статьи 52 ТК ТС решения и разъяснения по классификации отдельных видов товаров принимаются Комиссией в целях обеспечения единообразного толкования ТН ВЭД.

Взаимосвязанное прочтение положений статьи 45 Договора, пункта 7 статьи 52 ТК ТС (пункт 1 статьи 22 ТК ЕАЭС), пунктов 4, 13, 14 Положения о Комиссии дает основание полагать, что правом Союза не установлено ограничение для принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров исключительно в случае, если инициативное обращение уполномо-

ченных таможенных органов государств – членов Союза обусловлено наличием неединообразной практики в вопросах классификации по одним и тем же видам товаров в государствах-членах Союза.

Обеспечение единообразных подходов при классификации отдельных видов товаров на всей таможенной территории Союза является целью принимаемых Комиссией классификационных решений. Однако, наличие неединообразной практики толкования (применения ТН ВЭД) не является обязательным условием для принятия таких решений.

Проверка и оценка соблюдения Комиссией компетенции и процедуры принятия Решения № 132, включая правила внесения в ЕЭК предложений, порядок их рассмотрения, согласования проекта решения о классификации Комплектующих, нашли свое отражение в выводах Коллегии Суда. Апелляционная палата Суда находит эти выводы Коллегии Суда обоснованными.

5.2. Апелляционная палата Суда считает, что дискреция Комиссии на принятие актов нормативно-правового характера, в том числе, решений о классификации отдельных видов товаров, в пределах полномочий, переданных ей государствами-членами Союза, не может быть поставлена под условие наличия или отсутствия ранее принятых на уровне государств-членов Союза решений, равно как и решения национальных судов по результатам рассмотрения конкретных дел не могут ограничивать право органов Союза на принятие решений по вопросам, переданным в их компетенцию.

Судебные акты, на которые ссылается ЗАО «Санofi-Авентис Восток», содержат оценку обоснованности принятых решений о классификации, касаются одного вида товара, вынесены в отношении конкретного лица, в то время как Решение ЕЭК № 132 имеет нормативно-правовой характер и распространяется на неопределенный круг лиц.

5.3. Апелляционная палата Суда не находит подтверждения указанного истцом нарушения принципа суверенного равенства государств, закрепленного в преамбуле и статье 3 Договора, при принятии Решения ЕЭК № 132.

5.4. Доводы истца об отсутствии у Комиссии полномочий по принятию Решения ЕЭК № 132 в связи с нарушением его права на судебную защиту, Апелляционная палата Суда считает необоснованными.

Апелляционная палата Суда констатирует, что гарантия права на судебную защиту, предусмотренная пунктом 39 Статута Суда реализована истцом путем обращения с заявлением в Суд и с жалобой в апелляционном порядке на решение Коллегии Суда.

Апелляционная палата Суда считает, что Решение Комиссии № 132 не является препятствием для реализации права на судебную защиту в рассматриваемых правоотношениях.

6. По доводам о неправильности выводов Коллегии Суда в части классификации Комплектующих в той же товарной субпозиции, что и шприцы

в соответствии с примечанием 2(б) к группе 90 ТН ВЭД, поскольку готовая шприц-ручка не подлежит классификации в товарной субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС.

6.1. Анализируя доводы истца в этой части, и оценивая выводы Коллегии суда, Апелляционная палата Суда отмечает, что данный вопрос исследовался при судебном разбирательстве.

Предметом регулирования Решения ЕЭК № 132 является классификация товаров «держатель картриджа с колпачком» и «механическая часть». Наименование, описание и функциональное назначение Комплектующих указывают на их принадлежность к одноразовой шприц-ручке.

В соответствии с примечанием 2(б) к группе 90 ТН ВЭД ЕАЭС части и принадлежности, предназначенные для использования исключительно или в основном в определенном виде машин, инструментов или аппаратов или в нескольких машинах, инструментах или аппаратах, включаемых в одну товарную позицию указанной группы, включаются вместе с этими машинами, инструментами или аппаратами.

По мнению Апелляционной палаты Суда, в решении Коллегии Суда обоснованно отмечено, что одноразовая шприц-ручка обладает основными признаками шприца, применяемого в медицине. При этом особенности конструкции не влияют на функциональное назначение устройства, выполняют ту же основную функцию, что и стандартный инсулиновый шприц – подкожное введение отмеренной дозы инсулина.

В связи с этим, по мнению Апелляционной палаты Суда, классификация товара «шприц-ручка» для таможенных целей не зависит от многократности использования и не препятствует отнесению его к категории шприцов.

Апелляционная палата Суда считает, что Коллегия Суда сделала обоснованный вывод о правильности применения Комиссией положений примечания 2 (б) к группе 90 ТН ВЭД, последовательности применения ОПИ 1-6 ТН ВЭД, включая товар «шприц-ручка», как один из видов шприцов, в субпозицию 9018 31 ТН ВЭД, поскольку ни юридические тексты (тексты субпозиций, примечания к группе 90), ни тексты пояснений не ограничивают субпозицию 9018 31ТН ВЭД каким-то конкретным видом шприцов.

6.2. Исходя из того, что шприцы различных видов, вне зависимости от их конструкции, классифицируются в двухдефисной субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС, Коллегия Суда обоснованно пришла к выводу о том, что на основании положений примечания 2 (б) к группе 90 в Решении Комиссии № 132 части указанных товаров (держатель картриджа и механическая часть) классифицируются в этой же субпозиции совместно с готовым изделием «шприц», для которого они и предназначены.

Апелляционная палата Суда считает обоснованными выводы Коллегии Суда о том, что Комплектующие не исключаются из группы 90 ТН ВЭД

примечанием 1 к данной группе; не являются сами по себе товарами какой-либо конкретной товарной позиции группы 90 ТН ВЭД или группы 84, 85 или 91 ТН ВЭД; идентифицируются как пригодные для использования исключительно в одноразовых шприц-ручках, которые классифицируются в товарной позиции 9018 (субпозиция 9018 31) ТН ВЭД.

6.3. Рассматривая довод истца о недопустимости применения к Комплектующим примечания 2(б) к группе 90 ТН ВЭД поскольку готовое изделие – лекарственный препарат, выпускаемый в форме шприц-ручки, классифицируется в товарной позиции 3004 31 000 0 ТН ВЭД (лекарственные средства, содержащие инсулин), а не в товарной позиции 9018 31 100 9 ТН ВЭД, Апелляционная палата Суда отмечает следующее.

Коллегия Суда, ссылаясь на Правило 5 ОПИ, в решении указала, что упаковка, поставляемая вместе с находящимся в ней товаром, классифицируется совместно с ним, а не как самостоятельный товар, и сделала вывод о том, что одноразовая шприц-ручка с находящимися в ней картриджем с инсулином классифицируется совместно с инсулиносодержащим лекарственным средством (товаром) в субпозиции 3004 31 ТН ВЭД ЕАЭС.

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда, при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд осуществляет проверку оспариваемого решения на предмет его соответствия Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Апелляционная палата считает необходимым отметить, что вопрос правильности классификации для таможенных целей конкретного товара – готового изделия «лекарственное средство, содержащее инсулин», выходит за пределы предмета спора, и констатация в решении Коллегии Суда о его классификации является излишней. Дискреция Суда не позволяет самостоятельно осуществлять классификацию товара.

7. По доводам о том, что Коллегией Суда не учтены объективные характеристики и свойства, присущие ввозимым комплектующим для одноразовых шприцов-ручек, требования межгосударственных стандартов, регулирующих вопрос обязательной регистрации шприцов, не дана оценка экспертным заключениям.

7.1. Апелляционная палата Суда отмечает, что в вопросах классификации товаров основным критерием являются объективные характеристики и свойства, соотносящиеся с текстами конкретных товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС и соответствующих примечаний к разделам или группам. Такой вывод обоснованно сделан в обжалуемом решении Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года, аналогичная позиция сформирована Судом ЕАЭС в решении Коллегии Суда от 4 апреля 2016 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» и в решении Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года по делу по заявлению ООО «Севлад».

Рассматривая довод заявителя об оставлении Коллегией Суда без внимания объективных характеристик и свойств, присущих ввозимым комплектующим для одноразовых шприцев-ручек, Апелляционная палата Суда отмечает полноту и объективность исследования материалов дела, учет и оценку вышеизложенных классификационных критериев, поэтому ссылка заявителя на вышеизложенный довод как на основание для пересмотра решения Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года несостоятельна.

7.2. Апелляционная палата Суда находит необоснованными доводы заявителя о том, что Коллегией Суда не дана оценка экспертным заключениям, не учтены требования межгосударственных стандартов, регулирующих вопрос необходимости обязательной регистрации шприцов.

В соответствии с пунктом 3 статьи 35 Регламента Суда, оценка Судом состязательных документов, а также материалов, полученных в соответствии с пунктом 55 Статута Суда, проводится по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании материалов дела

Из решения суда следует, что Коллегия Суда исследовала все имеющиеся в деле документы, в том числе и представленные истцом заключения специалистов, экспертов. В ходе судебного разбирательства им дана соответствующая оценка.

7.3. Апелляционная палата Суда отмечает, что межгосударственные стандарты, принятые в отношении определенной продукции, устанавливают технические требования конкретно к этой продукции и не являются документами безусловного применения для целей таможенной классификации товаров.

По этому вопросу Коллегия Суда пришла к правильному выводу, что при классификации для таможенных целей частей устройств, используемых в медицине, требования о сертификации и регистрации медицинских изделий не имеют правового значения.

На основании сопоставимого анализа сфер правового регулирования и называемых истцом межгосударственных стандартов, Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что межгосударственные стандарты не влияют на определение того или иного кода ТН ВЭД для целей таможенной классификации отдельных видов товаров.

В связи с этим, Апелляционная палата находит доводы заявителя несостоятельными, а выводы Коллегии Суда в этой части обоснованными.

8. По доводам жалобы о том, что Решение ЕЭК № 132, создавая правовую неопределенность, исключает его соответствие положениям Договора.

ЗАО «Санофи-Авентис Восток» в обоснование жалобы на решение Коллегии Суда указывает, что Решение ЕЭК № 132 создает правовую неопределенность, так как содержит формулировки, относящиеся не только к компонентам одноразовой шприц-ручки, но и к лекарственному средству-инсулину.

Апелляционная палата Суда отклоняет данный довод истца по следующим основаниям.

Решение ЕЭК № 132 не содержит нечетких, двусмысленных или оценочных формулировок, в нем однозначно определены комплектующие одноразовых шприц-ручек, которые подлежат классификации в товарной позиции 9018 31 ТН ВЭД. Ничто в данном Решении не свидетельствует о классификации в указанной товарной позиции инсулина как лекарственного средства. При таких обстоятельствах отсутствуют основания полагать, что Решение ЕЭК № 132 влечет правовую неопределенность.

9. Апелляционная палата Суда, рассмотрев жалобу ЗАО «Санофи-Авентис Восток» на основании имеющихся в деле материалов, в пределах доводов, изложенных в жалобе и возражений на нее, проверив соответствие выводов Коллегии Суда примененным нормам права, установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, не находит оснований для отмены или изменения обжалуемого решения Коллегии суда от 21 декабря 2018 года.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 1) пункта 110 Статута Суда, подпунктом а) пункта 1 статьи 71, пунктами 1-7 статьи 78, пунктом 2 статьи 80 и статьей 83 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда,

РЕШИЛА:

Решение Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года об отказе в удовлетворении заявления закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» и признании решения Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза оставить без изменения, а жалобу закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» – без удовлетворения.

Решение вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А.Скрипкина

Судьи

В.Х.Сейтимова

А.Э.Туманян

А.А.Федорцов

К.Л.Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Сейтимовой В.Х.
(дело № СЕ-1-2/8-19-АП-1)

город Минск

7 марта 2019 года

1. 7 марта 2019 года Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза вынесено решение по апелляционной жалобе ЗАО «Санofi-Авентис Восток» (далее – решение).

В соответствии со статьей 60, пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, используя предоставленное данной нормой право, поддерживая резолютивную часть решения, заявляю особое мнение в отношении выводов Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата) в мотивировочной части решения (раздел III «Выводы»).

Подчеркиваю, что использование данного правового института в согласии с общими выводами Апелляционной палаты направлено исключительно на достижение основной цели Суда – обеспечение единообразного применения права Союза, и может служить как уточненное обоснование основных выводов решения в соответствии с принципами верховенства права, правовой определенности, а в конкретных обстоятельствах рассматриваемого дела – как указание на необходимость детализации правил процедуры в апелляционной инстанции, совершенствования порядка работы Апелляционной палаты, в том числе верификации правовой аргументации, исключения технико-юридических неточностей.

2. Обоснование, изложенное в п.5 раздела III «Выводы» (далее – Выводы), не дает ответа на вопрос о том, каковы пределы дискреции Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссии, ЕЭК) в вопросах принятия классификационных решений. Во-первых, для того, чтобы выявить, установлено ли правом Союза ограничение для принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров случаями, когда инициативное обращение уполномоченных таможенных органов государств – членов Союза обусловлено наличием неединообразной практики в вопросах классификации одного и того же вида товара в различных государствах-членах либо случаями, когда инициативное обращение уполномоченных таможенных органов государств – членов Союза обусловлено наличием разных подходов на уровне различных правоприменителей в государстве – члене Союза, недостаточно взаимосвязанного прочтения положений статьи 45 Договора, пункта 7 статьи 52 Тамо-

женного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) или ныне действующего пункта 1 статьи 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), пунктов 4, 13, 14 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося Приложением № 1 к Договору о ЕАЭС (далее – Положение о Комиссии). Решение такого рода юридической задачи требует полноценного системного толкования соответствующих положений Договора, ТК ТС (ТК ЕАЭС), Положения о Комиссии и иных актов права Союза, в том числе всех норм статьи 22 ТК ЕАЭС и пункта 6 статьи 52 ТК ТС в совокупности, Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 02.12.2013 г. № 284 (в ред. от 23.01.2018 г.) «О Порядке подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров».

При таком подходе указание в абзаце 6 подпункта 5.1. пункта 5 решения на то, что «наличие неединообразной практики толкования (применения ТН ВЭД) не является обязательным условием для принятия» Комиссией классификационных решений приобрело бы более точную формулировку о том, что неединообразная практика толкования и, как следствие, различного применения ТН ВЭД на уровне разных государств-членов не является единственным фактором принятия таких решений. Различное толкование разными правоприменителями в рамках государств-членов также требует унификации подходов к классификации отдельных видов товаров, вследствие чего принятие классификационных решений в таких ситуациях входит в компетенцию Комиссии.

Апелляционной палате следовало отметить отсутствие прямого указания в норме ТК ЕАЭС, что есть единообразие (его отсутствие) для целей таможенной классификации на уровне ЕЭК, единообразие в целом, в качестве правовой категории, имеющей центральное значение для права Союза как интеграционного права, и что в конкретных обстоятельствах могло быть не только расценено как отсутствие ограничений на принятие решений, но и добросовестно интерпретироваться Комиссией как достаточное основание и наличие прямой необходимости для принятия классификационного решения.

3. Положения права Союза сформулированы таким образом, что для их уяснения требуется системное толкование. Выводы Суда при этом должны базироваться на таком подходе и отсылать к конкретным нормам, принципам, на основании которых Суд к ним пришел. Для более точного понимания вывода 5.2. его следовало дополнить уточнением о том, что государства – члены Союза согласились о передаче полномочий Комиссии в сфере таможенно-тарифного регулирования. Пункт 3 Положения о Комиссии регламентирует предметную компетенцию ЕЭК, пункты 13 и 14 – юрисдикционную, однако уточнение, какими полномочиями она обладает для реализации данного объема компетенции, требует анализа и иных положений Договора, ТК ЕАЭС

(ТК ТС) как международного договора в рамках Союза. Единообразие – неперемное условие таможенно-тарифного регулирования в Союзе. Это вытекает из сути правоотношений в рамках таможенного союза и из принципов функционирования таможенного союза, изложенных в статье 25 Договора, в частности пункта 4 данной статьи. Именно поэтому обеспечение единообразия применения ТН ВЭД – основополагающее как для действий таможенных органов государств-членов согласно п. 6 ст. 21 ТК ЕАЭС, так и для действий Комиссии в соответствии с п.1 ст.22 ТК ЕАЭС. Однако если в первом случае таможенные органы «могут принимать решения», то согласно второй указанной нормы «Комиссией принимаются решения о классификации отдельных видов товаров на основании предложений таможенных органов», что и означает наличие прямых полномочий, обязанности ЕЭК по принятию классификационных решений. Иная интерпретация компетенции ЕЭК (предложенная заявителем) означала бы фактически ограничение реализации таких полномочий.

4. Соглашаясь с выводом Апелляционной палаты об отсутствии нарушения принципа суверенного равенства государств, на который ссылался заявитель в жалобе, отмечаю отсутствие его обоснования в пункте 5.3. решения. Принцип суверенного равенства относится к общепризнанным принципам международного права и указан в части первой статьи 3 Договора о ЕАЭС, устанавливающей основные принципы функционирования Союза. Вместе с тем, принятие решений Комиссией, отнесенных к сфере ее компетенции Договором, международными договорами в рамках Союза, в пределах переданных ей полномочий и в установленной процедуре, не является нарушением данного принципа. Положения о таможенном, в том числе таможенно-тарифном регулировании, полномочия на которое передано на уровень Союза, а также нормы об обязательной юридической силе и непосредственном применении решений ЕЭК свидетельствуют о том, что Комиссия не только правомочна на принятие классификационных решений, но такое наднациональное регулирование имеет приоритет над национальным регулированием, о чем государства согласились при принятии на себя обязательств по Договору о ЕАЭС.

5. Без должного внимания остался довод заявителя об отсутствии компетенции ЕЭК принимать решения об обоснованности классификации, несмотря на требования пункта 1 статьи 69, пункта 4 статьи 78 Регламента. Согласно позиции заявителя, Комиссия наделена полномочиями по принятию решения о классификации, однако не обладает полномочиями по принятию решения об обоснованности классификации. Однако такой довод нельзя признать состоятельным, поскольку классификационные решения не преодолевают и не обосновывают классификацию, которая имела место на национальном уровне в государствах-членах, а именно устанавливаются на основе принципа единоо-

бразия единственно верное для всех субъектов во всех государствах-членах классификационное решение в определенных правом Союза случаях. При этом в статьях 21 и 22 ТК ЕАЭС установлены правила, когда, в какой форме, кем (таможенными органами, Комиссией) принимаются решения и разъяснения о классификации отдельных видов товаров.

Вышеуказанное упущение привело и к неполноте разъяснения, по каким основаниям был отклонен довод заявителя о праве на судебную защиту. Такие нормы, принимаемые на наднациональном уровне, как в Решении № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 132), не могут нарушить право заявителя на судебную защиту ни на наднациональном уровне, ни на национальном. Восполняя пробел аргументации в подпункте 5.4. Выводов, следует отметить, что заявитель ссылаясь на нарушение его права на судебную защиту не в рамках Союза, а в связи с наличием решений национальных судебных органов, вступивших в силу еще до принятия Решения № 132. Аргумент заявителя о том, что национальные судебные акты не могут быть исполнены в результате принятия наднационального акта, является несостоятельным, так как Решение № 132, вступившее в действие 03.11.2017 года и не имеющее обратной силы, к отношениям, сложившимся до указанной даты, не применяется.

Реализация как таковых полномочий Комиссии в указанной сфере не может зависеть от ранее принятых на уровне государств – членов Союза решений о классификации отдельных видов товаров, вступивших в законную силу решений судов государств-членов. Иное толкование фактически лишило бы Комиссию возможности реализации ее функции по обеспечению единообразного применения ТН ВЭД. Данная позиция коррелирует с Выводами в подпункте 5.2. и при таком изложении мотивировочная часть решения в целом приобретает внутреннюю согласованность и завершенность.

6. Оценка довода заявителя относительно применения к рассматриваемым правоотношениям межгосударственных стандартов, принятых в отношении отдельных видов товаров, устанавливающих технические требования к определенной продукции, также нуждается в уточнении, поскольку подпункт 7.3. содержит внутренние противоречия. Объектом Решения № 132 являются комплектующие, а не готовое изделие шприц-ручка. В силу пункта 2 Протокола о техническом регулировании в рамках Союза, являющегося приложением № 9 к Договору, пункта 2 статьи 4 Соглашения о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий сертификации и регистрации подлежат только те медицинские изделия, которые выпускаются в обращение в рамках Союза.

В абзаце втором подпункта 7.3. Выводов обоснованно указано на правиль-

ность позиции Коллегии о том, что при классификации для таможенных целей частей устройств, используемых в медицине, требования о сертификации и регистрации медицинских изделий не применяются.

Комплекующие для шприц-ручек не подлежат выпуску в обращение, а поставляются на производство для сборки готовых изделий. По своим объективным характеристикам и свойствам комплекующие не соответствуют понятию готового изделия, следовательно, для таможенных целей при классификации правила о сертификации и регистрации к ним не применимы.

Однако вывод Апелляционной палаты в абзаце 3 подпункта 7.3. расширяет вывод Коллегии: «на основании сопоставимого анализа сфер правового регулирования единой ТН ВЭД ЕАЭС и называемых истцом межгосударственных стандартов, Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что межгосударственные стандарты не влияют на определение того или иного кода ТН ВЭД для целей таможенной классификации отдельных видов товаров».

Обобщенная оценка правового значения межгосударственных стандартов в ситуациях, когда объектом классификационного решения и предметом судебного разбирательства являются комплекующие, а не готовое изделие, не верна и не должна была быть отражена в решении Апелляционной палаты.

Судья Суда
Евразийского экономического союза

В.Х. Сейтимова

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Туманяна А.Э.
(дело № СЕ-1-2/8-19 АП)

город Минск

7 марта 2019 года

В соответствии со статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю о несогласии с отдельными положениями решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 7 марта 2019 года по следующим основаниям.

1. Регламентом Суда Евразийского экономического союза четко разграничена компетенция Коллегии Суда (суд первой инстанции) при рассмотрении заявления хозяйствующего субъекта о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, и Апелляционной палаты Суда (суд второй инстанции) при рассмотрении жалобы хозяйствующего субъекта или Комиссии на решение Коллегии Суда.

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Из указанной правовой нормы следует, что непосредственным предметом исследования Коллегии Суда является само решение Комиссии и его соответ-

ствие Договору и международным договорам в рамках Союза, и вопрос наличия права у Комиссии на принятие оспариваемого решения.

В отличие от этого, согласно пункту 2 статьи 69 Регламента Суда при рассмотрении жалобы Суд проверяет, соответствуют ли выводы Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

Иными словами, Апелляционная палата Суда в процессе судебного разбирательства проверяет:

правомерны ли выводы Коллегии Суда о соответствии или несоответствии положений оспариваемого решения Комиссии Договору, международным договорам в рамках Союза;

правильно ли оценены Коллегией Суда состязательные документы, представленные для доказательства фактических обстоятельств дела, а также материалы, полученные в соответствии с пунктом 55 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда);

соблюдены ли Коллегией Суда основополагающие процессуальные нормы, несоблюдение которых могло привести к принятию неправильного или необоснованного решения.

Таким образом, непосредственным предметом исследования Апелляционной палаты Суда является уже не решение Комиссии, а решение Коллегии Суда и правомерность ее выводов и заключений.

Это подтверждается также положениями статьи 70 Регламента Суда, которая устанавливает два основания для изменения или отмены решения Коллегии Суда:

неправильное применение и (или) несоблюдение Коллегией Суда норм права;

неправильное применение и (или) несоблюдение Коллегией Суда норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, если это нарушение привело к принятию неправильного или необоснованного решения.

Как видно, и в этой правовой норме отсутствует какая-либо ссылка на дефекты действий Комиссии и самого ее решения, которые явились бы основанием для отмены решения Коллегии Суда. Отмечены лишь недостатки и упущения самой Коллегии Суда, при наличии которых Апелляционная палата Суда обязана отменить (изменить) ее решение.

Это ни в коей мере не значит, что, исследуя решение Коллегии Суда, Апелляционная палата Суда не вправе так или иначе касаться оспариваемого решения Комиссии, однако только по смыслу пункта 2 статьи 69 Регламента Суда и только для подтверждения (отрицания) выводов Суда первой инстанции. В пределы судебного разбирательства Апелляционной палаты Суда ни в коей

мере не входит рассмотрение спора на основании пункта 1 статьи 45 Регламента Суда. Она рассматривает решение Комиссии через призму обжалуемого решения Коллегии Суда.

Иной подход размывает грань между компетенцией Суда первой и апелляционной инстанций. Апелляционная палата Суда из надзорной инстанции превращается в Суд, непосредственно рассматривающий спор или какую-то его часть по существу, что девальвирует сам смысл многоступенчатой судебной системы, признанной продуктивной в мировой практике как на уровне национальных, так и международных судов.

Между тем, Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза, рассмотрев жалобу закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года (дело № СЕ-1-2/8-18-КС), оставив его без изменений, а жалобу – без удовлетворения, в разделе II «Процедура и **пределы апелляционного разбирательства**» решения от 7 марта 2019 года наряду с правовыми нормами, определяющими компетенцию Апелляционной палаты Суда и процедуру рассмотрения жалобы, сделала ссылку на пункт 1 статьи 45 Регламента Суда, тем самым расширив свою компетенцию на рассмотрение жалобы полномочиями по проверке самого решения Комиссии на соответствие Договору, международным договорам в рамках Союза, по сути, создав новую процессуальную норму, разрешающую Апелляционной палате Суда осуществлять функцию по непосредственному рассмотрению спора (или его части). Подобная правовая позиция создает опасный прецедент, противоречит самому смыслу апелляции и нарушает требования пункта 102 Статута Суда, в соответствии с которым решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых.

2. В решении от 7 марта 2019 года Апелляционная палата создала для себя основание для рассмотрения и оценки в дальнейшем довода заявителя о правовой неопределенности решения Комиссии Евразийского экономического союза от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

По сути, закрытое акционерное общество «Санofi-Авентис Восток» указало в апелляционной жалобе на предполагаемый дефект решения Комиссии, который мог бы послужить основанием для его отмены. Однако данное основание истцом не было заявлено при рассмотрении дела в Суде первой инстанции и именно по этой причине не было исследовано Коллегией Суда, поскольку пунктом 101 Статута Суда установлено правило, в соответствии с которым решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов.

Исходя из самого смысла рассмотрения апелляционной жалобы, заложенного в Статуте и Регламенте Суда, Апелляционная палата Суда вправе исследовать и давать оценку только тем основаниям и доводам, которые были заявлены сторонами спора и по ним ими была выражена позиция в суде первой инстанции. Отмеченные основания и доводы стали предметом рассмотрения в Суде первой инстанции и в дальнейшем получили его положительную либо отрицательную оценку. Предметом рассмотрения Апелляционной палаты Суда могут стать также лишь основания и доводы, которые опять-таки были заявлены в Суде первой инстанции, по ним были выражены позиции сторон, однако Суд, проигнорировав, оставил их без рассмотрения и оценки, либо, рассмотрев их по существу, дал им неверную оценку.

Иное толкование данного вопроса лишает смысла непосредственное рассмотрение спора в Суде первой инстанции, где осуществляется правосудие по существу, и где в полной мере действует принцип всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела, где, по существу, должен быть претворен в жизнь общеправовой принцип состязательности судебного процесса, который установлен статьей 23 Регламента Суда и согласно которому стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства и несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий.

В данном случае ответчик при рассмотрении спора на уровне суда первой инстанции не знал и не мог знать о рассматриваемом аргументе истца и по этой причине был лишен права выразить свою позицию по данному вопросу.

На основании вышеизложенного в связи с рассматриваемым вопросом считаю, что Апелляционная палата Суда обязана была оценить представленный закрытым акционерным обществом «Санофи-Авентис Восток» аргумент о правовой неопределенности решения Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» и признать его недопустимым по вышеозначенным основаниям.

При этом закрытое акционерное общество «Санофи-Авентис Восток» не лишается права на новое обращение в Суд, поскольку в соответствии с подпунктом г) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда Суд выносит постановление об отказе в принятии заявления к производству, если имеется вступившее в силу решение Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами о том же предмете и **по тем же основаниям** и обстоятельствам.

Между тем, Апелляционная палата Суда рассмотрела вопрос о правовой неопределенности решения Комиссии, оценила и отклонила его по следующим основаниям: «Решение ЕЭК № 132 не содержит нечетких, двусмысленных

или оценочных формулировок, в нем однозначно определены комплектующие одноразовых шприц-ручек, которые подлежат классификации в товарной субпозиции 9018 31 ТН ВЭД. Ничто в данном Решении не свидетельствует о классификации в указанной товарной позиции инсулина как лекарственного средства. При таких обстоятельствах отсутствуют основания полагать, что Решение ЕЭК № 132 влечет правовую неопределенность».

Как видно, Апелляционная палата Суда произвела проверку не на предмет соответствия вывода Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам (пункт 2 статьи 69 Регламента Суда), а, с небольшой натяжкой, на соответствие оспариваемого решения Комиссии Договору и (или) международным договорам в рамках Союза (пункт 1 статьи 45 Регламента Суда).

Следует отметить, что Апелляционная палата Суда практически в том же составе (за исключением судьи от Кыргызской Республики Скрипкиной Г.А., поскольку на тот момент в Суде ЕАЭС были представлены четыре государства – члена Союза) в решении от 21 июня 2016 года (дело № СЕ-1-2/2-16-АП) по жалобе закрытого акционерного общества «Дженерал Фрейт» по идентичному вопросу выразила совершенно иную правовую позицию.

В частности, в названном решении Апелляционная палата Суда отметила следующее: «По смыслу норм Регламента Суда Апелляционная палата Суда не вправе исследовать новые доказательства (обстоятельства) в обоснование того же предмета спора, не представленные в установленном процессуальном порядке. Несовержшение предусмотренного Регламентом Суда процессуального действия сторонами в обоснование своих требований или возражений является их риском, что не означает ограничение права на судебную защиту по новому основанию... Истец, не изменяя фактические обстоятельства спора, изменил доводы, на которых основывалось искомое требование о признании решения ЕЭК № 117 не соответствующим Договору, международным договорам в рамках Союза. Апелляционная палата Суда обращает внимание на то, что указанный довод не был заявлен истцом в качестве изменения основания искового требования в порядке, установленном Регламентом Суда. Согласно пункту 3 статьи 23 Регламента Суда стороны несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий. В этой связи рассматриваемый довод подлежит отклонению как доказательство, содержащее факты (сведения), не входящие, с учетом пункта 1 статьи 23 Регламента Суда, в предмет доказывания по делу, и в силу этого не отвечающее критерию относимости доказательств, на основании которых Суд в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Регламента Суда устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования или возражения сторон».

По моему убеждению, такое резкое изменение правовых взглядов и суждений может происходить при наличии серьезных и веских причин: изменениях

в праве, развитии общественных отношений, появлении новых обстоятельств, которые, как представляется, Суд обязан объяснить и указать в решении.

Считаю, что подобные непоследовательные подходы и действия сами по себе создают правовую неопределенность, когда ни истец, ни ответчик не могут представить и определить, когда Апелляционная палата Суда будет вершить правосудие по правилам Суда первой инстанции, а когда будет осуществлять свои функции надзорной инстанции. Как поведет себя Апелляционная палата Суда, когда доводы и основания, не исследованные в Суде первой инстанции по причине их отсутствия, будут представлены в жалобе, и в следствие их обоснованности и убедительности возникнет вопрос об отмене решения Суда первой инстанции?

Создается впечатление, что Апелляционная палата Суда считала необходимым ответить не на вопрос, поставленный заявителем в жалобе, а на вопрос, поставленный в особом мнении на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года (дело № СЕ-1-2/8-18- КС) об отказе в удовлетворении заявления закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» и признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

В этом аспекте, в какой-то мере выходя за рамки особого мнения на решение Апелляционной палаты Суда от 7 марта 2019 года, не могу не отметить следующее.

Согласно пункту 1 статьи 79 Регламента Суда в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда. В соответствии с пунктом 3 статьи 77 Регламента Суда решение Суда принимается большинством голосов открытым голосованием.

Следовательно, особое мнение – это мнение, не совпадающее с позицией большинства. Однако по доводу о правовой неопределенности решения Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 мнение членов Коллегии Суда не было высказано, так как данный довод не был заявлен истцом и не исследовался в суде первой инстанции. Исходя из этого, и особого мнения по данному вопросу быть не могло. Как кажется, данное особое мнение лишь послужило основанием для заявления рассматриваемого довода в апелляционной жалобе заявителя.

Судья

А.Э.Туманян

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-2/8-19-АП)

город Минск

11 марта 2019 года

1. 7 марта 2019 года Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза (далее – Апелляционная палата) вынесено решение по жалобе закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» (далее – ЗАО «Санофи-Авентис Восток», истец) на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия) от 21 декабря 2018 года об отказе в удовлетворении заявления истца к Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) и признании решения Коллегии Комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 132) соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

2. Апелляционная палата, установив наличие у Комиссии полномочий на принятие Решения № 132, указала, что отсутствие единообразия применения Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – Товарная номенклатура) не является обязательным условием для реализации Комиссией права на принятие акта Союза в форме решения о классификации отдельного вида товара.

Полагаю, что данный вывод Апелляционной палаты Суда противоречит праву Союза.

Перед тем, как изложить позицию по данному вопросу, считаю необходимым акцентировать внимание, что в связи со вступлением в силу с 1 января 2018 года Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – Таможенный кодекс Союза) Таможенный кодекс Таможенного союза прекратил свое действие.

Нормы статьи 52 Таможенного кодекса Таможенного союза, определяющие полномочия Комиссии и таможенных органов государств-членов по классификации товаров, заменены аналогичными положениями статей 21 и 22 Таможенного кодекса Союза.

При изложении настоящего особого мнения исхожу из норм, содержащихся в Таможенном кодексе Союза.

В силу подпункта «а» пункта 1 статьи 45 Регламента в рамках рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии Суд осуществляет проверку полномочий Комиссии на его принятие. Взаимосвязанное прочтение указанной правовой нормы и статьи 60 Регламента о рассмотрении дела Апелляционной палатой по правилам, установленным для Коллегии Суда, свидетельствует, что реализация обязанности по проверке полномочий Комиссии возложена как на Коллегию Суда, так и на Апелляционную палату и не зависит от заявления стороны по делу. Выполнение соответствующей функции Апелляционной палатой не может быть ограничено положениями пункта 1 статьи 69 Регламента о пределах рассмотрения дела, поскольку проверка полномочий Комиссии является вопросом публичного порядка, который оценивается Судом *ex officio* в силу прямого указания права Союза и не является особенностью рассмотрения дела в одной из инстанций Суда. Несоблюдение императивного требования пункта 1 статьи 45 Регламента влечет нарушение основополагающей цели деятельности Суда, предусмотренной пунктом 2 Статута, выражающейся в обеспечении единообразного применения государствами-членами и органами Союза норм права Союза.

Применение данного подхода к обстоятельствам дела означает, что, несмотря на доводы, которые ЗАО «Санofi-Авентис Восток» привело в жалобе, Апелляционной палате следовало установить наличие у Комиссии полномочий на принятие Решения № 132. В судебном заседании Апелляционной палаты представитель истца, аргументируя довод о превышении Комиссией предоставленных ей правом Союза полномочий на принятие оспариваемого решения, указал на отсутствие неединообразной практики классификации поименованного в нем товара в государствах – членах Союза.

Полагаю, что довод истца об отсутствии в праве Союза нормы, наделяющей Комиссию полномочиями по принятию акта в форме решения о классификации отдельного вида товара при отсутствии неединообразной практики применения Товарной номенклатуры не менее, чем в двух государствах-членах, является обоснованным.

Как следует из пунктов 1 и 2 статьи 8 Договора, Комиссия как орган Союза действует исключительно в пределах тех полномочий, которые предоставлены ей данным Договором и иными международными договорами в рамках Союза. Статья 45 Договора наделяет Комиссию полномочиями по вопросам таможенно-тарифного регулирования, к числу которых относит и ведение То-

варной номенклатуры, международной основой которой являются Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и единая Товарная номенклатура Содружества Независимых Государств. К ведению Товарной номенклатуры Комиссией пункт 5 статьи 19 Таможенного кодекса Союза относит функции приведения Товарной номенклатуры в соответствие с ее международной основой, включая мониторинг таких изменений; подготовки и направления в уполномоченные органы государств-членов Товарной номенклатуры и пояснений к ней.

Пункт 2 статьи 20, статьи 21 и 22 Таможенного кодекса Союза наделяют правом на принятие решений и разъяснений о классификации товаров и отдельных видов товаров в рамках применения Товарной номенклатуры как Комиссию, так и таможенные органы государств-членов. Систематическое толкование перечисленных правовых норм свидетельствует, что ведение Товарной номенклатуры по смыслу пункта 1 статьи 45 Договора и пункта 5 статьи 19 Таможенного кодекса Союза осуществляет только наднациональный орган, тогда как классификация конкретных видов товаров к исключительной компетенции Комиссии не отнесена. Соответствующие полномочия разграничены между двумя уровнями правового регулирования: национальным и наднациональным. При этом, из смыслового содержания пунктов 1 и 2 статьи 8, статьи 45 Договора, статьи 22 Таможенного кодекса Союза, следует, что наделение Комиссии как наднационального регулирующего органа полномочиями производится только на основании Договора и международных договоров в рамках Союза. Указанное означает, что никакие иные акты права Союза не могут изменять полномочия Комиссии в соответствующей сфере. Акты органов Союза определяют лишь порядок, то есть процедуру принятия решений, как Регламент работы Комиссии, утвержденный решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98 (далее – Регламент работы Комиссии), или устанавливают процедуру их подготовки, как, например, Порядок подготовки Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденный решением Коллегии Комиссии от 2 декабря 2013 года № 284 (далее – Порядок подготовки решений).

Нормы права Союза, устанавливающие полномочия Комиссии и таможенных органов государств-членов в сфере таможенно-тарифного регулирования, свидетельствуют, что их право осуществлять классификацию товаров ограничено юридическими фактами, прямо поименованными в Таможенном кодексе Союза.

Из содержания пункта 2 статьи 20, а также пунктов 1 и 6 статьи 21 Таможенного кодекса Союза следует, что таможенные органы государств-членов осуществляют классификацию товаров при: выявлении их неверной классификации при таможенном декларировании; исчислении подлежащих уплате налогов, таможенных, специальных, антидемпинговых и компенсационных

пошлин; принятии предварительных решений и решений о классификации товаров, перемещаемых через таможенную границу Союза в несобранном или разобранном виде; принятии решений и даче разъяснений о классификации отдельных видов товаров с целью обеспечения единообразного применения Товарной номенклатуры. Уяснение названных правовых норм свидетельствует, что неединообразная практика применения Товарной номенклатуры при классификации *конкретного товара* в рамках одного государства-члена преодолевается посредством принятия вышестоящим таможенным органом, определенным законодательством государства-члена о таможенном регулировании, решений и разъяснений о классификации *отдельного вида* товара, которые являются нормативно-правовыми актами данного государства.

На наднациональном уровне пунктами 1 и 6 статьи 22 Таможенного кодекса Союза полномочия по принятию актов в форме решений и разъяснений о классификации отдельных видов товаров предоставлены Комиссии. Императивным установлением принятия Комиссией акта в форме решения о классификации является неединообразное применение Товарной номенклатуры. Данное требование прямо закреплено в абзаце 1 пункта 1 статьи 22 Таможенного кодекса Союза, определяющем полномочия Комиссии по принятию решений о классификации отдельных видов товаров на основании предложений таможенных органов. В соответствии с абзацем 2 указанного пункта в инициативном порядке Комиссия принимает соответствующие решения в случае выявления различной классификации товаров таможенными органами государств-членов в предварительных решениях, решениях или разъяснениях о классификации отдельных видов товаров.

Иной формой реализации Комиссией полномочий по классификации отдельных видов товаров является предоставление на основании пункта 6 статьи 22 Таможенного кодекса Союза разъяснений в форме рекомендаций. Данный вид акта принимается Комиссией, если таможенные органы, определенные законодательством государств-членов о таможенном регулировании, имеют единое мнение о классификации товаров.

Грамматическое толкование пунктов 1 и 6 статьи 22 Таможенного кодекса Союза и их взаимосвязанное прочтение позволяет установить, что обязательным условием принятия Комиссией решения о классификации отдельного вида товара является неединообразное применение Товарной номенклатуры не менее, чем в двух государствах-членах, которое выражается в различной классификации отдельных видов товаров в принятых национальными таможенными органами, указанными в пункте 6 статьи 21 Таможенного кодекса Союза, решениях и разъяснениях.

Уяснение данных правовых норм также свидетельствует, что Комиссия априори обладает полномочиями по классификации отдельных видов товаров, но пределы их реализации ограничены наличием или отсутствием не

менее, чем в двух государствах-членах единообразной практики применения Товарной номенклатуры. При наличии неединообразной практики применения Товарной номенклатуры полномочия Комиссии реализуются в форме принятия решений, которые в силу пункта 1 статьи 6, статьи 18 Договора о Союзе и пункта 13 Положения о Комиссии, входят в право Союза, имеют нормативно-правовой характер, обязательны для государств-членов и подлежат непосредственному применению на их территориях. Единство подходов государств-членов в классификации товаров ограничивает дискрецию Комиссии, предоставляя ей право принятия разъяснений только в форме рекомендаций, которые в силу упомянутой нормы Положения о Комиссии, не имеют обязательного характера, и, как указал Суд в постановлении от 8 апреля 2016 года по заявлению ООО «Производственное предприятие Ремдизель», не включены в право Союза.

Анализ права Союза свидетельствует, что пределы реализации полномочий Комиссии обусловлены целями правового регулирования. В силу указанных свойств обязательности и непосредственного применения именно решение Комиссии способно преодолеть неединообразие в применении Товарной номенклатуры на территории нескольких государств-членов. Данный вывод согласуется с пунктом 3 статьи 22 Таможенного кодекса Союза, которым определено, что принятие Комиссией решения о классификации отдельного вида товара влечет неприменение и отмену решений и разъяснений таможенных органов государств-членов о классификации соответствующих видов товаров. В свою очередь, при наличии единого подхода таможенных органов государств-членов достаточно принятия разъяснения в форме рекомендации, которая, не имея обязательного характера, тем не менее, представляет собой норму мягкого права (*soft law*).

Изложенное свидетельствует, что принятие Комиссией имеющих обязательный характер решений о классификации отдельного вида товара в отсутствие неединообразной практики применения Товарной номенклатуры не менее, чем в двух государствах-членах прямо противоречит праву Союза. Иной подход способен привести к неправомерному смещению национального и наднационального уровней правового регулирования и фактической подмене компетенции таможенных органов государств-членов полномочиями постоянно действующего регулирующего органа Союза.

Как следует из материалов дела, Комиссия при классификации товара, являвшегося предметом регулирования Решения № 132, не располагала сведениями о неединообразном применении Товарной номенклатуры не менее, чем в двух государствах-членах. Не представлены соответствующие сведения и Федеральной таможенной службой Российской Федерации, обратившейся с инициативой о принятии оспариваемого решения.

Оценка приведенных обстоятельств в их совокупности и взаимной связи свидетельствует, что Решение № 132 принято Комиссией при наличии единообразной практики применения Товарной номенклатуры, что противоречит императивным предписаниям пунктов 1 и 6 статьи 22 Таможенного кодекса Союза.

В соответствии с требованием пункта 1 статьи 45 Регламента данное обстоятельство подлежало обязательной проверке Коллегией Суда и Апелляционной палатой. Между тем, Апелляционная палата, указав, что отсутствие единообразия не является обязательным условием для принятия Комиссией решения о классификации отдельного вида товара, необоснованно истолковала право Союза, что повлекло принятие решения, не соответствующего Договору и международным договорам в рамках Союза.

3. Оценивая соответствие праву Союза классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина (далее – комплектующие для одноразовых шприц-ручек), описанных в Решении № 132, не могу согласиться с выводом Апелляционной палаты, что по своим объективным характеристикам и свойствам данный товар подлежит отнесению к товарной субпозиции 9018 31 Товарной номенклатуры.

Содержание товарной группы 90 Товарной номенклатуры свидетельствует, что включение товара в определенную позицию и субпозицию зависит от его объективных характеристик и свойств, которые влияют на функциональное назначение соответствующего товара. Данный вывод согласуется с позицией, изложенной в решениях Коллегии Суда по заявлениям ЗАО «Дженерал Фрейт» и ООО «Севлад».

Применение правила 1 Основных правил интерпретации Товарной номенклатуры к вопросу, поставленному истцом, означает, что с целью проверки соответствия праву Союза Решения № 132 Апелляционной палате следовало, в первую очередь, осуществить сопоставление объективных характеристик и свойств комплектующих для одноразовых шприц-ручек, описанных в оспариваемом решении, с товаром, поименованным в товарной субпозиции 9018 31 Товарной номенклатуры «шприцы, с иглами или без игл».

В соответствии с правилом 6 Основных правил интерпретации при классификации товаров в субпозициях товарной позиции следует руководствоваться, в том числе примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также к разделам и группам. Комплектующие для одноразовых шприц-ручек, являясь частями и принадлежностями, предназначенными для использования исключительно в одноразовых шприц-ручках, в силу примечания 2б) к группе 90 Товарной номенклатуры, подлежат классификации по тому же коду Товарной номенклатуры, что и одноразовая шприц-ручка.

Тот факт, что именно одноразовая шприц-ручка представляет собой готовый товар, подтверждает признание ее видом первичной упаковки на основа-

нии Приложения к Номенклатуре лекарственных форм, утвержденной решением Коллегии Комиссии от 22 декабря 2015 года № 172.

Анализ Товарной номенклатуры и пояснений свидетельствует об отсутствии в них определения понятия «шприц».

Учитывая, что в соответствии со статьей 6 Договора право Союза составляет единую систему, полагаю, что в отсутствие специальных норм, регулирующих определенную сферу отношений, следует руководствоваться общими понятиями, используемыми в применимых актах права Союза. Относительно правового регулирования классификации отдельных видов товаров данный вывод основан на взаимосвязанном прочтении следующих правовых норм.

Пункт 5 статьи 2 Таможенного кодекса Союза содержит императивную норму, предусматривающую, что понятия, используемые в Кодексе, определение которых не содержится в данной статье, применяются в значениях, определенных иными статьями Кодекса и Договором. Учитывая, что в силу пункта 1 статьи 22 Таможенного кодекса Союза решения о классификации отдельных видов товаров принимаются Комиссией в целях реализации данного Кодекса, то при толковании классификационных решений соответствующие понятия следует применять в значении, которое им придает Договор.

Подпунктом 12 пункта 1 статьи 51 Договора установлено, что гармонизация межгосударственных стандартов с международными и региональными стандартами является одним из принципов осуществления технического регулирования в Союзе. Из содержания статьи 31 Договора, устанавливающей функционирование общего рынка медицинских изделий, пункта 2 статьи 3, пункта 4 статьи 4 и пункта 4 статьи 7 Соглашения о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий, а также пункта 110 Общих требований безопасности эффективности медицинских изделий, утвержденных решением Совета Комиссии от 12 февраля 2016 года № 27, и пунктов 49, 52 Рекомендации от 4 сентября 2017 года № 17, следует, что на территории Союза с целью обеспечения соответствия медицинских изделий требованиям, предъявляемым к ним правом Союза, применяются Межгосударственные стандарты ГОСТ ISO 7886-1-2011 «Шприцы инъекционные однократного применения стерильные» (далее – ГОСТ «Шприцы инъекционные») и ГОСТ ISO 8537-2011 «Шприцы инъекционные однократного применения стерильные с иглой или без иглы для инсулина» (далее – ГОСТ «Шприцы для инсулина»).

Перечисленные обстоятельства, а также тот факт, что указанные Межгосударственные стандарты основаны на Международных стандартах (ISO 7886-1:1993 «*Sterile hypodermic syringes for single use*» и ISO 8537:2007 «*Sterile single-use syringes, with or without needle, for insulin. Technical requirements and test methods*»), свидетельствуют, что приведенное в Межгосударственных стандартах описание товаров и формулируемые в них понятия, с одной стороны, обладают свойством универсальности, а с другой – направлены на гармо-

низацию права Союза, что обуславливает их обязательное применение в целях толкования Товарной номенклатуре и решений Комиссии о классификации отдельных видов товаров в соответствии с данной Номенклатурой.

Необходимость учета технических требований, установленных правом Союза, при классификации отдельного вида товара также подтверждается подпунктами «б» и «г» пункта 5 Порядка подготовки решений, в соответствии с которыми к обращению таможенного органа, вносимому в Комиссию, прилагаются документы, включающие в себя описание отдельного вида товара с указанием его функционального назначения и характеристик, а также *техническая* документация, информация от производителя о количественном и качественном составе товара, другие документы, характеризующие товар. Из материалов дела следует, что при подготовке Решения № 132 основой для определения свойств и функций классифицируемого товара являлись его технические характеристики.

Сравнение описаний шприца, приведенных в пункте 3 ГОСТа «Шприцы для инсулина» и пункте 4 ГОСТа «Шприцы инъекционные однократного применения», а также комплектующих для одноразовых шприц-ручек, поименованных в Решении № 132, свидетельствует об их различных объективных характеристиках и свойствах в силу отсутствия у одноразовой шприц-ручки таких элементов шприца, как цилиндр, уплотнитель и шток. Данные различия определяют и несовпадающее функциональное назначение шприца и одноразовой шприц-ручки, которая может использоваться исключительно для впрыскивания жидкости, а не для ее выведения. Между тем, как следует из пунктов 11.1 ГОСТа «Шприцы для инсулина» и 12.1 ГОСТа «Шприцы инъекционные однократного применения», возможность движения поршня в обоих направлениях и, как следствие, осуществления и введения, и выведения жидкостей является функциональной особенностью шприца.

Полагаю, что технические характеристики товаров «шприц» и «одноразовая шприц-ручка», а также их отличительные особенности влияют на функциональное назначение соответствующего товара, а соответственно, и на его правильную классификацию в соответствии с Товарной номенклатурой. Неприменение Межгосударственных стандартов привело к необоснованной классификации указанных в Решении № 132 комплектующих одноразовой шприц-ручки в субпозиции 9018 31 Товарной номенклатуры.

С учетом примечания 2б) к группе 90 Товарной номенклатуры полагаю, что вывод об основных характеристиках, свойствах и функциональном назначении одноразовой шприц-ручки имеет значение для разрешения настоящего дела, поскольку комплектующие одноразовой шприц-ручки подлежат классификации по коду 9018 31 Товарной номенклатуры, лишь в том случае, если собранный из них готовый товар имеет те же объективные характеристики и свойства, а также функциональное назначение, что и шприц. Несовпадение

перечисленных критериев не позволяет классифицировать комплектующие к одноразовым шприц-ручкам в субпозиции 9018 31 Товарной номенклатуры.

Коллегии Суда и Апелляционной палате надлежало оценить доводы истца и материалы дела, согласно которым функциональное назначение комплектующих к одноразовой шприц-ручке состоит исключительно в их использовании для производства в заводских условиях готового товара – лекарственного препарата инсулина в форме одноразовой шприц-ручки, единообразно классифицируемого таможенными органами государств – членов Союза по коду 3004 31 Товарной номенклатуры. В связи с тем, что в соответствии с правилом 1 Основных правил интерпретации комплектующие не могут быть классифицированы в товарной позиции 3004 Товарной номенклатуры, комплектующие к одноразовым шприц-ручкам подлежат классификации в рамках товарной позиции 9018 Товарной номенклатуры. Вместе с тем, отнесение соответствующего товара к субпозиции 9018 31 Товарной номенклатуры противоречит примечанию 2б) к товарной группе 90 и, как следствие, правилу 6 Основных правил интерпретации.

4. Считаю необходимым также отметить, что в обжалуемом решении Коллегия Суда пришла к выводу о классификации готового товара – одноразовой шприц-ручки в субпозиции 9018 31 Товарной номенклатуры (пункты 5.4.2 – 5.4.5 решения). Между тем, вопрос о классификации одноразовой шприц-ручки не являлся предметом рассмотрения Комиссии при принятии Решения № 132, данный вопрос не ставился истцом перед Судом. Коллегия Суда, в инициативном порядке разрешив вопрос о классификации данного вида товара, вышла за пределы полномочий, предоставленных ей пунктом 1 статьи 45 Регламента, что привело к нарушению требований пункта 101 Статута и выводу, противоречащему материалам дела и устоявшейся практике государств-членов о классификации готовых одноразовых шприц-ручек с инсулином по коду 3004 Товарной номенклатуры.

5. С учетом изложенного полагаю, что Апелляционной палате надлежало признать, что вывод Коллегии Суда о соответствии Решения № 132 Договору и международным договорам в рамках Союза сделан при неправильном применении права Союза и, как следствие, на этом основании принять решение об отмене решения Коллегии Суда, а также вынести новый судебный акт о признании Решения № 132 не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

6. В заключение настоящего особого мнения считаю необходимым отметить, что уяснение содержания пункта 1 статьи 70 Регламента, допускающего основания изменения или отмены решения Коллегии Суда, свидетельствует, что целью деятельности Апелляционной палаты является проверка правиль-

ности применения норм права Союза. В силу пункта 1 статьи 71 Регламента данная цель реализуется предоставлением ей вышеуказанных полномочий.

Систематическое толкование указанных правовых норм позволяет сделать вывод, что на Апелляционную палату возложена обязанность по осуществлению проверки соответствия праву Союза выводов Коллегии Суда, независимо от того, подлежит ли обжалуемое решение оставлению без изменения, отмене или изменению.

Вопреки установлениям вышеуказанных правовых норм, Апелляционная палата при рассмотрении настоящего дела не проверила правильность применения Коллегией Суда Договора и международных договоров в рамках Союза, ограничившись согласием с выводами Коллегии Суда, не аргументировав свою позицию.

Решения Суда призваны не только разрешать спор между Комиссией и хозяйствующим субъектом, но и направлены на обеспечение единообразного применения права Союза его органами и государствами-членами. Отказ Апелляционной палаты исследовать доводы истца и принять решение, содержащее их оценку, обусловленный ложно понятой корпоративной солидарностью, негативно сказывается на формировании правовой системы Союза, выстраивании ее взаимоотношений с национальными правовыми системами.

Неэффективность деятельности Апелляционной палаты обусловлена объективными обстоятельствами.

В силу пунктов 74, 77 и 80 Статута, определяющих формирование Большой коллегии, Коллегии и Апелляционной палаты, все судьи поочередно являются судьями как Коллегии, так и Апелляционной палаты, и совместно образуют Большую коллегию. Существующая система формирования судебных составов не позволяет обеспечить соблюдение принципа независимости судей, на основе которого, как указано в пункте 53 Статута, осуществляется судопроизводство.

Считаю, что надлежащая реализация Апелляционной палатой возложенных на нее функций и, как следствие, повышение уровня защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов будут возможны лишь в результате создания такой структуры Суда, при котором Коллегия Суда и входящие в нее судьи окажутся организационно отделены от Апелляционной палаты, что позволит обеспечить их независимость и беспристрастность.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

Резюме
по делам № СЕ-1-2/8-18-КС, № СЕ-1-2/8-19-АП-1
(ЗАО «Санофи-Авентис Восток»)

Ключевые слова:

Закрытое акционерное общество «Санофи-Авентис Восток» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Классификация товаров в таможенных целях; товарная позиция 9018, товарные субпозиции 9018 31, 3004 31; комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина; единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза; Основные правила интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности; лекарственные средства.

Решение Коллегии ЕЭК от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» – Таможенный кодекс ЕАЭС – Таможенный кодекс таможенного союза – ТН ВЭД ЕАЭС – ОПИ ТН ВЭД.

Решение Коллегии Суда – отказ в удовлетворении требований – признание решения ЕЭК соответствующим Договору – решение Апелляционной палаты – отказ в удовлетворении требований – оставление решения Коллегии Суда без изменения – особое мнение.

Описание:

Истец (ЗАО «Санофи-Авентис Восток») импортировал на таможенную территорию ЕАЭС товары (держатели картриджа и механические части одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина) и самостоятельно классифицировал ввозимые товары по коду 9018 90 840 9 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС).

3 октября 2017 года Коллегией Евразийской экономической комиссии было принято Решение № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых

шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 132), в соответствии с которым комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, представляющие собой держатель картриджа и механическую часть шприц-ручки, подлежат классификации в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС.

ЗАО «Санофи-Авентис Восток» обратилось в Суд ЕАЭС с заявлением о признании Решения № 132 не соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. По мнению истца, указанное решение нарушает преамбулу, статьи 3, 25, 31, 32, 33 и 51 Договора о Союзе, статью 52 Таможенного кодекса таможенного союза, пункты 3 и 13 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору о Союзе, поскольку оно принято с превышением предоставленных ЕЭК полномочий и содержит неверную классификацию.

Коллегия Суда установила, что Решение № 132 принято Комиссией на основании полномочий, предоставленных пунктом 7 статьи 52 ТК ТС по предложению таможенного органа одного из государств-членов в соответствии с процедурой, установленной для принятия данного вида решений.

Оценивая содержание Решения № 132, Коллегия Суда установила, что в связи с отсутствием в ТН ВЭД ЕАЭС товарной позиции, соответствующей свойствам и характеристикам держателя картриджа и механической части одноразовой шприц-ручки как отдельного вида товара, проверка обоснованности классификации предполагает определение кода товара, составными частями которого они являются.

Наименование, описание и функциональное назначение держателя картриджа и механической части одноразовой шприц-ручки указывают на то, что они являются составными частями одноразовой шприц-ручки для подкожного введения инсулина.

Коллегия Суда пришла к выводу, что одноразовая шприц-ручка, применяемая для подкожного введения инсулина, является устройством, предназначенным для осуществления дозированных инъекций лекарственного средства в организм человека, и обладает основными признаками шприца, применяемого в медицине. Особенности ее конструкции не влияют на функциональное назначение устройства, что служит основанием для классификации одноразовых шприц-ручек, а, как следствие, и их составных частей, в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС.

С учетом изложенного Коллегия Суда отказала в удовлетворении заявления ЗАО «Санофи-Авентис Восток» и признала Решение № 132 соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза.

К решению Коллегии Суда заявлено особое мнение судьи Т.Н. Нешатаевой.

Истец обжаловал решение Коллегии Суда в Апелляционную палату Суда ЕАЭС. Решением Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 7 марта 2019 года решение Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года оставлено без изменения, а жалоба ЗАО «Санofi-Авентис Восток» – без удовлетворения.

К решению Апелляционной палаты приложены особые мнения судей Суда ЕАЭС В.Х. Сейтимовой, А.Э. Туманяна, К.Л. Чайки.

Правовые позиции Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда:

1. Решения и разъяснения по классификации отдельных видов товаров принимаются Комиссией в целях обеспечения единообразного толкования ТН ВЭД. Решения о классификации отдельных видов товаров, принимаемые ЕЭК, имеют нормативно-правовой характер.

(абзац 2-3 пункта 5.3 решения Коллегии Суда, абзац 4 п. 5.1 решения Апелляционной палаты)

2. Правом Союза не установлено ограничение для принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров исключительно в случае, если инициативное обращение уполномоченных таможенных органов государств – членов Союза обусловлено наличием неединообразной практики в вопросах классификации по одним и тем же видам товаров в государствах-членах Союза.

(абзац 5 п. 5.1 решения Апелляционной палаты)

3. Дискреция Комиссии на принятие актов нормативно-правового характера, в том числе, решений о классификации отдельных видов товаров, [принимаемых на основании предложений таможенных органов] в пределах полномочий, переданных ей государствами – членами Союза, не может быть поставлена под условие наличия или отсутствия ранее принятых на уровне государств – членов Союза решений, равно как и решения национальных судов по результатам рассмотрения конкретных дел не могут ограничивать право органов Союза на принятие решений по вопросам, переданным в их компетенцию.

(абзац 1 п. 5.2 решения Апелляционной палаты)

4. Из текста товарной позиции 9018 ТН ВЭД ЕАЭС и Пояснений следует, что условием отнесения к ней приборов и устройств является их использование в области медицины. При этом не имеют значения ни вид материала, из которого они изготовлены, ни порядок и условия их производства, ни наличие требований к регистрации, ни иные подобные характеристики.

(абзац 4 п. 5.4.3 решения Коллегии Суда)

5. В рамках товарной позиции 9018 ТН ВЭД ЕАЭС в отдельную двухдефиниционную субпозицию 9018 31 выделены шприцы, с иглами или без игл. В соответ-

ствии с Пояснениями к ГС к товарной позиции 9018 относятся шприцы (стеклянные, металлические, из стекла и металла, пластмассы и т.д.) всех видов, из чего следует, что основополагающим фактором для таможенной классификации товаров в качестве шприцев является их функциональное назначение, а не особенности конструкции или применения.

(абзац 2 п. 5.4.4 решения Коллегии Суда)

6. Межгосударственные стандарты, принятые в отношении определенной продукции, устанавливают технические требования конкретно к этой продукции и не являются документами безусловного применения для целей таможенной классификации товаров. При классификации для таможенных целей частей устройств, используемых в медицине, требования о сертификации и регистрации медицинских изделий не имеют правового значения.

(абзац 2 п. 5.4.6 решения Коллегии Суда, абзацы 1-2 п. 7.3 решения Апелляционной палаты)

Summary
of the cases No. CE-1-2/8-18-KC,
No. CE-1-2/8-19-АП-1
(CJSC “Sanofi-Aventis Vostok”)

Keywords:

Closed Joint Stock Company “Sanofi-Aventis Vostok” (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On declaring the Decision of the Board of Eurasian Economic Commission dated October 03, 2017 No. 132 “On classification of components for disposable pen injectors used for subcutaneous insulin injection, in accordance with the Single Foreign Economic Activities Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union” not in line with to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and the international treaties within the Eurasian Economic Union.

Classification of goods for the customs purposes; heading 9018, subheadings 9018 31, 3004 31; components for disposable pen injections for subcutaneous insulin injection; the Single Foreign Economic Activities Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union; Basic rules of interpretation of the Single Foreign Economic Activities Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union; pharmaceutical products.

Decision of the Board of EEC dated October 03, 2017 No. 132 “On classification of components for disposable pen injectors for subcutaneous insulin injection, in accordance with the Single Foreign Economic Activities Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union” – Customs Code of the EAEU – Customs Code of the Customs Union – the EAEU Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature – General Rules of Interpretation of Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature.

Judgment of the Chamber of the Court – rejection of claim – recognition of Decision of the EEC as compliant with the Treaty – Judgment of the Appeals Chamber – rejection of appeal – upholding of judgment of the Chamber of the Court – separate opinion.

Description:

The Claimant (Sanofi-Aventis Vostok, CJSC) has imported to the customs territory of the EAEU the goods (cartridge holders and mechanical parts of disposable pen injectors for subcutaneous insulin injection) and classified the imported goods pursuant to the code 9018 90 840 9 of the Single Foreign Economic Activities Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU FEA CN).

On October 3, 2017 the Board of Eurasian Economic Commission has adopted the Decision No. 132 “On classification of components for disposable pen injectors for subcutaneous insulin injection, in accordance with the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activities of the Eurasian Economic Union”

(hereinafter referred to as the Decision No. 132), pursuant to which the components for disposable pen injectors for subcutaneous insulin injection, which constitute the cartridge holders and the mechanical part of pen injectors, are to be classified in subheading 9018 31 of the EAEU FEA CN.

Sanofi-Aventis Vostok, CJSC applied to the Court of the Eurasian Economic Union for declaring Decision No. 132 to be not in line with the Treaty on the Union and international treaties within the Union, and violating the rights and legitimate interest of the claimant in the area of business and other economic activities.. According to the Claimant's opinion, Decision No. 132 infringes the preamble, Articles 3, 25, 31, 32, 33 and 51 of the Treaty on the Union, Article 52 of the Customs Code of the Customs Union, paragraphs 3 and 13 of the Regulation on the Eurasian Economic Commission (Annex No. 1 to the Treaty on the Union), whereas it was adopted with excess of the authority, granted to the EEC, and contains an incorrect classification.

The Chamber of the Court has established that the Decision No. 132 was adopted by the Commission within the powers granted by paragraph 7 of Article 52 of the Customs Code of the Customs Union according to the proposal of the customs authority of one of Member States pursuant to the procedure, established for adoption of this type of decisions.

Assessing the content of Decision No. 132, the Chamber of the Court has found that due to the lack of heading in the EAEU FEA CN, which corresponds to the properties and characteristics of the cartridge holder and the mechanical part of disposable pen injectors as a separate type of the goods, the verification of the classification validity requires determination of code of the product, the components of which they are.

The name, description and functionality of the cartridge holder and the mechanical part of the disposable pen injectors indicate that they are components of such kind of a pen injector for subcutaneous insulin injection.

The Chamber of the Court came to the conclusion that the disposable pen injector for subcutaneous insulin injection is the device, designed for carrying out of dosed injections of medicines into human body, and has the essential features of syringe used in medicine. Its design features do not affect the functional purpose of device, which serves as the basis for classification of disposable pen injectors, and, as a consequence, their components, in subheading 9018 31 of the EAEU FEA CN.

Due to this fact, the Chamber of the Court dismissed the claim of Sanofi-Aventis Vostok, CJSC and recognized Decision No. 132 as compliant with the Treaty on the Union and international treaties within the Union.

The Judgment of the Chamber of the Court is accompanied by the separate opinion of the judge T.N. Neshataeva.

The Claimant appealed against judgment of the Chamber of the Court to the Appeals Chamber of the EAEU Court. By the judgment of the Appeals Chamber of

EAEU Court dated March 07, 2019, the judgment of the Chamber of the Court dated December 21, 2018 was upheld, and the complaint of Sanofi-Aventis Vostok, CJSC was dismissed.

The special opinions of judges of EEU Court V. Kh. Seytimova, A. E. Tumanyan, K. L. Chayka were attached to the judgment of the Appeals Chamber.

Legal findings of the Chamber of the Court and the Appeals Chamber of the Court:

1. Decisions and clarifications on the classification of certain types of goods are adopted by the Commission in order to ensure a uniform interpretation of the EAEU Foreign Economic Activity Commodity Nomenclature. Decisions on classification of certain types of goods, adopted by the EEC, are of a regulatory nature.

(subparagraphs 2-3 of paragraph 5.3 of the judgment of Chamber of the Court, subparagraph 4 of paragraph 5.1 of the judgment of the Appeals Chamber)

2. The Union law has not established any restrictions for adoption by the Commission of any decisions on the classification of certain types of goods solely if the initiative proposal of the authorized customs authorities of the Union Member States is due to the non-unified practice of classification of the same type of goods in the Member States of the Union.

(subparagraph of paragraph 5.1 of the judgment of the Appeals Chamber)

3. The discretion of the Commission to adopt regulatory acts, including the decisions on classification of certain types of goods, [adopted in accordance with the proposals of the customs authorities] within the powers, granted to it by the Union Member States, cannot be subject to the condition of presence or absence of previously adopted decisions at the level of the Union Member States, Nor can the judgments of national courts adopted upon the consideration of specific cases, restrict the right of the bodies of the Union to adopt decisions on issues within their competence.

(subparagraph 1 of paragraph 5.2 of the judgment of the Appeals Chamber)

4. According to the text of heading 9018 of the EAEU FEA CN and Explanatory Notes to the FEA CN, the condition for classifying instruments and devices is their use in the sphere of medicine. In this case, neither the type of material from which they are made, nor the order and conditions of their production, nor the registration requirements, or other similar characteristics matter.

(subparagraph 4 of paragraph 5.4.3 of the judgment of the Chamber of the Court)

5. According to the heading 9018 of the EAEU FEA CN, the syringes with or without needles are ranged into a separate subheading 9018 31. Pursuant to the Explanatory Notes to the Harmonized System, the heading 9018 includes all types of syringes (glass, metal, made of glass and metal, plastic, etc.) of all types, which

means that the key factor for the customs classification of goods as syringes is their functional use, rather than any structural or usage features.

(subparagraph 2 of paragraph 5.4.4 of the judgment of the Chamber of the Court)

6. Regional state standards, adopted in relation to a particular product, establish technical requirements specifically to these products and are not the documents of unconditional use for the purposes of the customs classification of goods. When classifying parts of devices used in medicine for customs purposes, the requirements for certification and registration of medical devices do not have legal significance.

(subparagraph 2 of paragraph 5.4.6 of judgment of the Chamber of the Court, subparagraphs 1-2 of paragraph 7.3 of the judgment of the Appeals Chamber)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

28 февраля 2019 года

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Туманяна А.Э., при секретаре судебного заседания Малашко А.П., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» (далее – ООО «Шиптрейд», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Согласно оспариваемому решению судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, в соответствии с основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируется в позиции 8408 90 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

ООО «Шиптрейд» считает, что решение не соответствует Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), международным договорам, заключенным в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), и нарушает его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно пункту 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), по заявлению хозяйствующего субъекта Суд рассматривает споры о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

ООО «Шиптрейд» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Рассмотрение спора относится к компетенции Суда в соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда.

К заявлению в Суд Евразийского экономического союза приложены документы о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора.

Истцом соблюдены требования статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

В заявлении указаны права и законные интересы, которые, по мнению истца, нарушены оспариваемым решением, приведены обстоятельства и доводы в обоснование предъявленных требований. К заявлению приложены документы, установленные пунктом 3 статьи 9 Регламента Суда.

Заявление подписано уполномоченным лицом, что подтверждается соответствующей доверенностью, приложенной к заявлению.

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору, между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном размере.

Документы и материалы представлены в объеме, достаточном для принятия заявления к производству.

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 39 Статута Суда, статьями 9, 33, 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии

от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» принять к производству.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 10 часов 00 минут 20 мая 2019 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.Э. Туманян

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

РЕШЕНИЕ

18 июня 2019 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи - докладчика Туманяна А.Э., судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Малашко А.П., рассмотрев в открытом судебном заседании дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» об оспаривании решения Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»,

с участием:

представителя истца Даниловского М.В., Камолкина В.М., представителя ответчика Юрлова И.А., Кирилеева Р.О., Солопова В.И., заслушав представителей сторон, специалиста Попова Л.Н., исследовав материалы дела,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Общество с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» (далее – ООО «Шиптрейд», истец) является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации, и осуществляет внешнеэкономическую деятельность.

ООО «Шиптрейд» в июне 2018 года на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Союз) был ввезен судовый дизельный двигатель для привода генератора 24 квт/1500 об/мин, приводящий в движение плавучие средства, новый, мощностью 30 квт, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения гребных электродвигателей, с навесным оборудованием (Модель D226B-3CD), в отношении которого был заявлен классификационный код 8408 10 270 0 ТН ВЭД ЕАЭС (субпозиция 8408 10 «- Двигатели, приводящие в движение плавучие средства»), ставка таможенной пошлины по которому составляет 0%.

Решением от 26 июня 2018 года таможенный орган изменил заявленный истцом код на код 8408 90 430 9 ТН ВЭД ЕАЭС (субпозиция 8408 90 «-Двигатели прочие»), ставка таможенной пошлины по которому составляет 8 %.

В ноябре 2018 года ООО «Шиптрейд» на таможенную территорию Союза были ввезены судовые дизельные двигатели мощностью 350 квт, 1500 об/мин, предназначенные для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения гребных электродвигателей, с навесным оборудованием (Модель WP13CD385E200), в отношении которого был заявлен классификационный код 8408 10 690 0 ТН ВЭД ЕАЭС (субпозиция 8408 10 «- Двигатели, приводящие в движение плавучие средства»), ставка таможенной пошлины по которому составляет 0 %.

Решением от 13 ноября 2018 года таможенный орган изменил заявленный код на код 8408 90 670 9 ТН ВЭД ЕАЭС (субпозиция 8408 90 «- Двигатели прочие»), ставка таможенной пошлины по которому составляет 5 %.

ООО «Шиптрейд» обжаловало решения таможенных органов от 26 июня 2018 года и от 13 ноября 2018 года в вышестоящие таможенные органы, которые отказали в удовлетворении жалоб заявителя и признали обжалуемые решения правомерными со ссылкой на решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение №15), которым «судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируется в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС».

10 сентября 2018 года ООО «Шиптрейд» в рамках досудебного урегулирования спора обратилось в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия, ЕЭК) с жалобой на оспариваемое Решение № 15, в удовлетворении которой отказано.

2. Процедура в Суде

20 февраля 2019 года ООО «Шиптрейд» обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании решения Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Постановлением Коллегии Суда от 28 февраля 2019 года заявление ООО «Шиптрейд» принято к производству.

В порядке подготовки дела к рассмотрению Судом направлены запросы и получены ответы из Комитета государственных доходов Республики Армения, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы Российской Федерации, Государственного института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева», Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Истец заявлением об уточнении требований от 29 марта 2019 года просил Суд признать Решение № 15 противоречащим положениям статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе, Договор), Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, а также Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза».

Комиссия письмом от 5 апреля 2019 года № 03-24 направила в Суд возражения на заявление ООО «Шиптрейд».

10 мая 2019 года истцом направлен в Суд отзыв на возражение Евразийской экономической комиссии.

3. Доводы истца

3.1. ООО «Шиптрейд» считает, что Решение № 15 содержит неверную классификацию судовых двигателей, в связи с чем не соответствует положениям Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору о Союзе, и нарушает его права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности, поскольку влечет увеличение таможенных платежей.

3.2. Ссылаясь на тексты товарных позиций 8402–8424 ТН ВЭД ЕАЭС, а также Пояснений к группе 84 ТН ВЭД ЕАЭС, истец отмечает, что в указанные товарные позиции включаются машины и устройства, классифицируемые главным образом по их функциям. Согласно Пояснениям к подсубпозициям

8407 21 110 0–8407 29 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС в них не включаются двигатели, используемые на судах в целях, отличных от приведения в движение. Исходя из этого, по мнению истца, в целях проверки правильности классификации спорных судовых двигателей подлежит выяснению единственный вопрос: какую функцию выполняют данные двигатели на судах, являются ли они приводящими в движение плавучие средства, либо они являются прочими двигателями, используемыми для любых иных целей, отличных от приведения в движение плавучих средств. Для этого, как считает истец, необходимо уяснить принцип (схему) действия судовых агрегатов и механизмов, в результате работы которых плавучее судно приводится в движение, а не как Евразийская экономическая комиссия, руководствоваться исключительно их названием.

Как утверждает истец, все самоходные суда, использующие внутреннюю энергию, приводятся в движение в результате работы главного двигателя, который вырабатывает механическую энергию, приводящую в действие движитель судна. Ни один судовой двигатель не обладает функцией непосредственного приведения судна в движение. Судно приводится в движение движителем в результате взаимодействия главного двигателя и движителя (гребные винты, колеса), осуществляемого через различные передаточные механизмы (передачу). Двигатель внутреннего сгорания преобразует тепловую энергию, вырабатываемую в результате сгорания топлива, в механическую, которая через передаточные механизмы передается на движитель, приведение в действие которого приводит судно в движение.

3.3. Истец выражает мнение, что использованная в Решении № 15 формулировка «...обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно...» позволяет сделать вывод: ЕЭК считает, что дизель–электроход приводится в движение не судовым дизельным двигателем, вращающим ротор электрогенераторной установки, а электрическим двигателем, потребляющим выработанную двигателем внутреннего сгорания энергию. Истец полагает, что с технической точки зрения такой подход является ошибкой и влечет за собой неправильную классификацию судового дизельного двигателя.

ООО «Шиптрейд» утверждает, что электрические двигатели, питаемые электрической энергией, вырабатываемой в результате взаимодействия дизельного двигателя с генератором, главными двигателями, приводящими в движение судно, не являются, так как они не вырабатывают механическую энергию. Они, наряду с генератором, являются элементами электрической передачи механической энергии от судового дизельного двигателя к движителям.

3.4. Для обоснования своих аргументов истец приводит выдержки из учебника «Судовые силовые установки» (Высота И.И., Плахов В.С. Судовые силовые установки. Москва: изд-во «Речной транспорт», 1963. – С. 6, 7), согласно которым механическая энергия, выработанная двигателем, преобразуется

электрогенератором в электрическую энергию, которая по проводникам подводится к электродвигателю, соединенному с валом движителя. Полученную электрическую энергию электродвигатель преобразует в механическую, которая поступает к движителю.

Свою позицию истец обосновывает также, письмом Обь–Иртышского филиала Российского Речного Регистра от 28 января 2015 года № ОИФ-22-411 о том, что генераторы и гребные электродвигатели являются только преобразователями энергии (механической в электрическую и обратно), передаваемой (передача) от двигателя внутреннего сгорания к движителю, и не являются главными двигателями, а только элементами гребной электрической установки. Приведение в движение движителя на дизель–электроходах обеспечивается работой двигателя внутреннего сгорания, который в соответствии с Правилами Речного Регистра является главным двигателем.

В подтверждение своих доводов Истец также ссылается на то, что декларируемые (спорные) двигатели были ввезены ООО «Шиптрейд» на таможенную территорию ЕАЭС с целью исполнения обязательств по двум договорам поставки судового оборудования для пассажирских судов проекта ПКС–180 (строительные номера 028800 и 028900) с Акционерным обществом «Судостроительный завод «Лотос» от 10 августа 2018 года. В прилагаемых к ним спецификациях поставляемые товары именуется как судовые дизель–генераторы ДГР 2–315/1500–РД1843 и содержатся ссылки на Исходные технические требования к ним–ПКС180–064–001.2ИТТ «Главный дизель–генератор», а в разделе 2 Исходных технических требований на поставку оборудования для круизного пассажирского судна проекта ПКС–180 в пункте 2.1 отражены сведения о характеристиках и составных частях энергетической установки судна: энергетическая установка–дизель–электрическая, состоящая из трех главных дизель–генераторов (ГДГ) переменного тока 400В, 50Гц электрической мощностью по 315–330 кВт каждый, питающих гребную электрическую установку (ГЭУ) и остальные судовые потребители.

3.5. На основании изложенного истец утверждает, что спорные двигатели являются главными судовыми двигателями и делает вывод, что основной функцией судового дизельного двигателя, вращающего ротор электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения гребных электродвигателей, является приведение в движение судна, и в соответствии с Основными правилами интерпретации товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 такой двигатель должен классифицироваться в субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС.

3.6. Истец считает необоснованной позицию ЕЭК, которая в качестве основной функции спорного двигателя определяет вращение ротора электрогенераторной установки, и выражает мнение, что при подобном подходе ни один

судовой двигатель не может быть классифицирован в субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС. По мнению истца, Комиссия утверждает, что все судовые двигатели предназначены для приведения в действие передаточного механизма или движителя (вращение валопровода, вращение винта), и ООО «Шиптрейд» возражает против подобной позиции.

ООО «Шиптрейд» утверждает, что несоответствие Решения № 15 Договору о Союзе заключается в неправильном определении функции спорного двигателя из-за ошибочного уяснения с технической точки зрения принципов работы судовых агрегатов и механизмов.

3.7. В судебном заседании представитель истца поддержал заявленные требования с учетом уточнения и просил признать Решение от 31 января 2018 года № 15 не соответствующим положениям статей 3, 25, 32 Договора о Союзе, статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров.

4. Возражения ответчика

4.1. Комиссия утверждает, что тексты товарных позиций и субпозиций ТН ВЭД ЕАЭС согласно пункту 2 статьи 19 ТК ЕАЭС основаны на положениях Гармонизированной системы описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (далее – ГС ВТО) и должны применяться при осуществлении классификации товаров без каких-либо изъятий. В частности, текст товарной позиции 8408 ТН ВЭД ЕАЭС соответствует тексту товарной позиции 84.08 ГС ВТО, а текст субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС (двигатели, приводящие в движение плавучие средства) – тексту субпозиции 8408.10 ГС ВТО (marine propulsion engines).

Согласно тексту товарной позиции 8408 ТН ВЭД ЕАЭС в нее включаются товары в соответствии с ее наименованием, а именно: двигатели внутреннего сгорания поршневые с воспламенением от сжатия (дизели или полудизели). Ключевой характеристикой таких двигателей является преобразование энергии сжигаемого топлива в механическую энергию. Дальнейшая классификация товаров, включаемых в данную товарную позицию, как считает Комиссия, осуществляется в соответствии с характеристиками, указанными в подчиненных ей субпозициях. В частности, основной функцией судового двигателя, классифицируемого в субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС, является приведение в движение плавучих средств.

Вместе с тем, по мнению Комиссии, основной функцией дизельного двигателя для привода электрогенератора является приведение в движение ротора генератора с целью выработки электрической энергии.

Комиссия полагает, что в соответствии с ОПИ 6, согласно наименованию субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС «- двигатели, приводящие в движение пла-

вучие средства:», в ней должны классифицироваться только те дизельные двигатели внутреннего сгорания, которые приводят в движение плавучие средства, т.е. предназначенные для преобразования энергии дизельного топлива в механическую энергию вращения гребного винта плавучего средства (крутящий момент с двигателя передается на вал винта), приводящего его в движение.

В связи с этим Комиссия считает, что отдельный вид товара, указанный в Решении № 15, не может быть классифицирован в субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС, так как он не используется для непосредственного приведения в движение гребных винтов судна (или иного типа движителя).

По мнению Комиссии, утверждение истца о том, что «дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения работы гребных электродвигателей, подлежит классификации в субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС, поскольку именно на плавучих средствах типа «электроход» такой дизельный двигатель является главным двигателем, приводящим в движение плавучее средство», несостоятельно, так как такой подход не соответствует текстам товарных субпозиций 8408 10 и 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС, ОПИ, а также текстам субпозиций ГС ВТО, поскольку ни в ГС ВТО, ни в ТН ВЭД ЕАЭС не используется термин «главный двигатель». Следовательно, наличие либо отсутствие в характеристиках того или иного судового двигателя признака «главный», как полагает Комиссия, не оказывает влияние на его классификацию в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

4.2. Не соглашаясь с доводом истца о том, что «ни один судовой двигатель не может быть классифицирован в субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС», Комиссия считает, что он основан на ошибочной интерпретации текстов товарных позиций и субпозиций ТН ВЭД ЕАЭС, и утверждает, что судовые двигатели могут быть классифицированы в субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС, если их основной функцией является приведение судна в движение. Однако отдельный вид товара, указанный в Решении № 15, таким функциональным назначением не обладает, а предназначен для вращения ротора электрогенераторной установки. При этом, как поясняет Комиссия, функциональное назначение того или иного товара определяется не Комиссией, а его производителем, которое учитывается Комиссией при принятии того или иного решения о классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Комиссия утверждает, что аналогичного подхода по классификации отдельного вида товара, указанного в Решении № 15, придерживается Директорат по тарифам и торговле Всемирной таможенной организации. Так, в письме от 27 января 2015 года № 15NL0041 - ДК указано, что «Текст субпозиции 8408.10, то есть «*marine propulsion engines*», ясно указывает, что двигатели данной субпозиции – это двигатели для продвижения вперед кораблей, лодок и

других судов». Указанная позиция Всемирной таможенной организации учитывалась Комиссией при подготовке проекта Решения № 15.

Комиссия констатирует, что существующая международная практика также исходит из того, что в субпозиции 8408.10 ГС ВТО классифицируются только дизельные двигатели для приведения судов в движение, и отмечает, что, к примеру, при импорте в Республику Индия товар – дизельный судовый двигатель Cummins Diesel Engine Qsb 6.7305mdl классифицирован в субпозиции 8408.10 ГС ВТО, так как его технические характеристики соответствуют функциональному назначению «приведение в движение судов». При этом двигатель Volvo Penta Marine Commercial Engine D5A TA, предназначенный для привода генератора и используемый на различных судах, классифицируется в субпозиции 8408.90 ГС ВТО.

С учетом изложенного, Комиссия полагает требования ООО «Шиптрейд» необоснованными и просит Суд отказать в их удовлетворении.

5. Выводы Суда

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору о Союзе и (или) международным договорам в рамках Союза.

5.1. Решение № 15 принято на основании абзаца первого пункта 1 статьи 22 ТК ЕАЭС, в соответствии с которым Комиссия в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС вправе принимать решения о классификации отдельных видов товаров на основании предложений таможенных органов. Из материалов дела следует, что Решение № 15 принято на основании предложения таможенного органа Республики Беларусь.

В соответствии с пунктом 7 статьи 21 ТК ЕАЭС под отдельным видом товаров понимается совокупность товаров, которые имеют общие классификационные признаки, позволяющие отнести товары с конкретными наименованиями, конкретных марок, моделей, артикулов, модификаций и с иными подобными индивидуальными характеристиками к одному коду в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

Судовые дизельные двигатели, предназначенные для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, являются совокупностью товаров, обладающих сходным составом потребительских свойств, а значит – отдельным видом товара, в отношении которого Комиссия вправе принимать решения о классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС.

На основании вышеизложенного, Коллегия Суда считает, что Комиссия обладала полномочиями на принятие Решения от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

5.2. Коллегия Суда считает, что без оценки соответствия решения Комиссии праву Союза не представляется возможным установить факт нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, предоставленных Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза.

Суд полагает, что нарушение прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности может повлечь только несоответствующее праву Союза решение Комиссии. В связи с этим проверка факта нарушения Решением № 15 прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза, должно предшествовать осуществлению проверки правомерности оспариваемого акта Комиссии.

5.3. Согласно статье 32 Договора в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с ТК ЕАЭС и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями настоящего Договора.

Товары при их таможенном декларировании классифицируются в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, утвержденной решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года №54. Международной основой ТН ВЭД ЕАЭС является Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых государств (пункт 2 статьи 25 Договора, пункт 2 статьи 19 ТК ЕАЭС). Использование Гармонизированной системы описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации осуществляется при кодировании до шестого знака товарной номенклатуры включительно (статья 3 Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров).

Решение №15 классифицирует товар на уровне шести знаков, предусмотренных ТН ВЭД ЕАЭС и Гармонизированной системой.

5.4. Классификация товаров в ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ОПИ).

При этом критериями классификации товара для таможенных целей являются его объективные характеристики и свойства, как они определены в текстах соответствующих товарных позиций и в примечаниях к разделам и группам. Одним из критериев классификации также является предполагаемое назначение товара, которое подлежит оценке на основании его объективных характеристик и свойств.

Оспариваемым Решением № 15 судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, классифицирован в соответствии с ОПИ 1 и 6 в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

ОПИ 1 установлено правило, согласно которому названия разделов, групп и подгрупп приводятся только для удобства использования ТН ВЭД; для юридических целей классификация товаров в ТН ВЭД осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями ОПИ 2 - 6.

Классификация в рамках товарной позиции на уровне субпозиций производится на основании ОПИ 6, согласно которому для юридических целей классификация товаров в субпозициях товарной позиции должна осуществляться в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также *mutatis mutandis*, положениями вышеупомянутых Правил при условии, что лишь субпозиции на одном уровне являются сравнимыми. Для целей настоящего Правила также могут применяться соответствующие примечания к разделам и группам, если в контексте не оговорено другое.

Коллегия Суда для целей интерпретации положений ТН ВЭД ЕАЭС учитывает Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС), являющиеся Приложением № 1 к рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 года № 21.

5.5. В группу 84 ТН ВЭД ЕАЭС включены реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части.

В соответствии с текстом товарной позиции 8408 ТН ВЭД ЕАЭС к ней отнесены двигатели внутреннего сгорания поршневые с воспламенением от сжатия (дизели или полудизели).

Как следует из доводов истца, назначением судового дизельного двигателя, описанного в Решении №15, является приведение в движение судна, что со-

относится с текстом товарной субпозиции 8408 10. Согласно тексту товарной субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС в нее включаются двигатели, приводящие в движение плавучие средства.

По мнению Комиссии, в субпозицию 8408 10 Товарной номенклатуры включаются только дизельные двигатели, крутящий момент которых непосредственно передается на вал главных винтов судна. Возможность использования «корзиночной» субпозиции (8408 90 -«прочие»), в свою очередь, возникает в случае, если на уровне предшествующих товарных субпозиций того же порядка отсутствует описание, соответствующее характеристикам (назначению) товара.

Исходя из изложенных позиций сторон, основываясь на правилах интерпретации ТН ВЭД 1 и 6, Коллегия Суда полагает необходимым исследовать тексты субпозиций одного уровня товарной позиции 8408, относящиеся к предмету спора.

Системное толкование текста субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС в совокупности с содержащимся в Томе IV Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС Пояснением (2) пункта (Б) «Общее построение группы» к группе 84 о том, что в товарные позиции 8402–8424 включаются машины и устройства, классифицируемые главным образом по их функциям независимо от отрасли промышленности, в которой они применяются, свидетельствует о том, что в ней подлежат классификации двигатели, основное функциональное назначение которых заключается именно в приведении судна в движение.

Этот вывод подтверждается также Пояснениями к товарной позиции 8408 ТН ВЭД ЕАЭС, содержащимися в Томе VI Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС, о том, что при классификации в товарных подсубпозициях 8408 10 110 0 – 8408 10 990 0 ТН ВЭД ЕАЭС используются Пояснения к подсубпозициям 8407 21 100 0 – 8407 29 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС, где указано, что в данные позиции не включаются двигатели, используемые в целях, отличных от приведения в движение.

Таким образом, двигатели внутреннего сгорания поршневые с воспламенением от сжатия (дизели или полудизели) классифицируются в ТН ВЭД ЕАЭС в зависимости от их назначения (функции).

По мнению истца, к субпозиции 8408 10 относятся те из них, назначением которых является приведение в движение плавучих средств, независимо от того, осуществляется оно непосредственно или через дополнительные передаточные механизмы. Комиссия, возражая против подобного подхода, вопреки требованиям пункта 1 статьи 23 Регламента, не обосновала довод, согласно которому в субпозицию 8408 10 Товарной номенклатуры включаются только дизельные двигатели, крутящий момент которых непосредственно передается на вал главных винтов судна.

Как следует из ответов на запрос Суда Нижегородского государственного технического университета и Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, основной функцией судового дизельного двигателя является выработка энергии, которая может быть использована в различных целях: привода движителей или генераторов электрического тока, используемых для обеспечения общесудовых нужд. В зависимости от целей использования дизельные двигатели подразделяются на главные и вспомогательные.

В таможенном законодательстве ЕАЭС не содержатся понятия «главный двигатель» и «вспомогательный двигатель». В соответствии со статьей 6 Договора право Союза составляет единую систему. Следовательно, в отсутствие специальных норм, регулирующих определенную сферу отношений, следует руководствоваться понятиями в их обычном значении, используемым в применимых актах права Союза. В отношении таможенной классификации в случае отсутствия специальных терминов и определений в текстах позиций, субпозиций, Примечаниях и Пояснениях следует принимать во внимание также положения документов, указанных в подпункте г) пункта 5, подпункте б) пункта 6 Порядка подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного решением от 2 декабря 2013 года № 284 (далее – Порядок), в том числе в этих целях могут быть использованы технические регламенты и стандарты как унифицированные требования к характеристикам товара Союза.

Для определения понятий главного и вспомогательного двигателей представляется целесообразным обратиться к соответствующим техническим регламентам, межгосударственным и национальным стандартам. Объекты внутреннего водного транспорта включены в Единый перечень продукции, в отношении которой должны быть установлены единые обязательные требования, утвержденный решением Комиссии Таможенного Союза от 28 января 2011 года № 256. До настоящего времени технический регламент Союза в отношении данного вида продукции не принят. Следовательно, допустимо применение в рассматриваемом случае национального стандарта в силу пункта 3 статьи 52 Договора и пункта 3 Протокола о техническом регулировании, согласно которым до принятия унифицированного регулирования применению подлежат национальные (государственные) стандарты государств-членов.

Понятия «главный» и «вспомогательный двигатель» содержатся в национальном стандарте Российской Федерации ГОСТ 55506-2013 «Транспорт водный внутренний. Термины и определения», утвержденном Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 августа 2013 года № 525-ст. В силу пунктов 117 и 118 раздела 3 данного акта главный двигатель предназначен для приведения в действие движителей и/или

другого оборудования, обеспечивающего основное назначение судна, а вспомогательный является двигателем судовых генераторов тока.

Оценка перечисленных обстоятельств свидетельствует, что Комиссия не в полном объеме оценила все особенности функционального назначения главного дизельного двигателя, от которого зависит его классификация.

5.6. Оценивая довод истца о том, что электродвигатель не обладает самостоятельной функцией приведения в движение судна, которую может осуществлять только дизельный двигатель, и противоположную позицию ответчика, основанную на том, что предназначением дизельного двигателя является вращение ротора электрогенераторной установки, а непосредственно функцию приведения в движение судна обеспечивает работа электродвигателей, Коллегия Суда исходит из нижеследующего.

Согласно материалам дела и пояснениям специалиста целью использования дизельного двигателя, описанного в Решении № 15, является приведение в движение судна. Ответами Санкт-Петербургского государственного морского технического университета и Нижегородского технического университета также подтверждается, что электродвигатель является преобразователем энергии, элементом передаточного механизма. Позиция, согласно которой электродвигатель самостоятельной функцией приведения в движение судна не обладает, изложена в заключении Государственного университета морского и речного флота имени С.О. Макарова, а также в сведениях, представленных Обь-Иртышским филиалом Российского Речного Регистра.

Коллегия Суда считает, что указанные доказательства подтверждают позицию истца об отсутствии у электродвигателя самостоятельной функции приведения судна в движение. При таких обстоятельствах изложенное позволяет Коллегии Суда сделать вывод о том, что отнесение соответствующего дизельного двигателя к субпозиции 8408 90 Товарной номенклатуры «двигатели прочие» нельзя признать убедительным.

5.7. По мнению Коллегии Суда, буквальное толкование Решения № 15 позволяет сделать вывод, что назначение отдельного вида товара, являющееся классифицирующим признаком товарной позиции 8408 Товарной номенклатуры, в виде приведения в движение судна и обеспечения его жизнедеятельности, описано применительно к иному виду товара – электродвигателю. Как отметил представитель Комиссии в судебном заседании, данный вид товара-электродвигатель-подлежит классификации в товарной позиции 8501 Товарной номенклатуры. Между тем, текст Решения №15, содержащий описание кода Товарной номенклатуры и выполняемой отдельным видом товара функции, должен позволить заинтересованным хозяйствующим субъектам сделать однозначный выбор кода Товарной номенклатуры.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют, что вопреки требованиям определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования, вы-

текающим из общих принципов международного права и международных договоров, заключенных в рамках Союза, Комиссия в оспариваемом решении не детализировала общие характеристики и особенности товара, позволяющие соотнести его с наименованием субпозиции 8408 90 Товарной номенклатуры, текстами примечаний и пояснений.

Коллегия Суда считает, что характеристики иных видов товаров, включенные в Решение № 15, не способствуют уяснению назначения товара и вводят в заблуждение, порождают неопределенность относительно действительных оценочных критериев назначения классифицируемого товара. Наличие неопределенности наносит ущерб целям и объекту Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза.

5.8. Коллегия Суда отклоняет довод Комиссии о том, что наличие либо отсутствие в характеристиках дизельного двигателя признака «главный» не имеет правового значения для его классификации.

В силу пункта 5 Порядка подготовки Комиссией решения о классификации отдельного вида товара, утвержденного решением Комиссии от 2 декабря 2013 года № 284, к обращению таможенного органа, вносимому в Комиссию, прилагаются документы, включающие описание товара с указанием его функционального назначения и характеристик, а также техническая документация, информация от производителя о количественном и качественном составе товара, другие документы, характеризующие товар. Со ссылкой на данную норму ответчик указывает, что назначение товара определяется не Комиссией, а его производителем и учитывается Комиссией при принятии решения о классификации отдельного вида товара в соответствии с Товарной номенклатурой.

В силу пунктов 2 и 3 Протокола о техническом регулировании в технических регламентах Союза устанавливаются обязательные требования к объектам технического регулирования, в том числе связанные с процессами проектирования и эксплуатации.

Учитывая изложенную в пункте 5.6 настоящего решения позицию о допустимости применения межгосударственных стандартов, Коллегия Суда обращается к пункту 6.1.1 ГОСТа 10150-2014 «Межгосударственный стандарт. Двигатели внутреннего сгорания поршневые. Общие технические условия», согласно которому двигатели следует изготавливать в соответствии с требованиями стандарта по рабочим чертежам и техническим условиям на двигатели конкретного типа.

Систематическое толкование указанных норм свидетельствует, что требования к изготовлению дизельного двигателя в соответствии со стандартами, предъявляемыми к конкретному типу двигателя, и его технические характеристики являются существенным условием для определения назначения товара и его использования в соответствии с технической документацией.

Данный вывод также позволяет Коллегии Суда отклонить довод Комиссии о том, что правом Союза не предусмотрено использование иных актов и документов, в частности, технических регламентов, стандартов, экспертных заключений, мнений специалистов в качестве основания для классификации дизельного двигателя.

Из материалов дела следует, что при подготовке Решения № 15 для определения свойств и функций отдельного вида товара использовались технические характеристики двигателя серии WD618CD, в соответствии с которыми дизельный двигатель используется как в качестве тягового, приводящего в движение судно, так и в составе дизель-генераторных установок.

Согласно пояснениям специалиста главные двигатели проектируются в соответствии с техническими требованиями и условиями их эксплуатации, которые не подлежат изменению. При этом, несмотря на возможность одновременного использования двигателя как главного и вспомогательного, основная цель подобного использования заключается в приведении в движение судна.

На основании изложенного Коллегия Суда приходит к выводу, что для классификации товаров группы 84 Товарной номенклатуры функциональное назначение и цель использования отдельного вида товара определяются и подтверждаются с учетом требований производителя об их использовании.

Таким образом, Комиссия, вопреки пункту 5 Порядка подготовки решения о классификации отдельного вида товара, не учла требования производителя об использовании дизельных двигателей, что свидетельствует о нарушении предусмотренной правом Союза процедуры.

5.9. Коллегия Суда отклоняет ссылку Комиссии на письмо Директората по тарифам и торговле Всемирной таможенной организации от 27 января 2015 года, поскольку оно не является классификационным мнением и носит информационный характер.

5.10. Исходя из оценки изложенных обстоятельств в их совокупности и взаимной связи, Коллегия Суда считает, что требование Решения № 15 о классификации судового дизельного двигателя в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС противоречит ТН ВЭД ЕАЭС и не соответствует нормам статей 25, 32 Договора, статей 19 и 22 Таможенного кодекса ЕАЭС, и в этой связи нарушает права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

5.11. В соответствии с пунктом 64 Статута Суда возврат пошлины, уплаченной хозяйствующим субъектом при обращении в Суд, осуществляется в случае удовлетворения Судом его требований. Следовательно, пошлина, уплаченная ООО «Шиптрейд» подлежит возврату Истцу.

Согласно пункту 66 Статута Суда в ходе рассмотрения дела каждая сторона спора несет свои судебные издержки самостоятельно.

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 108 Статута Суда, статьями 77, 78, 80 и 82 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Коллегия Суда

РЕШИЛА:

Требование общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» удовлетворить.

Признать Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Уплаченную обществом с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» пошлину вернуть.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

А.Э. Туманян

Судьи

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Федорцова А.А.
(дело № СЕ-1-2/1-19-КС)

18 июня 2019 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) признала решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – решение № 15) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда судья вправе заявить особое мнение. Руководствуясь указанной нормой Регламента, выражая несогласие с судебным решением по делу № СЕ-1-2/1-19-КС, заявляю особое мнение.

Решением Евразийской экономической комиссии № 15 судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ОПИ ТН ВЭД) 1 и 6 классифицирован в субпозиции 8408 90 «двигатели прочие» единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, утвержденной решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 (далее – ТН ВЭД).

Общество с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» оспаривало в Суде такую классификацию и утверждало, что Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) неправильно классифицировала описанный в решении № 15 двигатель, полагая, что обозначенный вид товара подлежит классификации в субпозиции 8408 10 «двигатели, приводящие в движение плавучие средства».

Считаю решение Суда ошибочным по следующим основаниям.

Товарная позиция 8408 «Двигатели внутреннего сгорания поршневые с воспламенением от сжатия (дизели или полудизели)» детализируется на уровне следующих однодефисных субпозиций:

8408 10 – двигатели, приводящие в движение плавучие средства;

8408 20 – двигатели, используемые для приведения в движение транспортных средств группы 87;

8408 90 – двигатели прочие.

Дизельные двигатели, используемые на плавучих средствах, могут классифицироваться как в субпозиции 8408 10, так и в субпозиции 8408 90, исходя из текстов позиций и соответствующих примечаний и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями ОПИ ТН ВЭД 2-6.

Для оценки правильности классификации Комиссией описанного в решении № 15 товара в субпозиции 8408 90 – остаточной (корзиночной) субпозиции – необходимо определить, не относится ли данный вид товара к другой, более конкретной классификационной группировке – в данном случае к субпозиции 8408 10.

Из содержания ОПИ ТН ВЭД 1 и 6 следует приоритетность текстов товарных позиций (субпозиций) и примечаний при осуществлении классификации товаров для таможенных целей.

Для установления содержания наименования субпозиции 8408 10 «двигатели, приводящие в движение плавучие средства» обращаем внимание на текст субпозиции 8408.10 Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (далее – Гармонизированная система), которая является международной основой ТН ВЭД.

Необходимость толкования наименования субпозиции 8408 10 ТН ВЭД в свете Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция) следует из положений абзаца третьего пункта 2 статьи 25 Договора, пункта 2 статьи 19 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, конвенционных обязательств государств – членов Союза.

Согласно статье 3 Конвенции государства – члены Союза обязались использовать все товарные позиции и субпозиции Гармонизированной системы, а также относящиеся к ним цифровые коды без каких-либо дополнений или изменений. Конвенция заключена на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу (статья 20 Конвенции).

Тексты субпозиции 8408 10 ТН ВЭД и 8408.10 Гармонизированной системы приведены в следующей таблице:

Субпозиция 8408 10 ТН ВЭД	Субпозиция 8408.10 Гармонизированной системы на английском языке	Субпозиция 8408.10 Гармонизированной системы на французском языке
– двигатели, приводящие в движение плавучие средства	– Marine propulsion engines	– Moteurs pour la propulsion de bateaux

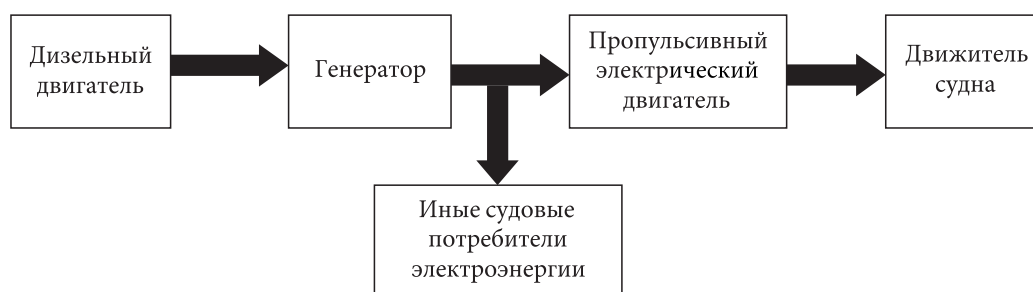

Как видно из таблицы, в текстах субпозиции 8408.10 Гармонизированной системы на английском и французском языках указан такой критерий классификации в ней судового дизельного двигателя как «propulsion» («пропульсивность»).

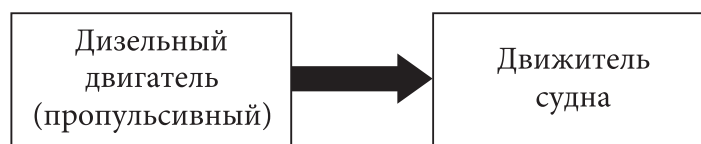
Понятие «пропульсивный двигатель» в русскоязычных доктринальных источниках используется редко, и его определение отсутствует.

Вместе с тем, как показывает анализ различных источников по теории судостроения на официальных языках Гармонизированной системы (например, H.D. McGeorge, Marine electrical equipment and practice), применительно к дизель-электрической энергетической установке судна термин «пропульсивный» используется в отношении электрического двигателя, вращающего ротор двигателя, а не дизельного двигателя, вращающего ротор электрогенераторной установки.

Схематично это выглядит следующим образом:

Пропульсивным дизельным двигателем может являться только тот дизельный двигатель, который вырабатываемую механическую энергию непосредственно передает на движитель судна через передаточные механизмы, то есть который непосредственно приводит судно в движение, как показано на схеме ниже. Такой дизельный двигатель подлежит классификации в субпозиции 8408 10.

Генератор, вырабатывающий электрическую энергию, которая используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для приведения его в движение, равно как и электрический двигатель, вращающий винты судна, в дизель-электрической энергетической установке не являются передаточными механизмами и элементами передачи механической энергии судового дизельного двигателя на движитель – винты судна или движители иного вида. Они являются преобразователями одного вида энергии в другой.

Поскольку судовой дизельный двигатель в дизель-электрической энергетической установке не является пропульсивным, он не охватывается наименованием товарной субпозиции 8408.10 Гармонизированной системы, а, следовательно, и основанной на ней субпозицией 8408 10 ТН ВЭД.

С учетом изложенного полагаю невозможным классифицировать в субпозиции 8408 10 судовой дизельный двигатель, указанный в решении № 15. Следовательно, такой двигатель должен классифицироваться в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД.

Описание товара, приведенное в решении № 15, определяет классифицируемый двигатель не как дизельный двигатель, приводящий судно в движение, а как двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, которая вырабатывает электрическую энергию. При таком предназначении классифицируемый дизельный двигатель не в соответствии с текстом товарной позиции, не в соответствии с его функциональным назначением нельзя отнести к субпозиции 8408 10. Следовательно, такой двигатель должен классифицироваться в субпозиции 8408 90 «двигатели прочие».

Мнение Суда о том, что решение № 15 позволяет подразумевать под классифицируемым видом товара электродвигатель, не соответствует описанной в решении № 15 субпозиции и является ошибочным.

Решением № 15 описан конкретный вид товара, и оно соответствует требованиям правовой определенности.

Обращаю также внимание на отсутствие правовых оснований применять критерий «главный – вспомогательный» при классификации судовых дизельных двигателей для таможенных целей. ТН ВЭД и относящиеся к ней акты в области классификации для таможенных целей не предусматривают подразделение судовых дизельных двигателей на главные и вспомогательные. Следовательно, аргументация, изложенная в пунктах 5.5 и 5.8 решения, и сделанные на ее основе выводы неверны.

Кроме того, следует отметить некорректность использования в указанных структурных элементах судебного решения положений ведомственного акта (приказа) одного из государств-членов Союза для интерпретации положений правового акта ЕАЭС.

При таких обстоятельствах полагаю, что решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствует Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Судья

А.А.Федорцов

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Туманяна А.Э.
(дело № СЕ-1-2/1-19-КС)

20 июня 2019 года

город Минск

В соответствии со статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года №101 (далее–Регламент Суда), заявляю несогласие с решением Коллегии Суда Евразийского экономического союза (далее–Коллегия Суда) от 18 июня 2019 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» «Об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

1. Коллегия суда Евразийского экономического союза 18 июня 2019 года признала решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года №15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 15) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза.

Полагаю, что указанное решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза необоснованно и принято в нарушение как материальных, так и процессуальных правовых норм, составляющих нормативную базу права Союза, по следующим основаниям.

1. В однодефисную субпозицию 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС включаются двигатели, приводящие в движение плавучие средства.

Системное толкование текста субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС в совокупности содержащимся в Томе IV Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС Пояснением (2) пункта (Б) «Общее построение группы» к группе 84, что в товарные позиции 8402–8424 включаются машины и устройства, классифицируемые главным образом по их функциям независимо от отрасли промышленности, в которой они применяются, свидетельствует о том, что в ней классифицируются двигатели, **основное функциональное назначение которых заключается в приведении судна в движение.**

Этот вывод подтверждается также Пояснениями к товарной позиции 8408 ТН ВЭД ЕАЭС (Том IV Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС), что при классификации в товарных подсубпозициях 8408 10 110 0–8408 10 990 0 ТН ВЭД ЕАЭС используются Пояснения к подсубпозициям 8407 21 100 0–8407 29 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС, где указано, что в данные позиции не включаются двигатели, используемые в целях, отличных от приведения в движение.

Таким образом, двигатели внутреннего сгорания поршневые с воспламенением от сжатия (дизели и полудизели) классифицируются в ТН ВЭД ЕАЭС в зависимости от их назначения (функции). Что касается товарной субпозиции 8408 10, в ней классифицируются те из них, для которых приведение в движение плавучих средств является основным назначением.

2. Согласно пункту 3 статьи 35 Регламента Суда Суд оценивает состязательные документы, а также материалы, полученные в соответствии с пунктом 55 Статута Суда, по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся материалов дела.

Считаю необходимым отметить, что внутреннее убеждение судьи, отмеченное в рассматриваемой норме, – это убеждение, свободное от внешнего принуждения, имеющее строго обоснованную уверенность в истинности своих суждений на основе необходимых для этого объективных материалов и доказательств. При этом, внутреннее убеждение судьи не произвольно, оно должно быть обоснованно на всестороннем, полном, объективном исследовании всех, повторяю, всех имеющихся в деле доказательств.

Между тем Коллегия Суда в нарушение рассмотренных выше требований нормы пункта 3 статьи 35 Регламента Суда не исследовала и не дала соответствующей оценки таким материалам дела как:

а) заключение **Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет» (СПбГМТУ)**, о том, что на дизель–электроходах главной энергетической установкой является дизельная установка с электрической передачей. В таких установках вращение гребного винта, который непосредственно через упорный подшипник обеспечивает движение судна, осуществляется гребным электродвигателем чаще постоянного тока, а выработка электроэнергии для их питания производится главным дизель–генератором переменного тока.

В дизель–генераторах как главных, так и вспомогательных дизельный двигатель выполняет роль первичного двигателя. Его задача – обеспечить вращение электрогенератора, а он в свою очередь вырабатывает электрическую энергию. Как будет распределяться эта энергия и кто будет ее потребителем – дизельному двигателю не важно. Поэтому эти двигатели непосредственно не обеспечивают движения судна. Дизельный двигатель в

составе дизель-генератора выполняет единственную функцию—это обеспечение вращения электрогенератора.

Движение судна обеспечивает гребной винт, который приводится во вращение гребным электродвигателем. Электрическую энергию для него генерируют дизель-генераторы. Исходя из сказанного следует, что гребной электродвигатель не вырабатывает энергию, а является потребителем той энергии, которую вырабатывают дизель-генераторы. Эта энергия электрическая, соответственно в гребном электродвигателе электрическая энергия преобразуется в механическую. Главная функция гребных электродвигателей—это приведение в движение судна, включая любое самоходное плавучее средство. Гребной электродвигатель является основным двигателем, который приводит во вращение гребной винт. Он в свою очередь преобразует подведенный к нему крутящий момент от электродвигателя в тягу, которая как раз и обеспечивает движение судна с заданной скоростью. **Несмотря на передаточные функции, гребной электродвигатель все-таки является тем двигателем, который приводит в движение судно. Это тем более важно, что любой движитель не является двигателем.**

Основной функцией дизельного двигателя в установках с электрической передачей является приведение во вращение генератора, который вырабатывает электроэнергию. В других, например, в установках с прямой передачей дизельный двигатель приводит в движение плавучее средство непосредственно.

б) заключение Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева» (НГТУ), согласно которому принятая классификация типов судовых передач энергии от главного двигателя (ГД) движителю полагает наличие электрической передачи. В состав такой передачи включают: главный (тепловой) двигатель (ДВС или турбина), электрогенератор, гребной электродвигатель, систему валов и движитель (винт, водомет и другие). Как правило, ГД и электрогенератор компонуются на одной фундаментной раме и в зависимости от типа главного двигателя называются дизель- или турбогенератор (ДГ или ТГ).

В общем случае функциональное назначение дизельного двигателя заключается в преобразовании части химической энергии топлива в тепловую, затем в механическую энергию на выходном валу. Функциональное назначение дизельного двигателя (ДВС) в составе ДГ—приведение в действие электрогенератора с целью выработки электрической энергии, необходимой как для движения судна с заданной скоростью, так и для обеспечения его жизнедеятельности. Непосредственно связи с движителем при электропередаче эти двигатели не имеют, поэтому считать, что «эти двигатели приводят судно в движение» не правильно, как, например, в случае с подводны-

ми судами. Сам по себе дизельный двигатель служит только для выработки механической энергии, которая в дальнейшем может использоваться для различных целей: привод движителей, генераторов, компрессоров так далее. В этом заключается его основная функция. Гребные электродвигатели в составе судовой электропередачи служат только для преобразования получаемой ими электрической энергии в механическую и передачи ее движителям. Действительно, функциональное назначение электродвигателей, приводящих в движение движитель судна, – приведение в движение плавучих средств. Гребные электродвигатели нельзя считать «только передаточными механизмами», по существующей в судостроении терминологии – это исполнительные механизмы, для работы которых на судне требуется иметь генераторную часть – электрогенератор, или аккумуляторные батареи.

Судовой дизельный двигатель для привода генератора в понятие «двигатели, приводящие в движение плавучее средство» не входит. Основной функцией судового дизельного двигателя в составе ДГ при электропередаче является «приведение в движение генератора». Конструктивное устройство любого дизельного двигателя позволяет обеспечить привод движителя без преобразования механической энергии в электрическую. В практике судостроения наиболее широкое применение имеют механические передачи (прямая или зубчатая) вырабатываемой дизельным двигателем энергии к движителю;

в) заключение доцента кафедры тарифного регулирования Государственного института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь Бружмелевой З.П., в котором указывается, что на основе информации из учебника «Судовые силовые установки» существует два способа передачи механической энергии от судового дизельного двигателя к движителю: 1) непосредственно либо 2) при помощи электропередачи. Во втором случае дизельный двигатель конструктивно входит в состав дизель-генераторной установки. Судовые дизель-генераторы применяются для основного и аварийного энергоснабжения судов. Применение дизель-генераторов для приведения в движения судна – это один из вариантов использования дизель-генераторов на судах определенного класса – дизель-электроходах. Но классификация судовых дизельных двигателей товарной позиции 8408 на уровне субпозиции не зависит от вариантов использования двигателя, а только от его назначения. Если производитель позиционирует двигатель как предназначенный для работы в составе дизель-генератора, то это само по себе предполагает возможность его использования для целей, отличных от приведения в движение судна. Поэтому такие двигатели для целей его классификации следует рассматривать как двигатели прочие субпозиции 8408 90.

В соответствии с пояснениями к подсубпозиции 8408 10 110 0–8408 10 990 0 в данные субпозиции не включаются двигатели, используемые в судах в целях, отличных от приведения в движение.

Поскольку классификационным критерием отнесения судовых дизельных двигателей товарной позиции 8408 к конкретной однодефисной субпозиции является назначение двигателя: для приведения в движение судна и прочие (то есть для других целей), а вышеизложенный текст пояснения к подсубпозициям 8408 10 110 0–8408 10 990 0 уточняет юридический текст субпозиции 8408 10, исключая из нее двигатели, используемые на судах в целях, отличных от приведения в движение, то из этого следует, **что субпозиция 8408 10 ограничивается судовыми дизельными двигателями, предназначенными только для приведения в движение судна.**

г) аналогичные заключения и мнения специалистов Комитета государственных доходов Республики Армения, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ФТС России).

Таким образом, Коллегией Суда было нарушено основополагающее правило, процессуального права, содержащееся в пункте 3 статьи 35 Регламента Суда, что вызывает сомнения в принятии рассматриваемого решения на основе объективно сформированного внутреннего убеждения.

3. Коллегия Суда, вместо анализа и оценки документа в целом, для обоснования своей точки зрения, оценила и приняла за основу заключение Нижегородского государственного технического университета и Санкт-Петербургского государственного морского технического университета **лишь в желаемой части**, о том, что основной функцией судового дизельного двигателя является выработка энергии, которая может быть использована в различных целях: привода движителей или генераторов электрического тока, используемых для обеспечения общесудовых нужд. В зависимости от целей использования дизельные двигатели подразделяются на главные и вспомогательные, а также о том, что электродвигатель является преобразователем энергии, элементом передаточного механизма, оставив без внимания и не разъяснив, на основании каких побуждений ею отвергаются те же заключения в части, где указывается, **что задачей дизельного двигателя является обеспечить вращение электрогенератора, который в свою очередь вырабатывает электрическую энергию, как будет распределяться эта энергия и кто будет ее потребителем дизельному двигателю не важно, эти двигатели непосредственно не обеспечивают движение судна, основной функцией дизельного двигателя в установках с электрической передачей является приведение**

во вращения генератора, который вырабатывает электроэнергию, ... гребной электродвигатель является основным двигателем, который приводит во вращение гребной винт, несмотря на передаточные функции, гребной электродвигатель все-таки является тем двигателем, который приводит в движение судно.

4. Позиция Коллегии Суда о том, что «функциональное назначение главного двигателя, независимо от его технических особенностей, заключается в приведении в движение судна, что влечет его классификацию в субпозиции 8408 10 Товарной номенклатуры», «целью использования дизельного двигателя, описанного в Решении № 15, является приведение в движение судна», основана также, как отмечено в решении Суда, на пояснениях специалиста, однако не конкретизировано на которых.

Между тем в судебном заседании специалист Попов Л.Н., приглашенный по ходатайству истца, наряду с иным пояснил, что «функция двигателя–преобразование химической энергии топлива в механическую работу. **Бывают двигатели с прямой непосредственной передачей на винт практически без потерь.** Казалось бы, это самый оптимальный вариант. Однако судостроителей это не всегда устраивает, так как **есть и более высокооборотные двигатели, они соединены с передачей (электрической или гидравлической).** В гидравлической передаче насосное колесо, которое преобразует механическую работу в кинетическую энергию жидкости–аналог генератора, а турбинное колесо гидромашины (гидродвигатель), преобразующее кинетическую энергию воды в механическую энергию воды в механическую работу,–аналог гребных электродвигателей. Функция электрической передачи: генератор преобразовывает механическую работу в энергию для электродвигателя; электродвигатель осуществляет обратное преобразование электроэнергии в механическую работу для обеспечения вращения гребного вала.... У электроходов главный двигатель вращает главный генератор».

Таким образом, исходя из данного мнения специалиста Попова Л.Н. можно сделать вывод о том, что все же бывают двигатели с прямой непосредственной передачей, которые приводят в движение плавучее средство непосредственно и есть более высокооборотные двигатели, которые соединены с передачей, т.е. приводят в движение ротор генератора, как в рассматриваемом случае, а потом уж, путем преобразования электрической энергии в механическую посредством электродвигателей приводят в движение судно.

Кроме этого, при сопоставлении заключения специалиста Попова Л.Н. с мнением Западно–Сибирского филиала Российского Речного Регистра, на которое ссылается ФТС России в предоставленной Суду информации, можно сделать вывод, что судовой дизельный двигатель, который является предметом регулирования Решения № 15, является вспомогательным высокооборотным двигателем, по **своей технической конструкции отличающийся от**

главных двигателей, приводящих в движение плавучие средства, «настройкой регулятора частоты вращения коленчатого вала, направлением вращения коленчатого вала, системой управления двигателем, параметрами аварийно-предупредительной системы и сигнализации...», работающий при постоянной частоте коленчатого вала **с целью обеспечить постоянную частоту переменного тока для потребления электроэнергии на судне** и не может классифицироваться в той же субпозиции ТН ВЭД ЕАЭС, что и главные двигатели, предназначенные для приведения в действие движителей.

Таким образом, судовой дизельный двигатель, описанный в Решении № 15, предназначен для вращения ротора электрогенераторной установки и это его одна единственная, основная функция, а электрическая энергия, произведенная этим двигателем, используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей приводящих судно в движение.

Этот факт подтверждает также и сам истец, который в своем заявлении в Суд Евразийского экономического союза сообщил, что в июне 2018 года им был «ввезен судовой дизельный двигатель для привода генератора..., который предназначен для вращения ротора электрогенераторной установки..., в ноябре 2018 года ввезены судовые дизельные двигатели, предназначенные для вращения ротора электрогенераторной установки.... Кроме этого, к заявлению об уточнении требований тем же истцом приложена экспортная грузовая таможенная декларация Китайской Народной Республики, в которой, в графе наименование товара, стандарт, модель отмечено: «судовой дизельный двигатель, 1|0| **судового назначения для привода генератора** |марка WEICHAИ | D226B-3CD (30квт/1500) | 30квт.

Наряду с этим следует обратить внимание на то, что ввозимые истцом судовые дизельные двигатели имеют маркировку «CD», которая по заключению Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления, имеют единственное назначение—для приводов генераторов и относятся к вспомогательным двигателям, а в соответствии с разъяснением Обь-Иртышского филиала Российского Речного Регистра главные двигатели, приводящие в движение судно, маркируются символом «С» (информация ФТС России).

5. Коллегия Суда не только не оценила все, имеющиеся в деле доказательства, но и в нарушение пункта 4 статьи 78 Регламента Суда в мотивировочной части не привела никаких доводов, по которым не приняла и отвергла все вышеотмеченные доказательства и никаких оснований, по которым отмеченные ею доказательства оказались более достоверными, чем указанные выше, тем более, что документ, полученный и представленный истцом под названием «Рецензия ответов, представленных ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева» и ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет» можно,

мягко говоря, скорее отнести к научному спору между учеными двух вузов, чем к категории состязательных документов (доказательств), на который при этом мнения противоположной стороны не известно.

6. Более того, в отсутствие в таможенном законодательстве таких понятий как «главный двигатель» и «вспомогательный двигатель», **в целях обоснования доводов истца**, Коллегия Суда в решении ссылается на технические регламенты, межгосударственные и национальные стандарты, мотивируя при этом, что в соответствии со статьей 6 Договора право Союза составляет единую систему (по поводу чего никто не возражает) **и следовательно, в отсутствие специальных норм, регулирующих определенную сферу отношений, следует руководствоваться понятиями в их обычном значении**, используемом в применяемых актах права Союза. Из этого следует, что Коллегия Суда считает, что неурегулированные отношения в определенной сфере регулируются не нормами по аналогии права, а понятиями. Непонятно лишь как понятиями регулируются общественные отношения.

Ссылаясь на технические регламенты, межгосударственные и национальные стандарты, Коллегия Суда упустила из вида, что принятие и использование отмеченных документов преследует цели и перед ними стоят задачи, по своей сути отличные от цели и задач таможенного регулирования. Это следует из самого смысла пунктов 1, 3 статьи 52 Договора, которыми установлено, что в целях защиты жизни и (или) здоровья, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения в рамках Союза принимаются технические регламенты Союза, для выполнения требований технического регламента Союза и оценки соответствия требования технического регламента Союза на добровольной основе могут применяться международные, региональные (межгосударственные) стандарты, а в случае их отсутствия (до принятия региональных (межгосударственных) стандартов)–национальные (государственные) стандарты государств–членов.

Что касается понятий «главный двигатель», «вспомогательный двигатель», то их значение в разных сферах правового регулирования может быть различной. Более того, как отметила сама Коллегия Суда для целей таможенной классификации товара в таможенном законодательстве Союза не существует понятий «главный двигатель», «вспомогательный двигатель». Исходя из этого отсутствует необходимость определения их значения.

Кроме этого, такие документы как национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ 55506–2013 «Транспорт водный внутренний. Термины и определения», который утвержден Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 августа 2013 года №525–ст., ГОСТ 10150–2014 «Межгосударственный стандарт. Двигатели внутреннего

сторания поршневые. Общие технические условия», на которые ссылается Коллегия Суда для обоснования доводов истца (вместо него самого), **не только отсутствуют в материалах дела, они не отмечены ни в заявлениях истца, ни в возражениях ответчика, которые не ссылались на них в процессе всего рассмотрения дела в Суде для обоснования своих доводов и возражений. Более того, как было отмечено выше, ссылаясь на него, Коллегия Суда пытается определить понятия «главный» и «вспомогательный двигатель», которые не существуют ни в ТН ВЭД ЕАЭС, ни в Гармонизированной системе описания и кодирования товаров.**

Подобным подходом к вопросу Коллегией Суда нарушен принцип равенства сторон, установленный пунктом 53 Статута Суда, а также установленный статьей 23 Регламента Суда принцип состязательности, согласно которому истец обязан обосновать свои требования, а ответчик вправе представить возражения на заявленные требования.

Ссылка на технические регламенты, межгосударственные и национальные стандарты противоречит также правовой позиции, выраженной Апелляционной палатой Суда в том же составе, при принятии решения по жалобе закрытого акционерного общества «Санofi–Авентис Восток» на решение Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года, в соответствии с которой: «Апелляционная палата Суда отмечает, что межгосударственные стандарты, принятые в отношении определенной продукции, устанавливают технические требования конкретно к этой продукции и не являются документами безусловного применения для целей таможенной классификации товаров».

Следует отметить, что серьезных и веских причин для столь резкого изменения правовой позиции Коллегии Суда не наблюдалось.

9. Ссылка Коллегии Суда на то, что Комиссия, возражая против вывода о том, что «...в субпозиции 8408 10 классифицируются те из них (двигателей), назначением которых является приведение в движение плавучих средств независимо от того, осуществляется оно непосредственно или через передаточные механизмы» вопреки требованиям пункта 1 статьи 23 Регламента, не обосновала довод, согласно которому в субпозицию 8408 10 Товарной номенклатуры включаются только дизельные двигатели, крутящий момент которых непосредственно передается на вал главных винтов несостоятельна.

Ответ на поставленный вопрос находится в буквальном правовом толковании самой субпозиции 8408 10, согласно которой в нее включаются «двигатели, приводящие в движение плавучие средства». Этот вывод подтверждается системным толкованием текста субпозиции 8408 10 в совокупности с содержащимся в Томе IV Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС Пояснением (2) пункта (Б) «Общее построение группы» к группе 84 о том, что в товарные позиции 8402–8424 включаются машины и устройства, главным образом по их функциям независимо от отрасли промышленности, в которой они применяются,

Пояснениями к товарной позиции 8408 ТН ВЭД ЕАЭС, содержащимися в Томе VI Пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС, о том, что при классификации в товарных под-субпозициях 8408 10 110 0–8408 10 990 0 ТН ВЭД ЕАЭС используются Пояснения к подсубпозициям 8407 21 100 0–8407 29 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС, где указано, что в данные позиции не включаются двигатели, используемые на судах в целях отличных от приведения в движение. Все указанное свидетельствует о том, что в рассматриваемой субпозиции могут классифицироваться только двигатели непосредственно приводящие в движение плавучее средство, поскольку иные двигатели выполняют иные функции, как например в рассматриваемом случае–приводят в движение ротор электрогенераторной установки.

10. Согласно Решению № 15 судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируются в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

Из текста ясно вытекает наименование классифицируемого товара–«судовой дизельный двигатель», его функциональное назначение–он должен быть предназначен для вращения ротора электрогенераторной установки.

Даже если согласиться, что описание в Решении № 15 дальнейшего использования электрической энергии, вырабатываемой электрогенераторной установкой, а именно ее использование как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судна излишне, оно от этого не становится неопределенным, неясным и двусмысленным как отмечено Коллегией Суда в своем решении.

Этот факт ни в коей мере не может ввести в заблуждение ни декларанта, ни таможенный орган и ни любое иное юридическое или физическое лицо, в связи с чем не может стать основанием для признания Решения № 15 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Союза.

Что касается требований, предъявляемых к данному решению, то в нем отсутствует необходимость детализации общих характеристик и особенностей товара, тем более для отнесения его к субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС, текст которой состоит из одного слова «прочие». Для классификации в субпозициях 8408 10 и 8408 20 детализация общих характеристик товара возможно и уместна, что, как кажется, не может распространяться на товары, подлежащие классификации в субпозиции 8408 90–«прочие».

10. Истец в судебном заседании уточнил свои требования, поддержал их и просил Суд признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года №15 «О классификации судового дизельного дви-

гателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим положениям статей 3, 25, 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, статей 19, 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров.

Руководствуясь пунктом 108 Статута Суда, статьями 77, 78, 80, 82 Регламента Суда Евразийского экономического союза Коллегия Суда решила:

Требование общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» удовлетворить.

Признать Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года №15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках союза.

Как видно, Коллегия Суда упустила из виду требование истца в части признания Решения № 15 не соответствующим Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и в резолютивной части не коснулось его.

Если данный вопрос выходит за рамки компетенции Суда, Коллегия Суда была обязана в резолютивной части отказать в удовлетворении требования истца о признании Решения № 15 не соответствующим Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров на основании пунктов 39 и 108 Статута Суда.

Если это по мнению Коллегии Суда входит в компетенцию Суда и Решение № 15 не соответствует также и Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, она должна была признать Решение № 15 не соответствующим Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, как и Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза.

Если это по мнению Коллегии Суда входит в компетенцию Суда и Решение № 15 соответствует Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, но не соответствует Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза, она должна была признать Решение № 15 соответствующим Международной Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза.

На основании изложенного считаю, что решение Коллегии Суда по делу № СЕ-1-2/1-19-КС принято в нарушение положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Союза, процессуальных норм Регламента Суда Евразийского экономического союза и не соответствует требованиям определенности и объективности.

Судья

А.Э. Туманян

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

9 июля 2019 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Баишева Ж. Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К., рассмотрев в открытом судебном заседании Апелляционную жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года (дело № СЕ-1-2/1-19-КС) об удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

Судом Евразийского экономического союза (далее – Суд) рассмотрено дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» (далее – ООО «Шиптрейд») о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение Комиссии от 31 января 2018 года № 15) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о союзе) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Решением Коллегии Суда от 18 июня 2019 года исковое требование ООО «Шиптрейд» удовлетворено, Решение Комиссии от 31 января 2018 года № 15 признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Не согласившись с принятым решением Коллегии Суда, Евразийская экономическая комиссия 2 июля 2019 года в соответствии со статьями 61 и 62 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением

Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), обратилась в Апелляционную палату Суда.

Заявитель просит отменить решение Коллегии Суда от 18 июня 2019 года и принять новое решение о признании Решения Комиссии от 31 января 2018 года № 15 соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, а ООО «Шиптрейд» отказать в удовлетворении его требований.

Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что жалоба и приложенные к ней документы соответствуют требованиям статей 62 и 63 Регламента Суда, в связи с чем основания для отказа в принятии жалобы к производству отсутствуют.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 79 – 81 Статута Суда, пунктом 1 статьи 33, статьями 60 – 63, пунктом 1 статьи 64, статьями 65 и 84 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда,

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству Апелляционную жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу № СЕ-1-2/1-19-КС.

Судебное заседание по рассмотрению жалобы назначить на 16 сентября 2019 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Председательствующий

А. М. Ажибраимова

Судьи

Э. В. Айриян

Ж. Н. Баишев

Д. Г. Колос

Т. Н. Нешатаева

РЕШЕНИЕ

31 октября 2019 года

город Минск

Апелляционная палата Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Баишева Ж. Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К.,

рассмотрев в открытом судебном заседании Апелляционную жалобу Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года (дело № СЕ-1-2/1-19-КС) об удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Судом Евразийского экономического союза (далее – Суд) рассмотрено дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» (далее – ООО «Шиптрейд») о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 15) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Решением Коллегии Суда от 18 июня 2019 года (далее – Решение Коллегии Суда) исковое требование ООО «Шиптрейд» удовлетворено, Решение № 15 признано не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Не согласившись с принятым Решением Коллегии Суда, Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия) 2 июля 2019 года в соответствии

со статьями 61 и 62 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), обратилась в Апелляционную палату Суда с Апелляционной жалобой (далее – жалоба).

Комиссия просит отменить Решение Коллегии Суда

и принять новое решение о признании Решения № 15 соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, а ООО «Шиптрейд» отказать в удовлетворении его требований.

Постановлением Апелляционной палаты Суда от 9 июля 2019 года жалоба Комиссии принята к производству.

В возражениях на жалобу, поступивших в Суд 18 августа 2019 года ООО «Шиптрейд» просит Суд оставить ее без удовлетворения, судебное решение без изменения.

В судебном заседании Комиссия поддержала доводы жалобы.

2. Доводы жалобы

В обоснование жалобы Комиссия представила следующие доводы.

2.1. Коллегия Суда нарушила пункт 50 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда), применив при разрешении спора положения нормативных актов, которые не входят в право Союза и не должны применяться при рассмотрении спора в Суде, а также статью 3 Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция о ГС).

Комиссия указывает, что классификация товаров в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) осуществляется исключительно на основе текстов товарных позиций, субпозиций, примечаний к группам, а также в соответствии с Основными правилами интерпретации ТН ВЭД ЕАЭС (далее – ОПИ). Комиссия также указывает, что вывод Коллегии Суда о возможности использования национальных стандартов при осуществлении классификации товаров не соответствует статье 3 Конвенции о ГС.

2.2. Коллегия Суда в своем решении установила новые правовые нормы для неопределённого круга лиц, тем самым нарушив положения пункта 102 Статута Суда.

По мнению Комиссии, указание Коллегии Суда на необходимость применения при осуществлении классификации технических регламентов и стандартов как унифицированных требований к характеристикам товаров Союза устанавливает новые правила осуществления классификации товаров, а также основано на ошибочной интерпретации содержания пунктов 5 и 6 Порядка подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 декабря 2013 года № 284 (далее – Порядок).

2.3. Коллегия Суда нарушила положения статьи 3 Конвенции о ГС, применив при рассмотрении спора термины и понятия, не предусмотренные в текстах товарных позиций и субпозиций Гармонизированной системы (далее – ГС), а также соответствующих примечаниях к разделам и группам ГС.

2.4. Коллегия Суда сделала необоснованный вывод о том, что Решение № 15 не содержит в себе четко определённых формулировок и не отвечает принципу правовой определенности, чем нарушила положения пункта 3 статьи 35 и пункта 1 статьи 45 Регламента Суда.

По мнению Комиссии, описание отдельного вида товара («судовой дизельный двигатель») в полной мере соотносится с критериями, установленными в пункте 7 статьи 21 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года; далее – ТК ЕАЭС).

2.5. Коллегия Суда в мотивировочной части решения не обосновала вывод о нарушении Решением № 15 положений Договора и иных актов, входящих в право Союза, чем нарушила пункт 4 статьи 78 Регламента Суда.

Комиссия полагает, что Коллегия Суда нарушила также ряд положений процедуры вынесения решений, предусмотренных Статутом Суда и Регламентом Суда.

2.6. Коллегия Суда избирательно оценила имеющиеся в деле материалы, что является прямым нарушением положений статьи 35 Регламента Суда. По мнению Комиссии, Коллегия Суда должна была осуществить правовую оценку всех материалов, полученных в соответствии с пунктом 55 Статута Суда.

Комиссия также считает, что Решение Коллегии Суда содержит неверную оценку ответов, поступивших из ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет» и ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет имени Р. Е. Алексеева», и других имеющихся в деле ответов.

2.7. Коллегия Суда необоснованно отклонила позицию Директората по тарифам и торговле Всемирной таможенной организации (далее – ВТамО) от 27 января 2015 года, как носящую якобы «информационный характер». Вместе с тем, по мнению Комиссии, ВТамО непосредственно организует взаимодействие таможенных органов государств – участников Конвенции о ГС, в том числе в сфере классификации товаров, и является авторитетным международным органом.

3. Доводы ООО «Шиптрейд»

Не согласившись с доводами жалобы, ООО «Шиптрейд» представило следующие возражения.

3.1. По мнению ООО «Шиптрейд», первый довод Комиссии основан на ошибочном толковании выводов Коллегии Суда.

Коллегия Суда применила национальный (государственный) стандарт государства-члена – национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 55506-2013 «Транспорт водный внутренний. Термины и определения» – не с целью непосредственной классификации, а с целью всестороннего, полного изучения и определения технических характеристик, функционального назначения, принципа действия судовых двигателей.

Коллегия Суда обоснованно признала допустимым на основании положений пункта 3 статьи 52 Договора и пункта 3 Протокола о техническом регулировании в рамках ЕАЭС (приложение № 9 к Договору; далее – Протокол о техническом регулировании) применение ГОСТ Р 55506-2013 «Транспорт водный внутренний. Термины и определения».

3.2. Относительно довода о нарушении Коллегией Суда пункта 102 Статута Суда ООО «Шиптрейд» полагает, что Коллегия Суда в обжалуемом решении указала на возможность в случае отсутствия специальных терминов и определений в текстах позиций, субпозиций, Примечаниях и Пояснениях принять во внимание положения документов, указанных в подпункте г) пункта 5, подпункте б) пункта 6 Порядка, что не связано с установлением новых норм для неопределенного круга лиц.

3.3. Согласно описанию судового двигателя, приведенному в Решении № 15, Комиссия классифицировала главный судовой двигатель, предназначенный для приведения в движение судна типа дизель-электроход. Однако в описании искажены функции составляющих элементов силовой судовой установки. Согласно имеющимся в материалах дела ответам специализированных высших учебных заведений, надзорных органов, а также разъяснениям привлеченного к участию в деле специалиста по судовым силовым (энергетическим) установкам, в научной литературе по кораблестроению, в нормативных актах, регулирующих вопросы надзора за эксплуатацией судов, используются термины «главный» и «вспомогательный» судовой двигатель, термин «двигатель, приводящий в движение плавучее средство» не применяется. Однако, согласно компетентным мнениям, такому критерию и признаку, как «двигатель, приводящий в движение плавучее средство», соответствует только «главный» судовой двигатель, поскольку именно он обеспечивает ход судна за счет выработанной механической энергии, передаваемой на движители судна.

По мнению ООО «Шиптрейд», Коллегия Суда при рассмотрении спора изучила суть терминов и понятий, применяемых в судовой научной литературе и технических регламентах, и соотнесла их с текстами товарных позиций и субпозиций ГС, а также с соответствующими примечаниями к разделам и группам ГС. Никаких нарушений норм материального права Коллегия Суда не допустила.

3.4. ООО «Шиптрейд» отмечает, что Коллегия Суда по результатам проверки Решения № 15 на соответствие его Договору пришла к выводу о том,

что характеристики иных видов товаров, включенные в Решение № 15, не способствуют уяснению назначения товара и вводят в заблуждение, порождают неопределенность относительно действительных оценочных критериев назначения классифицируемого товара. Выявленная Коллегией Суда неопределенность, безусловно, наносит ущерб целям и объекту Договора о ТК ЕАЭС.

3.5. Относительно довода Комиссии об отсутствии в мотивировочной части Решения Коллегии Суда выводов о нарушении норм права Союза отмечается, что в пункте 5.10 Решения Коллегии Суда обосновала такие нарушения, а именно: установила, что требование Решения № 15 о классификации судового дизельного двигателя в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС противоречит ТН ВЭД ЕАЭС и не соответствует нормам статей 25, 32 Договора, статей 19 и 22 ТК ЕАЭС, и в этой связи нарушает права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

3.6. По мнению ООО «Шиптрейд», Коллегия Суда оценила документы и материалы, полученные в рамках ответов на запросы в соответствии с пунктом 55 Статута Суда, по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании материалов дела.

Имеющиеся в материалах дела доказательства, пояснения специалиста дают возможность уяснить функциональные связи и назначения элементов в судовых дизель-электрических установках.

3.7. В отношении позиции ВТамО ООО «Шиптрейд» отмечает, что указанная позиция не касается классификации описанного в Решении № 15 двигателя, а является ответом на запрос Федеральной таможенной службы Российской Федерации и содержит некорректный перевод как самого запроса, так и искаженное понимание ответа на него.

4. Процедура и пределы апелляционного разбирательства

Статьей 60 Регламента Суда установлено, что Апелляционная палата Суда рассматривает дело в судебном заседании по правилам рассмотрения дела Коллегией Суда, предусмотренным Регламентом Суда, с учетом особенностей, установленных Статутом Суда и главой VII Регламента Суда.

Согласно части второй статьи 61 Регламента Суда в жалобе на решение Коллегии Суда не могут быть заявлены новые требования, которые не были предметом рассмотрения в Коллегии Суда.

В соответствии с пунктом 1 статьи 69 Регламента Суда Суд рассматривает жалобу на основании материалов, имеющих в деле, в пределах доводов, изложенных в жалобе и в возражениях на нее, которые могут быть дополнены сторонами в ходе судебного разбирательства.

Учитывая пределы апелляционного разбирательства, определенные пунктом 2 статьи 69 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда проверяет, со-

ответствуют ли выводы Коллегии Суда о применении норм права установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

Пункт 1 статьи 70 Регламента Суда определяет, что основанием для изменения или отмены обжалуемого решения Суда является неправильное применение и (или) несоблюдение Коллегией Суда норм права.

Согласно пункту 2 статьи 70 Регламента Суда неправильное применение и (или) несоблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, являются основанием для изменения или отмены решения Коллегии Суда, если это нарушение привело к принятию неправильного или необоснованного решения.

5. Выводы Суда

5.1. О нарушении Коллегией Суда статьи 3 Конвенции о ГС и пункта 50 Статута Суда

Полномочия Комиссии, связанные с принятием решений о классификации отдельных видов товаров в целях обеспечения единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС, закреплены в пункте 1 статьи 22 ТК ЕАЭС.

Процедура принятия Комиссией решений о классификации отдельных видов товаров предусматривает, что к обращению о принятии решения о классификации такого товара прикладываются документы, содержащие описание такого вида товара, его функционального назначения и характеристик, необходимых для его классификации по ТН ВЭД ЕАЭС, а также в зависимости от характера отдельного вида товара – информация об области его использования и его основных свойствах (например, техническая документация, информация от производителя о количественном и качественном составе товара, другие документы, характеризующие товар).

Коллегия Суда отмечает, что «в случае отсутствия специальных терминов и определений в текстах позиций, субпозиций, Примечаниях и Пояснениях следует принимать во внимание также положения документов, указанных в подпункте г) пункта 5, подпункте б)

пункта 6 Порядка подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного решением от 2 декабря 2013 года № 284 (далее – Порядок) *в том числе в этих целях могут быть использованы технические регламенты и стандарты как унифицированные требования к характеристикам товара Союза»* (абзац 11 пункта 5.5. Решения Коллегии Суда).

Как отмечалось Судом в решениях по делам по заявлению ООО «Севлад», «критериями классификации товара для таможенных целей являются объективные характеристики и свойства товара, которые должны соотноситься с текстами товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или

группам. Предполагаемое назначение товара также представляет собой критерий при классификации для таможенных целей» (абзац 6 подпункта 7.2.1 решения Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года, абзац 4 пункта 6.3 решения Апелляционной палаты Суда от 2 июня 2016 года).

Апелляционная палата Суда допускает возможность ссылки на национальные стандарты в отсутствие норм, унифицированных на уровне права Союза, в соответствии с пунктом 3 статьи 52 Договора, пунктом 3 Протокола о техническом регулировании.

По вопросу о нарушении Коллегией Суда статьи 3 Конвенции о ГС Апелляционная палата Суда полагает следующее.

В практике Суда в решениях по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» сформирован подход, согласно которому нормы международного договора, не являющегося международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежат применению в рамках Союза при соблюдении двух кумулятивных условий: 1) все государства – члены ЕАЭС являются участниками международного договора; 2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках ЕАЭС (абзац 11 пункта 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда от 21 июня 2016 года).

Исходя из указанных критериев Конвенция о ГС, наряду с правом Союза, подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений. На этом основании Суд применяет положения Конвенции о ГС при осуществлении правовой оценки правовых актов и фактических обстоятельств дела.

Коллегией Суда сделан вывод о том, что требование Решения № 15 о классификации судового дизельного двигателя в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС противоречит ТН ВЭД ЕАЭС. Поскольку Конвенция о ГС составляет международную основу ТН ВЭД ЕАЭС, несоответствие положениям последней также означает несоответствие Конвенции о ГС.

Относительно содержания статьи 50 Статута Суда следует отметить, что Комиссия ошибочно отождествляет понятие «право Союза», установленное в статье 6 Договора, и понятие «применимое право», регламентированное в пункте 50 Статута Суда. Суд при рассмотрении дел в качестве дополнительных средств уяснения содержания правовых норм применяет широкий круг источников, в том числе правовые позиции, выработанные Судом в своей практике.

Исходя из изложенного Апелляционная палата Суда отклоняет довод Комиссии о нарушении Коллегией Суда статьи 3 Конвенции о ГС и положений пункта 50 Статута Суда как необоснованный.

5.2. О нарушении пункта 102 Статута Суда

Как было отмечено выше Апелляционной палатой Суда, Решение Коллегии Суда не содержит императивных формулировок относительно возмож-

ности использования актов технического регулирования при классификации отдельных видов товаров.

При этом положения пункта 102 Статута Суда не ограничивают Суд в толковании положений права Союза с использованием широкого круга источников, предусмотренных пунктом 50 Статута Суда.

Учитывая формулировки Решения Коллегии Суда и положения пунктов 5 и 6 Порядка, Апелляционная палата Суда приходит к выводу, что Коллегия Суда не вышла за пределы компетенции при осуществлении толкования положений Порядка, допустив возможность обращения к актам технического регулирования.

Взаимосвязанное прочтение пункта 3 Протокола о техническом регулировании, подпункта г) пункта 5 Порядка позволяет Апелляционной палате Суда сделать вывод о том, что при принятии решения о классификации и, следовательно, при судебной проверке правомерности решения о классификации должна учитываться вся совокупность характеристик товара, включая информацию производителя об использовании товара и иную техническую информацию.

В связи с изложенным Апелляционная палата Суда отклоняет довод Комиссии о нарушении пункта 102 Статута Суда.

5.3. О нарушении Коллегией Суда статьи 3 Конвенции о ГС, выразившемся в применении при рассмотрении спора терминов и понятий, не предусмотренных в текстах товарных позиций

По мнению Комиссии, вывод Коллегии Суда о том, что Комиссия вопреки пункту 5 Порядка не учла требования производителя об использовании дизельных двигателей, что свидетельствует о нарушении предусмотренной правом Союза процедуры, не основан на фактических обстоятельствах дела.

В подтверждение своего довода Комиссия ссылается на письмо ООО «Вейчай-Рус Трейдинвест», являющегося официальным дистрибьютором, осуществляющим реализацию двигателей марки Weichai. Как указывает Комиссия, в данном письме отмечается, что как тяговый, так и вспомогательный двигатель предназначены для вращения ротора электрогенератора, а различие между ними выражается лишь в том, каким образом используется электроэнергия, полученная в результате их работы: в первом случае она передается как на электродвигатели, вращающие гребные винты судна, так и на обеспечение жизнедеятельности судна, а во втором — только на обеспечение жизнедеятельности судна.

В то же время анализ материалов дела показал, что в ответах дистрибьютора на запрос Минской центральной таможни (письма, зарегистрированные Минской центральной таможней 29 сентября 2016 года) не содержится утверждений, которые приводятся Комиссией. Напротив, указывается, что установка двигателей марки Deutz и Weichai на дизель-электроход может быть

осуществлена двумя способами: при первом один двигатель выполняет функцию главного (тягового) двигателя, а вырабатываемой им энергии достаточно и для обеспечения самого судна электрической энергией; при втором варианте на судно устанавливаются несколько двигателей, один из которых выполняет функцию главного (тягового) двигателя, другие работают на выработку энергии, используемой для обеспечения жизнедеятельности судна. В пояснениях дистрибьютора содержится недвусмысленное определение функционального назначения дизельного двигателя, устанавливаемого на дизель-электроход через выполнение функции главного (тягового) двигателя. Таким образом, довод Комиссии не подтверждается материалами дела.

Комиссия развивает свой довод о нарушении Коллегией Суда статьи 3 Конвенции о ГС, указывая на то, что при принятии Решения № 15 Комиссия не была обязана оценивать функциональное назначение «главных двигателей», равно как и «вспомогательных» двигателей в связи с тем, что такие характеристики не являются критериями их классификации по ТН ВЭД ЕАЭС. По мнению Комиссии, иное означало бы прямое нарушение статьи 3 Конвенции о ГС. Комиссия обращает внимание, что ни в ГС, ни в ТН ВЭД СНГ, ни в ТН ВЭД ЕАЭС не используются понятия «главный двигатель», «вспомогательный двигатель» и «судовой двигатель».

В то же время представляется, что Комиссия неверно интерпретирует содержание ГС в отношении субпозиции 8408 10 Marine propulsion engines. Следует отметить важное различие в переводе наименования указанной позиции с английского языка на русский язык. Так, в базе данных ВТамО содержится текст пояснений к ГС, в котором субпозиция 8408.10 определена на русском языке как «Двигатели для силовых судовых установок».

Секретариатом ВТамО в ответ на запрос Федеральной таможенной службы Российской Федерации разъясняется, что в данную субпозицию включаются двигатели, приводящие судно в движение.

Следует отметить, что Суд сформулировал правовую позицию в отношении критериев классификации в решении по делу по заявлению ООО «Севлад»:

«Пункт 3 статьи 3 Конвенции о Гармонизированной системе не ограничивает дискрецию Союза по принятию решений о классификации отдельных видов товаров на уровне товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС с указанием более общих характеристик, на уровне более глубокой классификации – в субпозициях (6 знаков) и далее» (*абзац 6 пункта 7.2.8 решения Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года*).

Исходя из вышеизложенного довод Комиссии о том, что Коллегия Суда нарушила положения статьи 3 Конвенции о ГС, применив при рассмотрении спора термины и понятия, не предусмотренные в текстах товарных позиций и

субпозиций ГС, а также соответствующими примечаниями к разделам и группам ГС, не представляется обоснованным и подлежит отклонению.

5.4. Необоснованность вывода Коллегии Суда о правовой неопределенности Решения № 15, что нарушает пункт 3 статьи 35 и пункт 1 статьи 45 Регламента Суда

Комиссия указывает на то, что вывод Коллегии Суда о нарушении Решением № 15 принципа правовой определенности не подтверждается материалами дела.

Пункт 1 Решения № 15 устанавливает, что «судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируется в субпозиции 8408 90 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Коллегия Суда отмечает, что *«буквальное толкование Решения № 15 позволяет сделать вывод, что назначение отдельного вида товара, являющегося классифицирующим признаком товарной позиции 8408 Товарной номенклатуры, в виде приведения в движение судна и обеспечения его жизнедеятельности, описано применительно к иному виду товара – электродвигателю»* (абзац первый пункта 5.7. Решения Коллегии Суда).

Коллегия Суда обосновано отметила, что при классификации отдельного вида товара по субпозициям в рамках позиции 8408 ТН ВЭД ЕАЭС классифицирующим признаком является назначение товара. В Решении № 15 классифицирующий признак описан не применительно к классифицируемому товару (дизельному двигателю), а применительно к иному товару, относящемуся к другой позиции ТН ВЭД ЕАЭС (электродвигатель). Коллегия Суда приходит к выводу о том, что характеристики иных видов товаров, включенные в Решение № 15, не способствуют уяснению назначения товара, вводят в заблуждение и порождают неопределенность относительно действительных оценочных критериев назначения классифицируемого товара.

Указанные вопросы возникали еще на стадии согласования проекта Решения № 15. Как указывал Государственный таможенный комитет Республики Беларусь в письме от 10 октября 2017 года (исх. № 08/13159), «представленная редакция не позволит обеспечить единообразную классификацию универсальных двигателей, которые могут использоваться на судах для различных целей и вращать различное оборудование».

В Решении № 15 указаны функции и дополнительные характеристики дизельного двигателя. Однако назначение товара с точки зрения приведения в движение как классифицирующий признак в соответствии с текстами субпо-

зиций в рамках позиции 8408 ТН ВЭД ЕАЭС — указано не применительно к классифицируемому отдельному виду товара — судовому дизельному двигателю, а к товару из иной позиции ТН ВЭД ЕАЭС.

Помимо прочего, Комиссией не были представлены обоснования и доказательства того, что определяющим критерием для отнесения товаров к субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС является функция непосредственного приведения судна в движение.

Следовательно, Комиссия при принятии решения о классификации некорректно использовала содержание тома IV пояснений к ТН ВЭД ЕАЭС к подпозициям 8408 10 110 0 –

8408 10 990 0 ТН ВЭД ЕАЭС и неправомерно сузила охват субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС по сравнению с определением, предусмотренным в Конвенции о ГС.

В связи с вышеизложенным довод Комиссии о необоснованности вывода Коллегии Суда о том, что Решение № 15 не содержит в себе четко определенных формулировок и не отвечает принципу правовой определенности, не представляется обоснованным и подлежит отклонению.

5.5. О нарушении пункта 4 статьи 78 Регламента Суда

Комиссия указывает, что в мотивировочной части Решения Коллегии Суда не содержится какой-либо оценки доводов заявителя о предполагаемом им несоответствии Решения № 15 нормам Договора или иных актов, входящих в право Союза.

В Решении Коллегии Суда установлено, что Решение № 15 не соответствует статьям 25 и 32 Договора, статьям 19 и 22 ТК ЕАЭС, ТН ВЭД ЕАЭС.

В статье 25 Договора закладываются основы функционирования таможенного союза. Абзац третий пункта 2 указанной статьи устанавливает, что «единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) основана на Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (ТН ВЭД СНГ)».

Статья 32 Договора касается установления единого таможенного регулирования в Союзе.

Статья 19 ТК ЕАЭС регулирует вопросы, связанные с ТН ВЭД ЕАЭС – системой описания и кодирования товаров, которая используется для классификации товаров в целях применения мер таможенно-тарифного регулирования, вывозных таможенных пошлин, запретов и ограничений, мер защиты внутреннего рынка, ведения таможенной статистики.

Полномочия Комиссии на принятие решений о классификации отдельных видов товаров установлены статьей 22 ТК ЕАЭС.

Коллегией Суда правомерно установлены нарушения указанных нормативных актов со стороны Комиссии, поскольку в ее обязанность входит обеспечение соответствия ТН ВЭД ЕАЭС ее международной основе – Гармонизированной системе.

Решением № 15 в отдельный вид товара выделяется совокупность товаров, имеющих классификационные признаки, позволяющие отнести товары конкретных моделей к разным кодам ТН ВЭД ЕАЭС в зависимости от варианта установки и конечного использования. В этой связи совокупность товаров, предлагаемая к рассмотрению Комиссией для принятия ею решения о классификации, не является отдельным видом товара.

Отнесение Комиссией дизельного двигателя, соответствующего описанию главного двигателя и обладающего функциями по приведению судна в движение, к субпозиции 8409 90 «Двигатели прочие» не соответствует ТН ВЭД ЕАЭС и ГС, поскольку приводит к необоснованному сужению границ субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС за счет расширения границ «корзиночной» субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

Таким образом, Решение № 15 не соответствует статье 22 ТК ЕАЭС в связи с нарушением порядка принятия Комиссией решения о классификации отдельного вида товара, а также статье 25 Договора и статье 19 ТК ЕАЭС в связи с тем, что его принятие основано на неверной интерпретации содержания международной основы ТН ВЭД ЕАЭС, статье 32 Договора в связи с тем, что осуществляет таможенное регулирование в нарушение положений Договора и ТК ЕАЭС.

Относительно доводов Комиссии о нарушении Коллегией Суда процедурных норм Апелляционная палата Суда отмечает следующее.

5.6. Коллегия Суда избирательно оценила имеющиеся в деле материалы, запрошенные на основании пункта 55 Статута Суда, чем нарушила положения статьи 35 Регламента Суда

Документы и материалы, полученные Судом в рамках пункта 55 Статута Суда, которым установлено право Суда запрашивать необходимые для рассмотрения дел материалы у направивших заявление в Суд хозяйствующих субъектов, уполномоченных органов и организаций государств-членов, а также органов Союза, не рассматриваются *a priori* Судом в качестве доказательств, как это установлено статьей 78 Регламента Суда. Указанные материалы оцениваются судом по критериям допустимости и относимости (самостоятельно, по внутреннему убеждению, и основываясь на всестороннем и полном рассмотрении дела) и только после этого могут быть использованы Судом при формулировании позиции по делу. Ответы на запросы приобщаются к материалам дела, у сторон имеется процессуальная возможность ознакомиться с материалами до вынесения Судом окончательного решения, и, таким образом,

Суд может дополнительно обратиться к исследованию данных материалов в случае, когда представители сторон сочтут это необходимым, и такие материалы могут быть отнесены к состязательным документам в той мере, в которой на их основании Суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора.

Как правило, Суд упоминает такие материалы в судебных актах в качестве дополнительного подтверждения своей аргументации и не основывает свои доводы только на таких материалах.

В связи с этим Апелляционная палата Суда отклоняет довод Комиссии об избирательной оценке Коллегией Суда материалов, полученных в соответствии с пунктом 55 Статута Суда, как необоснованный.

5.7. Довод о необоснованном отклонении Коллегией Суда позиции Директората по тарифам и торговле ВТамО от 27 января 2015 года как носящей информационный характер

Подход Коллегии Суда в отношении указанного документа представляется обоснованным по следующим причинам.

Письмо Директората по тарифам и торговле ВТамО, полученное в ответ на запрос Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 30 декабря 2014 года № 16-41/64783 и представленное Комиссией в составе комплекта документов для принятия Решения № 15, не является классификационным мнением ВТамО и в действительности носит информационный характер.

Вместе с тем в отношении сотрудничества с ВТамО по вопросам таможенной классификации Апелляционная палата Суда полагает необходимым обратить внимание Комиссии на наличие Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Всемирной таможенной организацией, подписанного 17 июня 2016 года. Меморандум предусматривает возможность обмена информацией между сторонами по вопросам таможенного администрирования. В этой связи указанное взаимодействие Комиссии с ВТамО может быть рассмотрено в качестве инструмента эффективного взаимодействия и получения достоверной информации в отношении таможенной классификации.

На основании изложенного Апелляционная палата Суда отклоняет доводы Комиссии о нарушении Коллегией Суда норм процессуального права при принятии Коллегией Суда Решения по делу.

6. Апелляционная палата Суда, рассмотрев жалобу Евразийской экономической комиссии на основании имеющихся в деле материалов, в пределах доводов, изложенных в жалобе и возражениях на нее, проверив соответствие выводов Коллегии Суда примененным нормам права, установленным по делу обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, а также соблюдение норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде, не находит

оснований для отмены или изменения обжалуемого решения Коллегии Суда от 18 июня 2019 года.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 1) пункта 110 Статута Суда, подпунктом а) пункта 1 статьи 71, пунктами 1-7 статьи 78, пунктом 2 статьи 80 и статьей 83 Регламента Суда, Апелляционная палата Суда

РЕШИЛА:

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу № СЕ-1-2/1-19-КС об удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза оставить без изменения, а Апелляционную жалобу Евразийской экономической комиссии – без удовлетворения.

Решение вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А. М. Ажибраимова

Судьи

Э. В. Айриян

Ж. Н. Баишев

Д. Г. Колос

Т. Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Айриян Э.В.
(дело № СЕ-1-2/6-19-АП)

5 ноября 2019 года

город Минск

Апелляционной палатой Суда Евразийского экономического союза 31 октября 2019 года вынесено решение по делу по апелляционной жалобе Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 года по делу № СЕ-1-2/1-19-КС. Решение Коллегии об удовлетворении заявления ООО «Шиптрейд» о признании Решения Коллегии ЕЭК от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом Союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках ЕАЭС оставлено без изменения, а Апелляционная жалоба ЕЭК – без удовлетворения.

Не соглашаясь с решением Апелляционной палаты Суда и в соответствии со статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение.

1. Заявитель просил отменить решение Коллегии Суда от 18 июня 2019 года и принять новое о признании Решения Комиссии от 31 января 2018 года № 15 соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза, а ООО «Шиптрейд» отказать в удовлетворении его требований.

Как следует из материалов дела, Комиссия, реализуя возложенные на нее государствами – членами Союза нормотворческие полномочия, урегулировала в Решении № 15 отношения, возникающие в области классификации судового дизельного двигателя в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, т.е. в области деятельности, связанной с практической реализацией положений статьи 22 ТК ЕАЭС.

Считаю, что исходя из материалов дела, оспариваемое Решение № 15, действующее в системе актов права Союза, не содержит правовой неопределенности и противоречий с нормами Договора от 29 мая 2014 года, ТК ЕАЭС, ТН ВЭД ЕАЭС и не нарушает прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, а его несогласие с Решением № 15 не является основанием для вывода о нарушении его прав и законных интересов и, тем более, для изменения классификации товара по ТН ВЭД ЕАЭС.

2. Согласно положениям пунктов 1-2 статьи 20 ТК ЕАЭС проверку правильности классификации товаров декларантом осуществляют таможенные органы. Таможенный орган осуществляет классификацию товаров, в том числе в случае выявления как до, так и после выпуска товаров, их неверной классификации при таможенном декларировании.

В этом случае таможенный орган самостоятельно осуществляет классификацию товаров и принимает решение по классификации товаров по форме, порядку и срокам, определенными законодательством государств-членов о таможенном регулировании.

Классификация товаров осуществляется в соответствии с Основными правилами интерпретации ТН ВЭД, утвержденными Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 № 54 (далее – Основные правила интерпретации ТН ВЭД), являющимися составной частью единого Таможенного тарифа.

2.1. Согласно Правилу 1 Основных правил интерпретации ТН ВЭД названия разделов, групп и подгрупп в ТН ВЭД приводятся только для удобства использования ТН ВЭД; для юридических целей классификация товаров в ТН ВЭД осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам и, если такими текстами не предусмотрено иное, в соответствии с положениями, содержащимися в Правилах 2-6 ОПИ.

Подпункт «а» Правила 3 Основных правил интерпретации ТН ВЭД предусматривает, что в случае, если имеется возможность отнесения товаров к двум или более товарным позициям, предпочтение следует отдавать той товарной позиции, которая содержит наиболее конкретное описание товара по сравнению с товарными позициями с более общим описанием.

2.2. В соответствии с Правилем 6 Основных правил интерпретации ТН ВЭД для юридических целей классификация товаров в субпозициях товарной позиции должна осуществляться в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также, *mutatis mutandis*, положениями вышеупомянутых Правил при условии, что лишь субпозиции на одном уровне являются сравнимыми. Для целей настоящего Правила также могут применяться соответствующие примечания к разделам и группам, если в контексте не оговорено иное.

Систематизация товаров осуществляется по нескольким основным критериям: по материалу, из которого они изготовлены; по функциям, которые они выполняют; по степени обработки, при этом предусмотрена более специфическая детализация для отдельных видов товаров.

Пунктом 7 «Положения о порядке применения единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза при классификации товаров», утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза

28.01.2011 № 522 (далее – Положение о порядке применения ТН ВЭД), определена последовательность действий до достижения необходимого уровня классификации товара по ТН ВЭД.

Правовое значение при классификации товаров имеет их разграничение (критерии разграничения) по товарным позициям ТН ВЭД в соответствии с Основными правилами интерпретации ТН ВЭД.

При классификации товара по ТН ВЭД последовательно должны применяться Основные правила интерпретации, примечания к разделам, группам и субпозициям, дополнительные примечания и тексты товарных позиций ТН ВЭД.

Вместе с тем указанное не исключает возможность при возникновении сомнений использовать Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, являющиеся Приложением № 1 к Рекомендации Коллегии ЕАЭС от 7 ноября 2017 года № 21, включающие толкование содержания позиций, терминов и иной информации, необходимой для однозначного отнесения конкретного товара к определенной позиции ТН ВЭД, согласно тексту товарной позиции и Пояснениям ТН ВЭД ЕАЭС.

Пояснения являются одним из вспомогательных рабочих материалов, призванных обеспечить единообразную интерпретацию и применение ТН ВЭД ЕАЭС.

Пояснения содержат толкования содержания позиций номенклатуры, термины, краткие описания товаров и областей их возможного применения, классификационные признаки и конкретные перечни товаров, включаемых или исключаемых из тех или иных позиций, методы определения различных параметров товаров и другую информацию, необходимую для однозначного отнесения конкретного товара к определенной позиции ТН ВЭД ЕАЭС.

Пояснения к ТН ВЭД ЕАЭС состоят из шести томов. Первые пять томов основаны на Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности СНГ, которые в свою очередь основаны на русскоязычной версии пояснений к Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и утверждены Советом руководителей таможенных служб государств - участников СНГ. При этом сохранена разбивка материала по томам, принятая в оригинале, и четвертый том включает разделы XIV - XVI, группы 71 - 84.

2.3. Как следует из решения Коллегии Суда, в подтверждение своих доводов истец ссылается на то, что декларируемые (спорные) двигатели были им ввезены на таможенную территорию ЕАЭС с целью исполнения обязательств по двум договорам поставки судового оборудования для пассажирских судов. В прилагаемых к ним спецификациях поставляемые товары именуются как **судовые дизель-генераторы** и содержатся ссылки на исходные технические

требования к ним. В исходных требованиях отражены сведения о характеристиках и составных частях энергетической установки судна: **энергетическая установка-дизель-электрическая, состоящая из трех главных дизель-генераторов, питающих гребную электрическую установку и остальные судовые потребители.**

Спорные двигатели, по мнению истца, являются главными судовыми двигателями; основной функцией судового дизельного двигателя, вращающего ротор электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения гребных электродвигателей, является приведение в движение судна, и в соответствии с Основными правилами интерпретации ТН ВЭД 1 и 6 такой двигатель должен классифицироваться в субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС.

Однако, в подтверждение вышеизложенного, истец не представил убедительных аргументов.

Считаю, что доводы истца направлены на переоценку фактических данных, содержащихся в документах таможенных органов государств – членов Союза; объективных обстоятельств принятия Комиссией Решения № 15 и имеют целью изменение нормативного содержания данного акта права Союза и вытекающими из этого последствиями.

О техническом обосновании определения функции спорных двигателей и уяснении принципов работы судовых агрегатов и механизмов подробно изложено в технической литературе, особых мнениях судьи А.А. Федорцова от 18 июня 2019 года и судьи А.Э.Туманяна от 20 июня 2019 года по делу № СЕ-1-2/1-19-КС, и в этой связи в настоящем особом мнении не акцентируется внимание на указанной области специальных знаний.

Полагаю, что взаимосвязанное прочтение документов (ответов компетентных органов и организаций государств – членов Союза), содержащихся в материалах дела, показывает недостаточность правовых оснований для формулирования вывода Коллегией Суда о том, что Решение № 15 о классификации судового дизельного двигателя в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС противоречит ТН ВЭД ЕАЭС и не соответствует нормам статей 25, 32 Договора, статей 19 и 22 Таможенного кодекса ЕАЭС.

К товарной субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ТС могут быть отнесены двигатели, предназначенные исключительно для приведения в движение движителя судна, а не прочие (иные) двигатели, даже если они опосредованно предназначены для обеспечения возможности движения судна, в том числе, маневрирования вправо/влево, но не являются тяговой (пропульсивной) установкой.

Норма пункта 1 Решения Коллегии ЕЭК № 15 от 31 января 2018 года правомерно устанавливает, что «судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и

для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, в соответствии с ОПИ ТН ВЭД 1 и 6 классифицируется в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС».

3. Статьей 32 Договора установлено, что в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с ТК ЕАЭС и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями Договора.

Решения о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС принимаются Комиссией в рамках полномочий, предусмотренных в пункте 1 статьи 22 ТК ЕАЭС и с учетом положений Порядка подготовки ЕЭК решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного Решением Коллегии Комиссии от 2 декабря 2013 года № 284.

Поскольку вопрос, по которому принимается данное решение не отнесен к вопросам, по которым такое принимается Советом Комиссии, а также не отнесен к чувствительным вопросам, по которым решение Коллегии Комиссии принимается консенсусом, то в соответствии с абзацем вторым пункта 80 Регламента решение о классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС принимается Коллегией Комиссии квалифицированным большинством.

Таким образом, полагаю неубедительными доводы о нарушении Комиссией порядка принятия решения о классификации, единого таможенного регулирования в соответствии с ТК ЕАЭС и принципов функционирования таможенного союза, закрепленным в положениях статей 25 и 32 Договора от 29 мая 2014 года.

4. Ряд документов, содержащихся в материалах дела, включает сведения об обстоятельствах принятия Решения № 15, определении Комиссией функции спорного двигателя и уяснения с технической точки зрения принципов работы судовых агрегатов и механизмов, а также сведения о предварительной работе по его подготовке и согласованию на межгосударственном уровне с привлечением уполномоченных органов государств-членов. Исходя из анализа данных документов следует, что позиции по данному вопросу государств – членов Союза были в целом согласованы, существенные противоречия отсутствовали.

Полагаю, что в рамках оценки доводов истца, и во избежание избирательного подхода, на который ссылался ответчик в апелляционной жалобе, изучение Судом в качестве вспомогательного материала представленных официальных документов таможенных органов, наравне с другими документами, в целях уяснения специальных вопросов являлось необходимостью.

4.1. Вывод Суда о том, что Комиссия не в полном объеме оценила все особенности функционального назначения главного дизельного двигателя, от которого зависит его классификация основан, в частности, на оценке, признании доказательством и применении положений национального стандар-

та Российской Федерации ГОСТ 55506-2013 «Транспорт водный внутренний. Термины и определения», утвержденном приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 августа 2013 года № 525-ст, что вступает в противоречие с пунктом 50 Статута Суда.

Одновременно Коллегией Суда были отклонены следующие доводы Комиссии:

правом Союза не предусмотрено использование иных актов и документов, в частности, технических регламентов, стандартов, экспертных заключений, мнений специалистов в качестве основания для классификации дизельного двигателя;

аналогичного (с ЕЭК) подхода по классификации отдельного вида товара, указанного в Решении № 15, придерживается Директорат по тарифам и торговле ВТАМО. В письме Директората от 27 января 2015 года № 15NL0041 – ДК сообщается, что «Текст субпозиции 8408.10, то есть «marine propulsion engines», ясно указывает, что двигатели данной субпозиции – это двигатели для продвижения вперед кораблей, лодок и других судов».

Указанная позиция ВТАМО учитывалась ЕЭК при подготовке проекта Решения № 15.

Суд пришел к выводу о том, что письмо ВТАМО не является классификационным мнением, носит информационный характер и отклонил довод от ветчика.

Считаю, что те **официальные документы ВТАМО**, которые не являются юридически обязательными актами, способны оказать существенную помощь в определении объема правового регулирования товарных позиций ГС и ТН ВЭД ЕАЭС.

В этой связи и в контексте оценки Коллегией Суда сведений об обстоятельствах, представленных истцом, на предмет придания им доказательной силы, обращаю внимание на отсутствие оценки правомерности принятия Судом в качестве доказательства сведений, содержащихся в письме **Обь-Иртышского филиала Российского Речного Регистра** от 28 января 2015 года № ОИФ- 22- 411.

По моему мнению, в решении Суда имеется существенное противоречие, заключающееся в селективной оценке Судом принципиально важных фактических данных: **письмо ВТАМО** (авторитетной в сфере классификации товаров международной организации) отклонено от исследования Судом, как имеющее информационный характер, а **письмо Обь-Иртышского филиала Российского Речного Регистра**, не уполномоченной в области классификации товаров организации, признано доказательством. (**Примечание: основным видом деятельности филиала являются технические испытания, исследования и сертификация**).

При этом документы обеих организаций не имеют нормативного и классификационного характера, являясь письмами.

4.1.1. Коллегией Суда сделан вывод о том, что допустимо применение в рассматриваемом случае национального стандарта в силу пункта 3 статьи 52 Договора и пункта 3 Протокола о техническом регулировании, согласно которым до принятия унифицированного регулирования применению подлежат национальные (государственные) стандарты государств-членов.

Считаю, что указанный вывод противоречит норме пункта 50 Статута Суда по следующим основаниям.

Национальные стандарты не включены пунктом 50 Статута Суда в применимое право при осуществлении правосудия. Норма пункта 3 Протокола о техническом регулировании не соотносится с объектом и целями классификации товаров, поскольку согласно пункту 1 документа, настоящий Протокол разработан в соответствии с разделом X Договора о Евразийском экономическом союзе и определяет порядок, правила и процедуры технического регулирования в рамках Союза, а не классификацию товаров по ТН ВЭД ЕАЭС.

К тому же норма пункта 3 статьи 52 Договора от 29 мая 2014 года носит диспозитивный характер и не обязывает Комиссию применять национальные стандарты государств-членов Союза,

4.2. Следует отметить, что не подвергнутые исследованию Коллегией Суда состязательные документы – представленные ответчиком письма, документы компетентных органов государств-членов, содержат юридически значимые факты, опровергающие доводы истца о том, что требование Решения № 15 о классификации судового дизельного двигателя в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС противоречит ТН ВЭД ЕАЭС и не соответствует нормам статей 25, 32 Договора, статей 19 и 22 Таможенного кодекса ЕАЭС.

В числе указанных документов следующие:

а) Позиция ФТС России по классификации в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС товаров «Судовой дизельный двигатель WD618.42CD» и «судовой дизельный двигатель TD226B-3CD».

Как следует из документа, ФТС России письмом от 30 декабря 2014 года № 16-41/64783 направлен запрос в Секретариат ВТАМО с просьбой разъяснить сферу охвата субпозиции 8408.10 Гармонизированной системы «двигатели для силовых судовых установок». Согласно разъяснениям ВТАМО текст данной субпозиции в дословном переводе означает «двигатели для судовой установки, используемые для приведения в движение» и четко указывает на то, что двигатели данной субпозиции относятся к двигателям, которые обеспечивают движение кораблей, лодок и прочих судов.

В соответствии с заключением по результатам исследования Экспертно-криминалистического таможенного управления судовые дизель-генераторы

ры, имеющие маркировку «CD», согласно представленной структуре обозначения двигателей имеют единственное назначение-для привода генераторов. Двигатели с маркировкой «CD» относятся к вспомогательным двигателям...

Таким образом, ФТС России поддерживает позицию ГТК Республики Беларусь по вопросу классификации товаров «Судовой дизельный двигатель WD618.42CD» и «судовой дизельный двигатель TD226B-3CD» в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

б) Справка о классификации судовых дизельных двигателей в соответствии с единой ТН ВЭД ЕАЭС за подписью заместителя Председателя ГТК РБ.

Согласно документу, назначение двигателя отражается в маркировке. Двигатель, в маркировке которого указано сочетание букв «CD» (например, 226B-3CD) предназначен для использования как в качестве тягового двигателя, так и в качестве вспомогательного двигателя в составе дизель-генераторной установки.

В связи с тем, что товары «судовой дизельный двигатель модель WD618.42DC» и «судовой дизельный двигатель модель D226B-3CD» предназначены не только для приведения в движение судов, но и для иных целей, то они должны классифицироваться в субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

В целях единообразного подхода при классификации судовых дизельных двигателей в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС ГТК РБ разработал проект решения Коллегии ЕЭК.

в) Письмо Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики от 23.11.2017 за исх. № 25-09-11/8338 в адрес ЕЭК о рассмотрении проекта решения ЕЭК.

В письме сообщается об отсутствии замечаний и предложений.

г) Письмо Комитета государственных доходов при Правительстве Республики Армения от 14.11.2017 за исх. № 5-2/47222-17 в адрес ЕЭК.

В письме сообщается об отсутствии замечаний по проекту решения.

д) Письмо ФТС России от 13 октября 2017 г. за исх. № 06-84/57663 о рассмотрении проекта решения «О классификации судовых дизельных двигателей» в адрес ЕЭК.

В письме сообщается о согласовании проекта решения без замечаний.

Полагаю, что указанные документы подлежали исследованию и оценке Судом в совокупности с иными документами, находящимися в материалах дела с включением соответствующих выводов в решение по делу.

4.3. В контексте позиции Суда о том, что **Решение № 15 принято на основании предложения таможенного органа Республики Беларусь**, закономерно следует вывод **о согласованной позиции компетентных органов государств-членов** по проекту Решения № 15, что не могла не учитывать Комиссия,

поскольку согласно пункту 1 статьи 22 ТК ЕАЭС Комиссией принимаются решения о классификации отдельных видов товаров на основании предложений таможенных органов. В силу нормы пункта 5 указанной статьи, порядок подготовки решений Комиссии о классификации отдельных видов товаров, включая **правила внесения в Комиссию таможенными органами предложений о принятии таких решений, их рассмотрений Комиссией, согласования таможенными органами проектов решений Комиссии**, подготовленных в соответствии с абзацем вторым пункта 1 настоящей статьи, определяется Комиссией.

Следует отметить, что согласованная позиция компетентных таможенных органов государств-членов Союза по проекту Решения № 15 не только предопределила его правовое содержание по классификации судовых дизельных двигателей, но и впоследствии, будучи аккумулированной в данном акте права Союза, способствовала установлению и обеспечению единообразного применения ТН ВЭД ЕАЭС по данной категории товаров, что **является главной целью, прямо указанной в пункте 1 статьи 22 ТК ЕАЭС.**

Таким образом, при подготовке проекта Решения № 15 Комиссия строго следовала нормативным предписаниям положений статьи 22 ТК ЕАЭС и, по моему убеждению, отсутствуют правовые основания для признания данного решения несоответствующим статье 22 ТК ЕАЭС.

В соответствии с нормой пункта 4 статьи 78 Регламента Суда, указанные обстоятельства прямо указывают на необходимость формулирования Судом убедительных доводов, по которым Суд не принял фактические данные, представленные Комиссией в качестве доказательств. С нормой пункта 4 статьи 78 Регламента Суда соотносится положение статьи 22 Регламента Суда, которой установлено, что стороны, участвующие в судебном разбирательстве, пользуются равными процессуальными правами и несут равные процессуальные обязанности. Согласно норме пункта 1 статьи 23 Регламента Суда истец обязан обосновать свои требования, а ответчик вправе представить возражения на заявленные требования.

Однако, вышеперечисленные и представленные Комиссией документы не получили надлежащую оценку Суда, а доводы, по которым Суд не принял те или иные доказательства, не закреплены в судебных актах.

С учетом изложенного полагаю, что решение Коллегии Суда от 18 июня 2019 года подлежало отмене Апелляционной палатой Суда.

Судья

Э.В. Айриян

Резюме
по делам № СЕ-1-2/1-19-КС и № СЕ-1-2/6-19-АП
(ООО «Шиптрейд»)

Ключевые слова:

Общество с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О признании Решения Коллегии ЕЭК от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Классификация судовых дизельных двигателей; вращение ротора электрогенераторной установки; приведение в движение судна; товарная позиция 8408 ТН ВЭД ЕАЭС; товарные субпозиции 8408 10 и 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

Решение Коллегии ЕЭК от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» – Конвенция о Гармонизированной системе (далее – Конвенция о ГС) – Таможенный кодекс ЕАЭС – ТН ВЭД ЕАЭС – Порядок подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного решением от 2 декабря 2013 года № 284 (далее – Порядок).

Решение Коллегии Суда – удовлетворение требований истца – признание Решения Коллегии ЕЭК от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза – особые мнения – Решение Апелляционной палаты Суда – оставление Решения Коллегии Суда без изменения – особое мнение.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» обратилось в Суд Евразийского экономического сообщества с заявлением об оспаривании решения Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 15).

По мнению ООО «Шиптрейд» Решение № 15 содержит неверную классификацию судовых двигателей, в связи с чем не соответствует Договору о Ев-

разийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Положению о Евразийской экономической комиссии (Приложению № 1 к Договору о Союзе), и нарушает его права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности, поскольку влечет увеличение таможенных платежей.

Решением Коллегии Суда от 18 июня 2019 года Суд удовлетворил требование ООО «Шиптрейд» и признал Решение № 15 не соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза. Суд пришел к выводу, что в субпозиции 8408 10 ТН ВЭД ЕАЭС подлежат классификации двигатели, основное функциональное назначение которых заключается именно в приведении судна в движение. По мнению Суда, Комиссия не в полной мере учла тот факт, что описанные в решении двигатели могут использоваться в качестве главных двигателей, предназначенных для приведения в действие движителей, т.е. обеспечивающих движение судна. В этой связи отнесение соответствующего дизельного двигателя к субпозиции 8408 90 ТН ВЭД ЕАЭС «двигатели прочие» было признано неубедительным.

К решению Коллегии Суда приложены особые мнения судей Туманяна А.Э., Федорцова А.А.

Не согласившись с принятым Решением Коллегии Суда, Евразийская экономическая комиссия обратилась в Апелляционную палату Суда с Апелляционной жалобой.

В решении от 31 октября 2019 года Апелляционная палата оставила Решение Коллегии Суда без изменения, а Апелляционную жалобу Комиссии – без удовлетворения. К решению Апелляционной палаты Суда приложено особое мнение судьи Айриян Э.В.

Правовые позиции Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда:

1. При классификации отдельного вида товара по субпозициям в рамках позиции 8408 ТН ВЭД ЕАЭС классифицирующим признаком является назначение товара.

(см. абзац 8 пункта 5.5. раздела 5 «Выводы Суда» Решения Коллегии Суда; абзац 4 пункта 5.4. раздела 5 «Выводы Суда» Решения Апелляционной палаты Суда).

2. В соответствии со статьей 6 Договора право Союза составляет единую систему. Следовательно, в отсутствие специальных норм, регулирующих определенную сферу отношений, следует руководствоваться понятиями в их обычном значении, используемом в применимых актах права Союза. В отношении таможенной классификации в случае отсутствия специальных терминов и определений в текстах позиций, субпозиций, Примечаниях и Пояснениях следует принимать во внимание также положения документов, указанных в подпункте г) пункта 5, подпункте б) пункта 6 Порядка, в том числе в этих целях

могут быть использованы технические регламенты и стандарты как унифицированные требования к характеристикам товара Союза.

В отсутствие норм, унифицированных на уровне права Союза, допускается возможность ссылки на национальные стандарты.

(см. абзац 11 пункта 5.5. раздела 5 «Выводы Суда» Решения Коллегии Суда; абзац 5 пункта 5.1. раздела 5 «Выводы Суда» Решения Апелляционной палаты Суда).

3. Требования к изготовлению дизельного двигателя в соответствии со стандартами, предъявляемыми к конкретному типу двигателя, и его технические характеристики являются существенным условием для определения назначения товара и его использования в соответствии с технической документацией.

Взаимосвязанное прочтение пункта 3 Протокола о техническом регулировании, подпункта г) пункта 5 Порядка позволяет сделать вывод о том, что при принятии решения о классификации и, следовательно, при судебной проверке правомерности решения о классификации должна учитываться вся совокупность характеристик товара, включая информацию производителя об использовании товара и иную техническую информацию.

(см. абзац 5 пункта 5.8. раздела 5 «Выводы Суда» Решения Коллегии Суда; абзац 4 пункта 5.2. раздела 5 «Выводы Суда» Решения Апелляционной палаты Суда).

4. Конвенция о ГС, наряду с правом Союза, подлежит применению для регулирования таможенно-тарифных отношений. На этом основании Суд применяет положения Конвенции о ГС при осуществлении правовой оценки правовых актов и фактических обстоятельств дела.

Поскольку Конвенция о ГС составляет международную основу ТН ВЭД ЕАЭС, несоответствие положениям последней также означает несоответствие Конвенции о ГС.

(см. абзацы 8, 9 пункта 5.1. раздела 5 «Выводы Суда» Решения Апелляционной палаты Суда).

Summary
in the cases No. CE-1-2/1-19-KC and
No. CE-1-2/6-19-АП
(LLC “Shiptrade”)

Key words:

Limited Liability Company “Shiptrade” (economic entity, legal entity) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On declaring Decision of the Board of Eurasian Economic Commission dated January 31, 2018 No. 15 “On the classification of a marine diesel engine pursuant to the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activities of the Eurasian Economic Union (CN FEA EAEU)” to be not in compliance with the Treaty on the Eurasian Economic Union Treaty of 29 May 2014 (EAEU Treaty) and international agreements within the Eurasian Economic Union.

Classification of marine diesel engines; rotation of the rotor of an electric generator; marine propulsion; CN FEA EAEU heading 8408; CN FEA EAEU subheadings 8408 10 and 8408 90f.

Decision of the Board of EEC dated January 31, 2018 No. 15 “On the classification of a marine diesel engine pursuant to the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activities of the Eurasian Economic Union” – International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System (HS Convention) – EAEU Customs Code – CN FEA EAEU – Procedure for the Drafting of Decisions on the Classification of Particular Types of Goods by the Eurasian Economic Commission, approved by Decision of the Board of the EEC dated December 02, 2013 No. 284 (Procedure).

Judgement of the Chamber of the Court – satisfaction of claims – declaring Decision of the Board of EEC dated January 31, 2018 No. 15 “On the classification of a marine diesel engine pursuant to the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activities of the Eurasian Economic Union” to be not in compliance with the EAEU Treaty and international agreements within the EAEU – separate opinions – Judgement of the Appeals Chamber of the Court – upholding of Judgement of the Chamber of the Court – separate opinion.

Substance of the case:

Limited Liability Company “Shiptrade” filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union contesting the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated January 31, 2018 No. 15 “On the classification of a marine diesel engine pursuant to the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activities of the Eurasian Economic Union” (Decision No. 15).

According to “Shiptrade” LLC., Decision No. 15 contains an incorrect classification of marine diesel engines, and as a consequence is not in compliance with the EAEU Treaty, the EAEU Customs Code and the Regulation on the Eurasian Economic Commission (Annex 1 to the EAEU Treaty), and violates the rights and legitimate interest of the claimant in the area of business activities, insofar as it leads to an increase in the applicable customs payments.

In its judgment of 18 June 2019 the Chamber of the Court sustained the claims of “Shiptrade” LLC. and declared Decision No. 15 to be not in compliance with the EAEU Treaty and international agreements within the EAEU. The Court found that CN FEA EAEU subheading 8408 10 should be used to classify engines whose primary function is marine propulsion (setting the vessel into motion). As the Court opined, the Commission did not fully take into account that the engines described in its decision can be used as main engines that set into motion the vessel’s propulsors, i.e. as engines that ensure the propulsion of the vessel. In this regard, classifying the relevant diesel engine in CN FEA EAEU subheading 8408 90 “Other engines” was found by the Court to be unconvincing.

Separate opinions of Judges A.E.Tumanyan, A.A.Fedortsov are attached to the Judgement of the Chamber of the Court.

The Eurasian Economic Commission did not agree with the Judgment of the Chamber of the Court and filed an appeal with the Appeals Chamber.

In its judgement of 31 October 2019 the Appeals Chamber upheld the Judgement of the Chamber of the Court and dismissed the Commission’s appeal.

A separate opinion of judge E.V. Hairiyan is attached to the Judgement of the Appeals Chamber of the Court.

Legal findings of the Chamber of the Court and the Appeals Chamber of the Court:

1. In classifying a particular type of goods in one of the subheadings under CN FEA EAEU heading 8408, the classifying criterion should be the intended use of the product.

(see subparagraph 8, paragraph 5.5., section 5 “Court’s Findings” of the Judgement of the Chamber of the Court ; subparagraph 4, paragraph 5.4., section 5 “Court’s Findings” of the Judgement of the Appeals Chamber of the Court).

2. Pursuant to Article 6 of the EAEU Treaty, EAEU law makes up a unified system. Consequently, in the absence of special norms governing a particular set of legal relations, one should be guided by the terms in their ordinary meaning used in the applicable acts of EAEU law. With regard to customs classification, where special terms or definitions are absent from the texts of headings, subheadings, Notes and Explanatory Notes, one should also consider the provisions of the documents mentioned in subparagraph 1) of paragraph 5, subparagraph 6) of paragraph 6 of the

Procedure, including, inter alia, technical regulations and standards, which represent a set of harmonized requirements applicable to the characteristics of EAEU goods.

In the absence of harmonized norms at EAEU level, it is permissible to refer to national standards.

(see subparagraph 11, paragraph 5.5., section 5 “Court’s Findings” of the Judgement of the Chamber of the Court ; subparagraph 5, paragraph 5.1., section 5 “Court’s Findings” of the Judgement of the Appeals Chamber of the Court).

3. The production requirements applicable to diesel engines pursuant to applicable standards, and their technical characteristics are essential conditions for determining the intended use of the goods and their actual use as prescribed by the technical documentation.

A coherent reading of paragraph 3 of the Protocol on Technical Regulation and subparagraph 1) of paragraph 5 of the Procedure leads to the conclusion that the adoption of a classification decision and, consequently, the judicial review of a classification decision, should take into account the entire body of product characteristics, including information provided by the producer on the use of the goods and other technical information.

(see subparagraph 5, paragraph 5.8., section 5 “Court’s Findings” of the Judgement of the Chamber of the Court; subparagraph 4, paragraph 5.2, section 5 “Court’s Findings” of the Judgement of the Appeals Chamber of the Court).

4. Both the HS Convention and EAEU law are applicable to the regulation of legal relations in the customs tariff area. On this basis, the Court applies the provisions of the HS Convention in its legal assessment of acts of law and facts of the case.

Whereas the HS Convention serves as the international basis for the CN FEA EAEU, any inconformity with the provisions of the latter also means inconformity with the HS Convention.

(see subparagraphs 8, 9, paragraph 5.1., section 5 “Court’s Findings” of the Judgement of the Appeals Chamber of the Court).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

15 апреля 2019 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Сейтимовой В.Х., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Лозинской А.В.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года №29,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» (далее – заявитель, Национальная палата предпринимателей) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (далее - Критерии отнесения рынка к трансграничному, Критерии).

В заявлении указано, что в соответствии с пунктом 7 статьи 76 Договора пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, общих правил конкуренции, установленных разделом XVIII «Общие принципы и правила конкуренции» Договора, в случае если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, за исключением финансовых рынков, осуществляется Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) в порядке, предусмотренном Протоколом

об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору) (далее – Протокол № 19).

При этом, при осуществлении контроля за соблюдением общих правил конкуренции Протокол № 19 предусматривает разграничение полномочий Комиссии и уполномоченных органов государств-членов (в понимании пункта 5 статьи 75 Договора).

Так, пунктом 8 Протокола № 19 установлено, что пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств - членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, на территориях государств-членов осуществляется уполномоченными органами государств-членов.

Заявитель отмечает, что в отношении применения положений раздела XVIII «Общие принципы и правила конкуренции» Договора и Протокола № 19 в их взаимосвязи с Критериями отнесения рынка к трансграничному возник ряд вопросов. В частности, речь идет о разграничении компетенции между Комиссией и уполномоченными органами государств-членов на пресечение нарушений, запрет на которые установлен пунктом 1 статьи 76 Договора.

В случае, когда имеет место нарушение подпункта 1 пункта 1 статьи 76 Договора, выраженное в установлении монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, одновременно такая цена товара может быть установлена одинаковым образом как для потребителей, осуществляющих свою деятельность на внутреннем рынке государства- члена, так и для потребителей, осуществляющих свою деятельность на трансграничных рынках.

По мнению заявителя, в указанном случае при соблюдении требований пункта 5 Критериев и установления компетенции Комиссии, одновременно возможно будет наличествовать компетенция уполномоченного органа государства-члена в пресечении аналогичного требования национального законодательства государства-члена. В связи с чем может возникнуть ситуация, при которой одновременно одним действием будет совершено нарушение статьи 76 Договора с компетенцией Комиссии по пресечению такого нарушения и нарушение национального законодательства государства-члена с компетенцией уполномоченного органа государства-члена по пресечению такого нарушения.

Аналогичные ситуации, по мнению заявителя, присущи и для других квалифицированных составов, поименованных в подпунктах 2-7 пункта 1 статьи 76 Договора.

В этой связи заявитель просит Суд дать разъяснение о применении следующих положений Договора и Критериев отнесения рынка к трансграничному:

1. При наличии ситуации, когда хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) одним действием (бездействием) совершается нарушение как нацио-

нального законодательства государства-члена на внутреннем рынке соответствующего государства-члена, так и нарушение пункта 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке, при условии выполнения пункта 5 Критериев, относится ли рассмотрение указанных действий (бездействия) к компетенции (исключительной компетенции) Комиссии?

2. В случае привлечения к ответственности хозяйствующего субъекта (субъекта рынка) уполномоченным органом государства-члена и Комиссией за совершение действий (бездействия), нарушающее одновременно и национальное законодательство государства-члена на внутреннем рынке государства-члена, и пункт 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке, каким образом должно осуществляться разграничение компетенции и привлечение к ответственности указанного лица?

3. В случае проведения расследования (привлечения к ответственности) в связи с одними и теми же (аналогичными) действиями (бездействием) хозяйствующего субъекта в национальном органе и Комиссии, с учетом принципа *non bis in idem* и установленного разграничения компетенции, каким образом, в каком порядке осуществляется прекращение расследования в органе, не обладающем на это компетенцией (отмена акта о привлечении к ответственности)?

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд по заявлению органа Евразийского экономического союза (далее – Союз) осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Пунктом 49 Статута Суда предусмотрено, что обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом,

В соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 6 мая 2015 года № 20 «Об органах и организации, уполномоченных на обращение в Суд Евразийского экономического союза» Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан определена в качестве уполномоченной организации на обращение в Суд.

Разъяснение положений статей 74, 76 Договора и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному входит в предметную компетенцию Суда по рассмотрению заявлений о разъяснении в соответствии с пунктом 46 Статута Суда.

Требования, предъявляемые к заявлению государства-члена Союза о разъяснении, и перечень прилагаемых к нему документов предусмотрены статьей 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Заявление Национальной палаты предпринимателей о разъяснении соответствует требованиям пункта 1 статьи 10 Регламента Суда об указании положений Договора и решений органов Союза, по которым требуется разъяснение, и о наличии необходимых реквизитов.

В силу подпункта «б» пункта 1 статьи 31 Регламента Суда представителями государств-членов могут выступать руководители уполномоченных органов и организаций государств-членов, определенных согласно пункту 49 Статута Суда. В соответствии с подпунктом «г» пункта 1 статьи 31 Регламента представителями государств-членов в Суде также могут быть иные лица, полномочия которых подтверждаются соответствующими документами, выданными лицами, указанными в подпунктах «а» – «в» настоящего пункта.

Заявление, поступившее в Суд, подписано членом Правления – заместителем Председателя Правления Национальной палаты предпринимателей Е.А. Больгертом. В подтверждение полномочий данного лица в соответствии с пунктом 3 статьи 10 Регламента Суда представлена копия доверенности от 20 февраля 2019 года № 147, подписанная Председателем Национальной палаты предпринимателей.

Большая коллегия Суда считает, что заявление Национальной палаты предпринимателей *prima facie* соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда, поступило от надлежащего заявителя, указанного в пункте 49 Статута Суда.

Ранее по вопросу, указанному в заявлении, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом не принималось.

Основания для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству, предусмотренные статьей 73 Регламента Суда, отсутствуют.

Руководствуясь пунктами 46, 49, 50, 68, 69, 73-75 и подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10, 31, 72, 74 и 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержден-

ных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29.

2. Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 3 июня 2019 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

А.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

18 июня 2019 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Сейтимовой В.Х., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Лозинской А.В., исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73-75, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 14, 19, 72, 75, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза, предоставляет следующее консультативное заключение по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29.

I. Вопрос заявителя

Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» (далее – заявитель, Национальная палата предпринимателей) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (далее – Критерии отнесения рынка к трансграничному, Критерии).

В заявлении указывается, что в соответствии с пунктом 7 статьи 76 Договора пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, общих правил конкуренции, установленных разделом XVIII «Общие принципы и правила конкуренции» Договора, в случае если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, за исключением финансовых рынков, осуществляется Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) в порядке, предусмотренном Протоколом об общих

принципах и правилах конкуренции, являющимся приложением № 19 к Договору (далее – Протокол). При этом пунктом 8 Протокола установлено, что пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, на территориях государств-членов осуществляется уполномоченными органами государств-членов.

Заявитель отмечает, что в отношении применения положений раздела XVIII «Общие принципы и правила конкуренции» Договора и Протокола в их взаимосвязи с Критериями отнесения рынка к трансграничному возник ряд вопросов. В частности, речь идет о разграничении компетенции между Комиссией и уполномоченными органами государств-членов на пресечение нарушений, запрет на которые установлен пунктом 1 статьи 76 Договора.

В случае, когда имеет место нарушение подпункта 1 пункта 1 статьи 76 Договора, выраженное в установлении монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, одновременно такая цена товара может быть установлена одинаковым образом как для потребителей, осуществляющих свою деятельность на внутреннем рынке государства-члена, так и для потребителей, осуществляющих свою деятельность на трансграничных рынках.

По мнению заявителя, в указанном случае при соблюдении требований пункта 5 Критериев и установлении компетенции Комиссии, одновременно возможно будет наличествовать компетенция уполномоченного органа государства-члена в пресечении нарушения аналогичного требования национального законодательства государства-члена. В связи с чем может возникнуть ситуация, при которой одновременно одним действием будет совершено нарушение статьи 76 Договора с компетенцией Комиссии по пресечению такого нарушения и нарушение национального законодательства государства-члена с компетенцией уполномоченного органа государства-члена по пресечению такого нарушения.

Аналогичные ситуации, по мнению заявителя, присущи и для других квалифицированных составов, поименованных в подпунктах 2–7 пункта 1 статьи 76 Договора.

Заявитель просит Суд дать разъяснение о применении следующих положений Договора и Критериев отнесения рынка к трансграничному:

1. При наличии ситуации, когда хозяйствующим субъектом (субъектом рынка) одним действием (бездействием) совершается нарушение как национального законодательства государства-члена на внутреннем рынке соответствующего государства-члена, так и нарушение пункта 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке, при условии выполнения пункта 5 Критериев, относится ли рассмотрение указанных действий (бездействия) к компетенции (исключительной компетенции) Комиссии?

2. В случае привлечения к ответственности хозяйствующего субъекта (субъекта рынка) уполномоченным органом государства-члена и Комиссией за совершение действий (бездействия), нарушающее одновременно и национальное законодательство государства-члена на внутреннем рынке государства-члена, и пункт 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке, каким образом должно осуществляться разграничение компетенции и привлечение к ответственности указанного лица?

3. В случае проведения расследования (привлечения к ответственности) в связи с одними и теми же (аналогичными) действиями (бездействием) хозяйствующего субъекта в национальном органе и Комиссии, с учетом принципа *non bis in idem* и установленного разграничения компетенции, каким образом, в каком порядке осуществляется прекращение расследования в органе, не обладающем на это компетенцией (отмена акта о привлечении к ответственности)?

II. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Пункт 73 Статута Суда предусматривает, что Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

Предметная и субъектная юрисдикция Суда в отношении вынесения испрашиваемого заявителем консультативного заключения установлена на основании положений Регламента Суда и Статута Суда в постановлении Большой коллегии Суда от 15 апреля 2019 года о принятии к рассмотрению заявления Национальной палаты предпринимателей о разъяснении Договора и Критериев отнесения рынка к трансграничному.

В рамках подготовки дела о разъяснении к рассмотрению в порядке статьи 75 Регламента Суда направлены запросы и получены ответы от Государственной комиссии по защите экономической конкуренции Республики Армения, Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, Министерства национальной экономики Республики Казахстан, Государственного агентства антимонопольного регулирования при Правительстве Кыргызской Республики, Федеральной антимонопольной службы (ФАС России), Верховного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Казахстан, Верховного Суда Кыргызской Республики, Верховного Суда Российской Федерации, Института законодательства Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Научно-исследовательской лаборатории «Центр исследований конкурентной политики и экономики» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Федерации, Евразийской экономической комиссии, Организации экономического сотрудничества и развития.

III. Выводы Суда

Руководствуясь пунктом 50 Статута Суда, Большая коллегия Суда осуществляет разъяснение положений Договора и решений органов Союза в их системной взаимосвязи на основе общепризнанных принципов и норм международного права с учетом положений статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

Вопросы, поставленные перед Судом, тесно взаимосвязаны, что делает необходимым для Большой коллегии их рассмотрение с точки зрения материально-правового регулирования общих правил конкуренции, а также оснований разграничения компетенции в сфере конкуренции между государствами-членами и Комиссией.

1. Общие принципы и правила конкуренции содержатся в разделе XVIII Договора. Порядок их реализации установлен Протоколом, международными договорами в рамках Союза, а также рядом актов, принятых органами Союза. Установленные правом Союза общие правила конкуренции распространяются на отношения, связанные с реализацией конкурентной политики на территориях государств-членов, и на отношения с участием хозяйствующих субъектов государств-членов, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на территориях двух и более государств-членов.

В Консультативном заключении от 17 декабря 2018 года Судом установлено, что «общие правила конкуренции обладают прямым действием и должны непосредственно применяться государствами-членами как нормы, закрепленные в международном договоре».

Большая коллегия Суда отмечает, что нарушение запретов, установленных статьей 76 Договора, является основанием для привлечения хозяйствующих субъектов, физических лиц и некоммерческих организаций к ответственности.

В соответствии с пунктом 3 статьи 74 Договора государства-члены вправе устанавливать дополнительные запреты, дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных статьями 75 и 76 Договора.

В Консультативном заключении Суда от 10 июля 2018 года указано, что «по вопросам, переданным на наднациональный уровень регулирования, государства-члены обязаны воздерживаться от принятия национальных правовых актов, противоречащих нормам права Союза».

Таким образом, любые действия уполномоченных органов государств-членов в сфере конкуренции, в том числе по принятию национальных нормативных правовых актов, должны быть совместимы с правом Союза, а противоречия между положениями права Союза и национальными нормами в сфере конкуренции разрешаются с учетом приоритета права Союза.

2. Общие принципы и правила конкуренции направлены на обеспечение выявления и пресечения антиконкурентных действий, как на территории государства-члена Союза, так и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств-членов (пункт 1 статьи 74 Договора).

В Консультативном заключении от 17 декабря 2018 года Большая коллегия Суда пришла к выводу о том, что «пресечение нарушений общих правил конкуренции осуществляется на национальном уровне уполномоченными органами государств-членов и на наднациональном уровне Комиссией. При этом разграничение их компетенции происходит в зависимости от негативного влияния нарушения на конкуренцию на рынке одного государства-члена либо на конкуренцию на трансграничном рынке».

Уполномоченные органы государств-членов в сфере конкуренции действуют в пределах территорий соответствующих государств-членов (национальных рынков). В случае, если нарушение запрета, установленного пунктом 1 статьи 76 Договора, оказывает негативное влияние только на национальный рынок одного государства-члена, пресечение действий (бездействия) хозяйствующего субъекта относится к компетенции уполномоченного органа государства – члена Союза. В рамках своей компетенции уполномоченные органы руководствуются общими принципами и правилами конкуренции, предусмотренными Договором, Протоколом, иными актами права Союза, внутригосударственным законодательством в сфере конкуренции.

Большая коллегия Суда подчеркивает, что предусмотренная пунктом 2 статьи 74 Договора и пунктом 8 Протокола обязанность государств-членов применять право Союза при пресечении нарушений общих правил конкуренции на их территории, не исключает ситуацию, при которой национальное законодательство содержит нормы, совпадающие с положениями Договора об общих правилах конкуренции. Вместе с тем, определяющим фактором для установления компетенции Комиссии или уполномоченного органа государства-члена является географическая характеристика рынка.

3. Комиссия, как орган Союза, действует в пределах полномочий, предоставленных ей Договором и международными договорами в рамках Союза (пункт 2 статьи 8 Договора).

Контроль за соблюдением общих правил конкуренции возложен на Комиссию, если нарушение данных правил оказывает или может оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках.

Понятие «трансграничный рынок» введено пунктом 1 статьи 74 Договора и представляет собой рынок, который охватывает территории двух и более государств-членов. Пунктом 2 статьи 74 Договора предусмотрено, что критерии отнесения рынка к трансграничному в целях определения компетенции Комиссии устанавливаются решением Высшего Евразийского экономическо-

го совета. Критерии утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29.

Пунктом 2 Критериев уточнено понятие трансграничного рынка, закрепленное в пункте 1 статьи 74 Договора, посредством определения его в качестве товарного рынка, географические границы которого охватывают территории двух и более государств-членов. Понятие товарного рынка дано в подпункте 19 пункта 2 Протокола. Определение географических границ товарного рынка осуществляется на основании пунктов 23-31 Методики оценки состояния конкуренции, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 ноября 2013 года № 7 (далее – Методика).

Таким образом, компетенция Комиссии в сфере конкуренции устанавливается исходя из основного правила о трансграничности рынка – географического критерия. Большая коллегия Суда считает, что норма пункта 2 Критериев носит общий характер и закрепляет понятие трансграничного товарного рынка, которое подлежит применению к правоотношениям, урегулированным статьей 76 Договора.

4. Большая коллегия обращает внимание, что в Критериях предусмотрены специальные правила, применяемые дополнительно к общему географическому критерию в зависимости от нарушений в сфере конкуренции для целей их пресечения. Пункты 3-5 Критериев определяют дополнительные условия по видам запретов, установленных статьей 76 Договора, пресечение нарушений которых на трансграничных рынках относится к компетенции Комиссии.

Так, пункт 5 Критериев определяет количественно-качественный критерий для целей пресечения нарушений запретов, установленных пунктом 1 статьи 76 Договора (злоупотребление доминирующим положением), в зависимости от количества субъектов рынка и их доли.

Пунктом 5 Критериев установлены доли объема реализации или закупки на трансграничном рынке, представляющие собой условия, при выполнении которых устанавливается доминирующее положение хозяйствующего субъекта на трансграничном рынке, и, соответственно, злоупотребление таким положением с учетом негативного влияния на конкуренцию на трансграничном рынке, подлежит пресечению Комиссией. Данный вывод согласуется с пунктами 57–59 Методики. Соответственно, невыполнение условий пункта 5 Критериев означает отсутствие в действиях лица признаков нарушения пункта 1 статьи 76 Договора, что исключает полномочия Комиссии по пресечению таких действий.

В связи с этим Большая коллегия Суда констатирует, что пресечение нарушений запрета на действия (бездействие) хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение, результатом которых являются или может явиться негативное влияние на трансграничных рынках, осуществляется Комиссией при выполнении условий, установленных в пункте 5 Критериев. Ком-

петенция Комиссии в сфере конкуренции на трансграничных рынках, в случае удовлетворения соответствующим критериям, является исключительной.

5. С точки зрения разграничения компетенции в Союзе создана не совместная, а двухуровневая система регионального и национального ведения вопросов конкуренции в зависимости от того, затронуты (или могут быть затронуты) негативным влиянием нарушения общих запретов трансграничные или национальный рынки. Вместе с тем, с учетом того, что трансграничный рынок охватывает товарные рынки государств-членов, негативное влияние (возможное негативное влияние) на трансграничные рынки и одновременно на национальный рынок государства-члена, следует рассматривать как единое нарушение на трансграничных рынках.

Большая коллегия Суда приходит к выводу о невозможности осуществления компетенции Комиссией и уполномоченными органами государств-членов в отношении одних и тех же нарушений одновременно. В случае, если лицо посредством совершения одного действия нарушает законодательство государства-члена и пункт 1 статьи 76 Договора, причем такое нарушение оказывает или может оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках (имеет место совпадение состава нарушения), то несоблюдение пункта 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке подлежит пресечению Комиссией и исключает ответственность по национальному законодательству.

6. Большая коллегия обращает внимание на существование механизма взаимодействия уполномоченных органов государств-членов и Комиссии. Протокол содержит процессуальные гарантии, исключающие возможность проведения одновременного рассмотрения, расследования, привлечения к ответственности Комиссией и уполномоченными органами государства-члена в отношении одних и тех же нарушений.

6.1 Согласно пункту 58 Протокола, если уполномоченными органами государств-членов при рассмотрении заявлений о нарушении общих правил конкуренции на основе Критериев будет установлена подведомственность ЕЭК по рассмотрению соответствующих заявлений (материалов), такие заявления (материалы) передаются в Комиссию.

Аналогичный порядок действует и в случае установления Комиссией подведомственности уполномоченных органов государств-членов при рассмотрении заявлений (материалов) о нарушении общих правил конкуренции: решение о передаче заявления (материалов) уполномоченным органам государств-членов Союза также принимается на любой стадии их рассмотрения (абзац 1 пункта 60 Протокола).

Процедурные аспекты взаимодействия ЕЭК и уполномоченных органов урегулированы Решениями Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 97 «О порядке рассмотрения заявлений (материалов)

о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках», № 98 «О порядке проведения расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – Порядок проведения расследования), № 99 «О порядке рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» и основываются на принципах сотрудничества и транспарентности.

Таким образом, в праве Союза предусмотрены нормативно-правовые и организационно-правовые механизмы взаимодействия наднациональных и национальных органов при осуществлении ими контроля за соблюдением общих правил конкуренции, в том числе по передаче дел по подведомственности в соответствии с установленной компетенцией на стадиях рассмотрения заявлений (материалов) и проведения расследований. Данные механизмы направлены на то, чтобы исключить пресечение нарушений общих правил конкуренции органами, не обладающими на это полномочиями исходя из установленных правом Союза правил разграничения компетенции.

6.2 Предусмотренное правом Союза разграничение компетенции и передача заявлений и материалов по подведомственности представляют собой частный случай реализации принципов наделения компетенцией и сотрудничества, представленных нормативно в пункте 2 статьи 8 и абзаце 7 статьи 3 Договора, соответственно. Процедурно это является основанием для приостановления и прекращения рассмотрения заявлений (материалов), проведения расследований в органах, которые не обладают соответствующей компетенцией.

Решение уполномоченного органа государства-члена о передаче заявления о нарушении общих правил конкуренции на рассмотрение Комиссии сопровождается направлением соответствующего обращения в Комиссию. Такое обращение является основанием приостановления рассмотрения заявления о нарушении общих правил конкуренции уполномоченным органом – вплоть до принятия Комиссией одного из решений: о проведении расследования нарушений, о передаче заявления по подведомственности, о возвращении заявления в уполномоченный орган, из которого оно поступило. Вопросы содержания обращения уполномоченного органа, прилагаемые документы, сроки уведомления заявителя, и иные процедурные аспекты урегулированы в пункте 58 Протокола.

В качестве основания прекращения рассмотрения заявления (материалов) национальными уполномоченными органами предусмотрено принятие Комиссией решения о проведении расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках либо о передаче заявления (материалов) о нарушении таких правил по подведомственности в уполномоченные органы иных государств-членов (пункт 59 Протокола). Уяснение пункта 59 Протокола свидетельствует, что данная норма носит императивный характер, и прекращение рассмотрения заявления (материалов) не зависит от усмотрения органа государства-члена.

В соответствии с пунктами 14-15 Порядка проведения расследования определение об отказе в возбуждении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках выносится Комиссией в случае отсутствия в действиях хозяйствующего субъекта признаков нарушения общих правил конкуренции на трансграничных рынках. Определение о передаче заявления (материалов) по подведомственности в уполномоченные органы выносится в случае, если в ходе проведения расследования выявлено, что рассматриваемое нарушение не относится к компетенции Комиссии и на основании проведенного расследования сделан вывод о наличии признаков нарушения антимонопольного законодательства государства-члена.

Вышеуказанное дает основания для вывода Большой коллегии о том, что порядок прекращения проведения расследований в органах, не обладающих на это компетенцией, определяется разделом VI Протокола.

7. Большая коллегия Суда указывает, что в случае привлечения к ответственности хозяйствующего субъекта за нарушение общих правил конкуренции и наложения санкций одновременно решениями уполномоченного органа государства-члена и Комиссии, отмене подлежит то решение, которое нарушает компетенцию.

Частным проявлением принципа *non bis in idem* в праве Союза является норма подпункта «в» пункта 11 Методики расчёта штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2012 года № 118, согласно которой при применении штрафных санкций за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках соблюдается правило о том, что правонарушитель не может нести ответственность дважды за одно и то же нарушение.

В силу подпункта 1 пункта 50 Статута Суд при осуществлении правосудия, которое включает и предоставление консультативного заключения, применяет общепризнанные принципы и нормы международного права. При вынесении судебного акта Суд основывается на общих конституционных традициях государств – членом Союза, а также международных соглашениях о защите прав человека.

Применение данного подхода при пресечении нарушений общих правил конкуренции означает невозможность для лица одновременно быть подвергнутым ответственности за совершение одного и того же деяния решениями Комиссии и уполномоченного органа государства-члена (*non bis in idem*).

В таком случае обращение к принципу *non bis in idem* и обязанность добросовестного исполнения положений права Союза о разграничении компетенции влекут отмену решения, принятого с нарушением требований Договора о разграничении полномочий между Комиссией и национальными органами.

8. На основании вышеизложенного Большая коллегия Суда приходит к следующим выводам.

8.1 В случае, если действиями (бездействием) хозяйствующего субъекта государства-члена Евразийского экономического союза совершается нарушение как национального законодательства государства-члена на внутреннем рынке соответствующего государства-члена, так и пункта 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке, при условии выполнения пункта 5 Критериев, рассмотрение указанных действий (бездействия) относится к исключительной компетенции Комиссии.

8.2 С учетом установленных в праве Союза критериев разграничения компетенции, порядка взаимодействия Комиссии и уполномоченных органов государств-членов возможность одновременного осуществления компетенции в сфере контроля за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках Комиссией и уполномоченными органами государств-членов исключается.

Рассмотрение Комиссией дела о нарушении пункта 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке исключает возможность уполномоченного органа государства-члена привлекать к ответственности хозяйствующего субъекта, действия которого нарушают пункт 1 статьи 76 Договора на национальном рынке.

8.3 В случае привлечения к ответственности за нарушение правил конкуренции и наложения санкций одновременно и решением уполномоченного органа, и решением Комиссии, отмене подлежит то решение, которое нарушает компетенцию, предусмотренную Договором.

Порядок прекращения проведения расследований в органах, не обладающих на это компетенцией, определяется разделом VI Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19).

IV. Заключительные положения

Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.

Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

Судьи

Ж.Н. Баишев

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-1/2-19-БК)

город Минск

18 июня 2019 года

Соглашаясь с выводами резолютивной части, к которым пришла Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в консультативном заключении по делу по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29, полагаю возможным в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявить особое мнение по мотивировочной части консультативного заключения в связи с необходимостью сформулировать правовое определение действий, влекущих негативные последствия для конкуренции на трансграничном рынке.

1. Договор предусматривает точную систему разделения компетенции по расследованию нарушений правил конкуренции между уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) и Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия, ЕЭК).

Согласно статье 74 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) предметом раздела XVIII Договора является установление общих принципов и правил конкуренции, обеспечивающих **выявление и пресечение антиконкурентных действий на территориях государств-членов, и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках** на территории двух и более государств-членов.

При этом, согласно пункту 7 статьи 76 Договора, **пресечение нарушений** хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, общих правил конкуренции, установленных настоящим разделом, в случае если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, за исключением финансовых рынков, **осуществляется Комиссией.**

С другой стороны, пункт 8 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору; далее – Приложение № 19) гласит: **пресечение нарушений** хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, **на территориях государств-членов осуществляется уполномоченными органами государств-членов.**

Сравнительный анализ приведенных норм показывает, что разделение компетенции ЕЭК и уполномоченных органов государств-членов зависит от того, оказывает ли действие (нарушение) хозяйствующего субъекта влияние на конкуренцию на трансграничном рынке или только на национальном. Следует отметить, что место совершения действия и государственная принадлежность нарушителей не имеют значения для определения компетенции Комиссии. Значимо только оказание негативного влияния на конкуренцию на рынке одного или двух и более государств-членов. Поэтому для точного уяснения компетенции наднациональных и национальных органов следует дать определение нарушения (действия) на трансграничном рынке и понять с правовой точки зрения, в чем заключается его негативное влияние на конкуренцию.

Понятие «конкуренция» определено в подпункте 8 пункта 2 Приложения № 19 – это состязательность хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Понятие «правонарушение» определяется в теории права как виновное противоправное действие (бездействие), является разновидностью правонарушений, то есть волевого поведения, которое не соответствует правовым предписаниям, ущемляет субъективные права, не согласуется с возложенными на лиц юридическими обязанностями. В свою очередь юридические действия в целом рассматриваются как волевое поведение людей, внешнее выражение воли и сознания граждан, воли организаций и общественных образований. Юридические действия представляют собой разновидность юридических фактов, то есть конкретных жизненных обстоятельств, с которыми юридическая норма связывает возникновение, изменение или прекращение правовых последствий (правоотношений).

Статья 76 Договора запрещает (то есть квалифицирует как нарушения) различного рода действия (бездействие) хозяйствующих субъектов: неправомерное использование доминирующего положения (например, в форме установления, поддержания монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, навязывания контрагенту экономически или технологически не обо-

снованных условий договора и т.п.); осуществление недобросовестной конкуренции (в подпункте 14 пункта 2 Приложения № 19 данный термин также определяется через понятие «действия»); заключение антиконкурентных соглашений; осуществление координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Согласно пункту 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29, в целях применения общих правил конкуренции, установленных в статье 76 Договора, рынок относится к трансграничному, если географические границы товарного рынка охватывают территории двух и более государств-членов.

Таким образом, **нарушение (действие) на трансграничном рынке** – это юридический факт, выражающийся в форме неправомерного волевого поведения физических и юридических лиц, которое вызывает возникновение, изменение или прекращение правовых последствий, негативно воздействующих на общие условия обращения товаров на товарном рынке, охватывающем территории двух и более государств-членов.

Как было указано в консультативном заключении Суда от 4 апреля 2017 года, правила в сфере защиты конкуренции на трансграничных рынках урегулированы правом Союза и относятся к единой политике (наднациональное регулирование). Суд также подчеркнул, что ни государства-члены, ни органы Союза не должны вторгаться в компетенцию друг друга.

Из рассмотренных выше правил разделения компетенции ЕЭК и уполномоченных органов государств-членов следует, что хозяйствующий субъект может совершить действие, которое нарушает запреты, установленные и в национальном законодательстве, и в Договоре. Однако лишь в том случае, если действие приводит к возникновению, изменению или прекращению правовых последствий на территории двух и более государств-членов, оно оказывает влияние на конкуренцию на трансграничном рынке, а следовательно, подчиняется правилам конкуренции, установленным в Договоре, и его расследованием может заниматься только Комиссия.

Уполномоченный национальный орган власти обязан передать расследование в ЕЭК на любой стадии, как только установит, что правоотношение распространяется на трансграничный рынок. И наоборот, если Комиссия получает заявление о совершении антиконкурентных действий, не имеющих правовых последствий за пределами территории одного из государств-членов, то она должна отправить дело для расследования в это государство-член. Процедура такого взаимодействия описана в пунктах 57-60 Приложения № 19.

2. Договор предусматривает, что пресечение нарушений правил конкуренции, установленных в Договоре, на территориях государств-членов осуществляется уполномоченными органами государств-членов (пункт 8 Приложе-

ния № 19), а на трансграничных рынках – Комиссией (пункт 9 Приложения № 19). Также и наложение штрафных санкций за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, предусмотренных пунктами 16-21 Приложения № 19, входит в компетенцию ЕЭК, а не государств-членов. Санкции же за нарушения на территории государства-члена определяются по национальному праву.

3. При соблюдении установленных правил невозможна ситуация конфликта компетенций, при которой расследование действий хозяйствующего субъекта и наложение санкции может находиться в рамках компетенции одновременно Комиссии и уполномоченного органа какого-либо государства-члена.

Если все же два расследования были проведены и хозяйствующий субъект был признан нарушителем как по Договору, так и по национальному законодательству, то это означает, что либо ЕЭК, либо уполномоченный орган государства-члена приняли решение вне рамок своей компетенции и акт, нарушающий правила, установленные Договором, должен быть отменен.

Согласно абзацу второму пункта 14 Приложения № 19 акты, действия (бездействие) Комиссии в сфере конкуренции оспариваются в Суде Евразийского экономического союза (далее – Суд).

Пункт 15 Приложения № 19 гласит, что акты, действия (бездействие) уполномоченных органов государств-членов оспариваются в судебных органах государств-членов в соответствии с процессуальным законодательством государств-членов.

Следовательно, Договор исходит из того, что решения национальных органов власти могут быть оспорены и отменены в национальной юрисдикции. Если же решение о привлечении хозяйствующего субъекта к ответственности было принято с нарушением компетенции, но вступило в силу и было исполнено, то такое решение не может считаться законным и обоснованным. В соответствии с процессуальным законодательством государств – членов Союза, в силу принципа правовой определенности такие судебные акты должны быть пересмотрены, что будет реализацией принципа *non bis in idem*.

Принятое в рамках своей компетенции решение ЕЭК о привлечении хозяйствующего субъекта к ответственности за нарушения на трансграничном рынке, а также консультативные заключения Суда относятся к новым обстоятельствам, на основании которых могут быть пересмотрены вступившие в силу судебные решения (статья 319 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь; статья 455 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан; статья 372 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики; статья 309 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Например, подпункт 3 пункта 2 статьи 374 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики гласит: основанием для пересмотра по новым обстоятельствам является решение международного ор-

гана (суда), созданного на основании международного договора, участницей которого является Кыргызская Республика. Схожее регулирование предусмотрено в статье 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Национальные органы власти должны учитывать решения наднационального органа, которые имеют преимущество перед национальным правом согласно конституциям всех государств – членов Союза, так как являются реализацией международного договора, обязательства по которому добровольно взяли на себя суверенные государства.

После отмены решений органов власти государств-членов положение хозяйствующего субъекта должно быть возвращено в первоначальное положение (как если бы отмененных решений вообще не существовало: см., например, постановление Европейского суда по правам человека по делу *Paramichalopoulos and Others v Greece (Just satisfaction)* от 31.10.1995 года (пункт 34); постановление Европейского суда по правам человека по делу *Darby v Sweden* от 23.10.1990 года (пункт 37)). Возврат денег из бюджета государства-члена производится с процентами, которые предусмотрены кодексом государства-члена для пользования чужими денежными средствами (например, статья 366 Гражданского кодекса Республики Беларусь; статья 353 Гражданского кодекса Республики Казахстан; статья 360 Гражданского кодекса Кыргызской Республики; статья 395 Гражданского кодекса Российской Федерации).

4. Поглощение (зачет) меньшего наказания, наложенного уполномоченным национальным органом власти, большим наказанием, наложенным Комиссией, в настоящее время невозможно, так как такая конструкция применима лишь в том случае, если международный договор предполагает субсидиарную компетенцию Комиссии и национальных органов власти (компетенции дополняют друг друга) – так называемая конструкция «длинных рук». В ЕАЭС Договор предусматривает иную систему компетенции – двухуровневые (национальные и наднациональные) расследования в зависимости от наличия или отсутствия влияния на трансграничный рынок, – которая основана на позиции: решение того органа, который нарушил компетенцию, отменяется в соответствующей юрисдикции (Комиссии – в Суде Союза, национального органа – в национальном суде).

Правовая позиция

Нарушение (действие) на трансграничном рынке – это юридический факт, выражающийся в форме неправомерного волевого поведения физических и юридических лиц, которое вызывает возникновение, изменение или прекращение правовых последствий, негативно воздействующих на общие условия

обращения товаров на товарном рынке, охватывающем территории двух и более государств-членов.

Расследование таких нарушений и наложение санкций за них относится к наднациональной компетенции Евразийской экономической комиссии. Решения уполномоченных органов государств-членов, вынесенные с нарушением компетенции ЕЭК, подлежат отмене.

Судья

Т.Н. Нешагаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Сейтимовой В.Х.
(дело № СЕ-2-1/2-19-БК)

город Минск

18 июня 2019 года

18 июня 2019 года Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Большая коллегия) вынесено консультативное заключение по заявлению Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пунктов 2 и 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение о несогласии

с выводом, изложенным во втором абзаце пункта 8.3 Консультативного заключения, и его обоснованием,

а также с отдельными правовыми позициями в обоснование части выводов Консультативного заключения.

О действии общих правил конкуренции

Контекст вопросов, поставленных заявителем, требовал подробного раскрытия ряда аспектов, в том числе сферы действия и характера норм статьи 76 Договора, круга субъектов-дестинаторов нормативных предписаний, особенностей непосредственного действия этих положений.

С учетом выработанных ранее позиций в консультативных заключениях Суда и в контексте заявленных вопросов считаю важным подчеркнуть, что положения статьи 76 Договора обладают прямым действием и должны непосредственно применяться государствами-членами, в том числе их уполномоченными органами, хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов.

Обязанность государств-членов применять право Союза при пресечении нарушений общих правил конкуренции на их территории предусмотрена пунктом 2 статьи 74 Договора и пунктом 8 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, являющегося приложением № 19 к Договору (далее – Протокол). Положения пункта 8 Протокола представляют собой не дозволение, а императивное указание на применение статьи 76 Договора уполномоченными

органами государств-членов. В данной норме заложен значительный потенциал развития единого конкурентного рынка в рамках Союза. Посредством этого обеспечивается применение унифицированных правил на территории всех государств-членов.

Общие правила конкуренции (статья 76 Договора о Евразийском экономическом союзе, далее – Договор) относятся к сфере единой политики и сформулированы в виде норм-запретов. Адресатом норм-запретов являются в том числе хозяйствующие субъекты (субъекты рынка) государств-членов. Они должны соблюдать установления общих правил конкуренции. В отношении хозяйствующих субъектов третьих стран государства-члены проводят согласованную политику (пункт 4 статьи 76 Договора).

В национальном законодательстве государств-членов могут содержаться аналогичные нормы, повторяющие запреты статьи 76 Договора, либо такие нормы могут отсутствовать. Данное обстоятельство не влияет на обязательное применение положений общих правил конкуренции на территориях государств-членов.

Нарушение таких норм *путем совершения как действий, так и бездействия* способно привести к негативному влиянию на конкуренцию. Квалифицирующие признаки таких деяний (действий или бездействия) для определения негативного влияния на конкуренцию содержатся в пунктах 1-6 статьи 76 Договора.

Одновременно следует иметь в виду, что установление того, какой орган уполномочен на пресечение нарушения, *не зависит от квалификации деяния (действий или бездействия) хозяйствующего субъекта* в качестве нарушения права Союза или законодательства государства-члена, если речь идет об общих правилах конкуренции. *Определяющим фактором* для установления компетенции Комиссии или уполномоченного органа государства-члена *является трансграничность рынка*.

О критериях разграничения компетенции в сфере конкуренции

Считаю необходимым также отметить, что в акте Суда не нашла отражение специфика юридико-экономического анализа дефиниций и критериев разграничения компетенции в сфере конкуренции в праве Союза.

Полномочия Комиссии в сфере пресечения нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, регламентированы пунктом 7 статьи 76 Договора, пунктом 9 Протокола.

Контроль за соблюдением общих правил конкуренции возложен на Комиссию, если нарушение данных правил оказывает или может оказать *негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках*. *Перечень полномочий Ко-*

миссии в этой сфере является открытым: помимо полномочий, перечисленных в подпунктах 1-6 пункта 10 Протокола, Комиссии предоставлено право «осуществлять *иные* полномочия, необходимые для реализации положений раздела XVIII Договора и настоящего Протокола» (подпункт 7 пункта 10 Протокола).

Исключение составляют нарушения, оказывающие негативное влияние на конкуренцию на трансграничных *финансовых* рынках. Пресечение такого рода нарушений осуществляется в соответствии с законодательством государств-членов.

Таким образом, для уяснения компетенции Комиссии и ее отграничения от компетенции национальных органов важно раскрытие сути и содержания трансграничности.

Понятие «трансграничный рынок» введено пунктом 1 статьи 74 Договора. Пунктом 2 Критериев дано уточненное определение трансграничного рынка как *товарного рынка, географические границы которого охватывают территории двух и более государств-членов*. Определение географических границ товарного рынка осуществляется на основании пунктов 23-31 Методики оценки состояния конкуренции, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 ноября 2013 года № 7. *Географические границы товарного рынка, таким образом, следуют за товаром, а не привязывают товар к определенной территории*.

При определении трансграничности рынка, следовательно, и разграничении компетенции между Комиссией и уполномоченными органами, в Союзе руководствуются географическими границами товарного рынка, что относится к экономическим категориям и *не зависит от трансграничности правоотношений – наличия трансграничного элемента по субъекту, объекту, локализации юридических фактов*.

Анализ положений права Союза в совокупности дает основания заключить о правовой определенности содержания критерия трансграничности рынка для целей его реализации.

О прекращении расследований неуполномоченным органом

Большая коллегия Суда указала, что Протокол содержит процессуальные гарантии, исключающие возможность проведения одновременного рассмотрения, расследования, привлечения к ответственности Комиссией и уполномоченными органами государства-члена в отношении одних и тех же нарушений. Взаимодействие Комиссии и национальных органов в этой связи регламентировано пунктами 57-60 Протокола.

При этом в абзаце втором пункта 8.3 выводов Большая коллегия заключила: «Порядок прекращения проведения расследований в органах, не обладающих на это компетенцией, определяется разделом VI Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19)».

Однако процедурные правила, закрепленные в Протоколе, не предусматривают *порядок прекращения проведения расследований*.

Что касается действий Комиссии при установлении отсутствия оснований для реализации компетенции, то пунктом 60 Протокола установлено, что решение *о передаче* Комиссией заявления (материалов) *на рассмотрение* уполномоченному органу государства-члена принимается *на любой стадии его рассмотрения*. В пункте 11 Порядка проведения расследования нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 года № 98, установлено, что по результатам расследования принимается одно из определений: *о возбуждении и рассмотрении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, об отказе в возбуждении дела о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, о передаче заявления (материалов) по подведомственности* в уполномоченные органы.

Пункты 58 и 59 Протокола предусматривают только порядок, основания приостановления и *прекращения рассмотрения заявления* (материалов).

Институт прекращения для стадии расследования, таким образом, в Протоколе не предусмотрен, поскольку в нем заложен определенный порядок, подчиненный правовой логике реализации механизмов взаимодействия Комиссии и уполномоченных органов и разграничения их компетенции.

Уполномоченные органы на стадии проведения расследования также обязаны взаимодействовать с Комиссией и исключать одновременное осуществление компетенции с ней.

Согласно пункту 15 Протокола акты, действия (бездействие) уполномоченных органов государств-членов оспариваются в судебных органах государств-членов в соответствии с процессуальным законодательством государств-членов.

Внутренний механизм работы национальных органов регулируется правом государства-члена, что указывает на отсутствие оснований для вывода Большой коллегии, сформулированного в пункте 6.2.

Таким образом, право Союза формулирует определенный алгоритм поведения всех акторов в соответствии с их компетенцией, стадиями выявления и пресечения нарушений.

В своем выводе (пункт 6.2 на странице 9) Большая коллегия распространила действие порядка приостановления и прекращения рассмотрения заявлений (материалов), установленного в пунктах 58 и 59 Протокола, на стадию расследования. Это является нарушением предписаний пункта 102 Статута Суда, поскольку создает фактически новую норму права. Такая позиция не корреспондирует с алгоритмами, заложенными в праве Союза. Кроме того, это вносит неопределенность в терминологию, используемую в Договоре, Протоколах, актах Союза. Терминология же должна быть унифицированной, так как

это есть основа единообразного применения права Союза, обеспечение чего является целью деятельности Суда согласно пункту 2 Статута Суда.

О действии принципа *non bis in idem* в системе права Союза

Заявитель ссылаясь на применение принципа *non bis in idem* в ситуации привлечения к ответственности и национальным органом, и Комиссией.

Большая коллегия Суда указала, что и обращение к принципу *non bis in idem*, и обязанность добросовестного исполнения положений права Союза о разграничении компетенции влекут отмену решения, принятого с нарушением требований Договора о разграничении полномочий между Комиссией и национальными органами.

Разделяя данную позицию, считаю, что в судебном акте не нашло достаточного обоснования и надлежащего раскрытия содержание и основания применения принципа *non bis in idem* в системе права Союза.

В консультативном заключении верно указано, что принцип *non bis in idem* в праве Союза нашел отражение в подпункте «в» пункта 11 Методики расчёта штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 декабря 2012 года № 118, согласно которому при применении штрафных санкций за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках, соблюдается правило, в силу которого правонарушитель не может нести ответственность дважды за одно и то же нарушение.

Данное правило применимо только при применении штрафных санкций Комиссией, в связи с чем необходимо дополнительное обоснование возможности применения принципа для любых ситуаций в праве Союза, в том числе в связи с разграничением компетенции между Комиссией и национальными органами в сфере конкуренции. Оценка правовых оснований применения принципа *non bis in idem* должна исходить прежде всего из пункта 50 Статута Суда.

Указывая, что в силу подпункта 1 пункта 50 Статута Суд при осуществлении правосудия, которое включает и предоставление консультативного заключения, применяет общепризнанные принципы и нормы международного права, Суд не раскрыл, исходя из каких именно общих конституционных традиций государств – членов Союза, а также международных договоров принята позиция, на основании каких доводов Большая коллегия пришла к выводу.

На международно-правовом уровне общепризнанным является принцип, в силу которого никто не может быть дважды привлечен к ответственности за одно и то же деяние (*non bis in idem*). Данный принцип закреплен в пункте 7 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, участниками которого являются все государства – члены Союза, пункте 1 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод

1950 года. Преамбулой Договора о Союзе предусмотрено учреждение Союза на основе безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также с учетом приверженности общепризнанным принципам и нормам международного права.

Соблюдение принципа *non bis in idem* гарантировано конституциями государств-членов (пункт 1 статьи 68 Конституции Республики Армения, пункт 3 статьи 27 Конституции Кыргызской Республики, пункт 3 статьи 77 Конституции Республики Казахстан и пункт 1 статьи 50 Конституции Российской Федерации) и предусмотрено в их законодательстве об уголовной и административной ответственности (пункт 6 статьи 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь, пункт 2 статьи 6 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, пункт 2 статьи 11 Кодекса Кыргызской Республики о нарушениях, пункт 2 статьи 6 Уголовного кодекса Российской Федерации и часть 5 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Исходя из общепринятого значения в национальной и международной нормативной системе, а также особенностей антимонопольного права Союза принцип *non bis in idem* применяется в случае совпадения (идентичности) по субъекту, фактам, в том числе территориальному и временным факторам, в силу чего исключается ответственность одного и того же субъекта в отношении одних и тех же фактов.

Применение данного подхода при пресечении нарушений общих правил конкуренции означает невозможность для лица одновременно быть подвергнутым ответственности за совершение одного и того же деяния решением Комиссии и решением уполномоченного органа государства-члена.

Таким образом, недостаточность аргументации принятой позиции, сформулированных выводов ограничивает правовую определенность, снижает стандарт правовой защиты и отправления правосудия, что считаю недопустимым.

Судья

В.Х. Сейтимова

Резюме
по делу о разъяснении по заявлению
Национальной палаты предпринимателей
Республики Казахстан «Атамекен»
№ СЕ-2-1/2-19-БК

Ключевые слова:

*Общие принципы и правила конкуренции; критерии отнесения рынка к трансграничному; конкуренция на трансграничных рынках; действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта (субъекта рынка); привлечение к ответственности за нарушение общих правил конкуренции; разграничение полномочий Комиссии и уполномоченных органов государств-членов; порядок прекращения расследования о нарушении общих правил конкуренции; исключительная компетенция Комиссии; *non bis in idem*; отмена решений, нарушающих компетенцию.*

Статьи 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе; Критерии отнесения рынка к трансграничному.

Консультативное заключение – особые мнения

Описание

Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» обратилась в Суд с заявлением о разъяснении положений статей 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе (Договор) и пунктов 2, 5 Критериев отнесения рынка к трансграничному (Критерии, утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 г. № 29). Поводом к обращению послужило рассмотрение Национальной палатой вопроса о возможном одновременном нарушении хозяйствующим субъектом национального законодательства Республики Казахстан и права Евразийского экономического союза (Союз) в сфере защиты конкуренции.

Большая коллегия Суда 18 июня 2019 г. предоставила консультативное заключение, в котором указала, что Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) имеет исключительную компетенцию в сфере конкуренции на трансграничных рынках в случае выполнения соответствующих критериев.

Суд установил, что осуществление компетенции ЕЭК и уполномоченными органами государств-членов в отношении одних и тех же нарушений невозможно. В случае если лицо посредством совершения одного действия (бездействия) нарушает как законодательство государства-члена, так и право Союза, причем такое нарушение оказывает или может оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках, то нарушение подлежит пресечению Комиссией и исключает ответственность по национальному законода-

тельству. Рассмотрение ЕЭК дела о нарушении пункта 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке исключает возможность уполномоченного органа государства-члена привлекать к ответственности хозяйствующего субъекта, действия которого нарушают пункт 1 статьи 76 Договора на национальном рынке.

В Консультативном заключении также указывается, что в праве Союза предусмотрены механизмы взаимодействия наднациональных и национальных органов при осуществлении ими контроля за соблюдением общих правил конкуренции.

Большая коллегия Суда пришла к выводу о том, что в случае привлечения к ответственности за нарушение правил конкуренции и наложения санкций на хозяйствующий субъект одновременно решением уполномоченного органа государства-члена и решением ЕЭК, решение, которое нарушает предусмотренную Договором компетенцию, подлежит отмене.

К Консультативному заключению Суда приложены особые мнения судей Т.Н. Нешатаевой и В.Х. Сейтимовой.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда

1. Нарушение запретов, установленных статьей 76 Договора, является основанием для привлечения хозяйствующих субъектов, физических лиц и некоммерческих организаций к ответственности.

Любые действия уполномоченных органов государств-членов в сфере конкуренции должны быть совместимы с правом Союза, а противоречия между положениями права Союза и национальными нормами в сфере конкуренции разрешаются с учетом приоритета права Союза.

(см. абзацы 3, 6 пункта 1 раздела III. «Выводы Суда»)

2. Предусмотренная пунктом 2 статьи 74 Договора и пунктом 8 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19 к Договору, Протокол) обязанность государств-членов применять право Союза при пресечении нарушений общих правил конкуренции на их территории не исключает ситуацию, при которой национальное законодательство содержит нормы, совпадающие с положениями Договора.

Определяющим фактором для установления компетенции ЕЭК или уполномоченного органа государства-члена является географическая характеристика рынка.

Уполномоченные органы государств-членов в сфере конкуренции действуют в пределах территорий соответствующих государств-членов (национальных рынков).

(см. абзацы 3, 4 пункта 2 раздела III. «Выводы Суда»)

3. Норма пункта 2 Критериев носит общий характер и закрепляет понятие трансграничного товарного рынка, применяемое к правоотношениям, урегулированным статьей 76 Договора.

Пункты 3-5 Критериев определяют дополнительные условия по видам запретов, установленных статьей 76 Договора. Пункт 5 Критериев определяет количественно-качественный критерий для целей пресечения нарушений запретов, установленных пунктом 1 статьи 76 Договора, в зависимости от количества субъектов рынка и их доли. Невыполнение условий пункта 5 Критериев означает отсутствие в действиях лица признаков нарушения пункта 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке, что исключает полномочия ЕЭК по пресечению нарушений.

(см. абзац 5 пункта 3, абзацы 1,2,3 пункта 4 раздела III. «Выводы Суда»)

4. В Союзе создана не совместная, а двухуровневая система регионального и национального ведения вопросов конкуренции в зависимости от того, затронуты (или могут быть затронуты) негативным влиянием нарушения общих запретов трансграничные или национальные рынки.

Негативное влияние на трансграничные рынки и одновременно на национальный рынок государства-члена следует рассматривать как единое нарушение на трансграничных рынках.

(см. абзац 1 пункта 5 раздела III. «Выводы Суда»)

5. Осуществление компетенции ЕЭК и уполномоченными органами государств-членов в отношении одних и тех же нарушений одновременно невозможно.

В случае, если посредством совершения одного действия нарушено законодательство государства-члена и пункт 1 статьи 76 Договора, причем такое нарушение оказывает или может оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках, то несоблюдение пункта 1 статьи 76 Договора на трансграничном рынке подлежит пресечению ЕЭК и исключает ответственность по национальному законодательству.

(см. абзац 2 пункта 5 раздела III. «Выводы Суда»)

6. Протокол содержит процессуальные гарантии, исключающие возможность проведения одновременного рассмотрения, расследования, привлечения к ответственности ЕЭК и уполномоченными органами государства-члена в отношении одних и тех же нарушений.

Механизмы взаимодействия наднациональных и национальных органов при осуществлении ими контроля за соблюдением общих правил конкуренции, в том числе по передаче дел по подведомственности в соответствии с установленной компетенцией, направлены на то, чтобы исключить пресечение нарушений общих правил конкуренции органами, не обладающими на это

полномочиями исходя из установленных правом Союза правил разграничения компетенции.

Предусмотренное правом Союза разграничение компетенции и передача заявлений и материалов по подведомственности представляют собой частный случай реализации принципов наделения компетенцией и сотрудничества, представленных нормативно в пункте 2 статьи 8 и абзаце 7 статьи 3 Договора, соответственно.

(см. абзац 1 пункта 6, абзац 4 пункта 6.1, абзац 1 пункта 6.2 раздела III. «Выводы Суда»)

7. Норма пункта 59 Протокола носит императивный характер. В связи с этим прекращение рассмотрения заявления (материалов) при принятии ЕЭК решения о проведении расследования либо о передаче заявления (материалов) по подведомственности в уполномоченные органы иных государств-членов не зависит от усмотрения органа государства-члена.

(см. абзац 3 пункта 6.2 раздела III. «Выводы Суда»)

8. Обращение к принципу non bis in idem и обязанность добросовестного исполнения положений права Союза влекут отмену решения, принятого с нарушением требований Договора о разграничении полномочий между ЕЭК и национальными органами.

В случае привлечения к ответственности хозяйствующего субъекта за нарушение общих правил конкуренции и наложения санкций одновременно решениями уполномоченного органа государства-члена и ЕЭК, отмене подлежит то решение, которое нарушает компетенцию.

(см. абзацы 1 и 5 пункта 7 раздела III. «Выводы Суда»)

Case Summary
on Clarification based on the Application Filed by
the National Chamber of Entrepreneurs of Kazakhstan “Atameken”
№ CE-2-1/2-19-БК

Keywords:

General principles and rules of competition; criteria of transboundary markets; competition on transboundary markets; actions (ommissions) of a dominant economic entity (market participant); liability for violations of general rules of competition; division of competence between Commission and authorized authorities of Member States; order of termination of investigations into violations of general rules of competition; exclusive competence of the Commission; non bis in idem; annulment of decisions taken outside of competence.

Articles 74, 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union; Criteria of Transboundary Markets.

Advisory opinion – dissenting opinions

Substance of the case:

The National Chamber of Entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan “Atameken” applied to the Court of the Eurasian Economic Union to request clarification of the provisions of Articles 74, 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union (the Treaty) and paragraphs 2, 5 of the Criteria of Transboundary Markets (the Criteria, adopted by Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 19 December 2012 № 29). At the time of its application, the National Chamber had before it a case of a potential simultaneous violation by an economic entity of the national legislation of Kazakhstan and the law of the Eurasian Economic Union (the Union) on competition.

The Grand Chamber of the Court delivered an advisory opinion on 18 June 2019, where it resolved that the Eurasian Economic Commission (the EEC) has exclusive competence in enforcing competition rules on transboundary markets in the Union, if relevant criteria are met.

The Court established that the simultaneous exercise of competence by the EEC and the authorized authorities of the Member-States with respect to the same violations is impermissible. If by committing an action (omission) an entity violated both the legislation of a Member State and the law of the Union, and such a violation has or may have an adverse effect on competition in transboundary markets, then it is to be stopped by the EEC and does not entail liability under national legislation. When a violation of paragraph 1 of article 76 of the Treaty is considered by the EEC, this excludes the competence of the authorized authority of a Member-State to

make the economic entity liable for the violation of paragraph 1 of article 76 on the national market.

The advisory opinion refers to the mechanisms established under the law of the Union to ensure co-operation between the national and supranational competition authorities in enforcing the general rules of competition.

The Grand Chamber concluded that in case an economic entity is held liable for a violation of competition rules by way of decisions taken by both an authority in a Member State and the EEC, the decision that was taken outside of competence prescribed by the Treaty should be annulled.

The advisory opinion is accompanied by separate opinions of Judges T. Neshataeva and V. Seitimova.

Legal Findings of the Grand Chamber of the Court:

1. Violation of prohibitions laid down in Article 76 of the Treaty leads to liability of economic entities, natural persons or non-for-profit organizations.

Any action taken by authorized authorities of the Member States in enforcing competition rules should be compatible with the law of the Union, and any conflict between domestic law and Union law should be resolved by ensuring the prevalence of Union law.

(see subparagraphs 3, 6 of paragraph 1, Section III «Court's Findings»)

2. Member States' obligation to apply the law of the Union in enforcing the general competition rules in their territories is stipulated in paragraph 2 of Article 74 of the Treaty and in paragraph 8 of the Protocol on General Principles and Rules of Competition (Protocol, Annex 19). This does not exclude a situation where domestic law contains provisions that are identical to the provisions of the Treaty.

The defining factor in establishing whether competence to enforce competition rules belongs to the EEC or to an authorized authority of a Member State is the geographical aspect of the relevant market.

Authorized authorities of the Member States act within the limits of the territories of such Member States (domestic markets).

(see subparagraphs 3, 4 of paragraph 2, Section III «Court's Findings»)

3. Paragraph 2 of the Criteria contains a norm of a general character and establishes the definition of a transboundary market as applied to relationships governed by Article 76 of the Treaty.

Paragraphs 3-5 of the Criteria establish additional conditions which are specific to particular prohibitions laid down in Article 76 of the Treaty. Paragraph 5 of the Criteria establishes a quantitative-qualitative criterion for the purpose of enforcing the prohibition laid down in paragraph 1 of Article 76 of the Treaty, which depends on the number of market participants and their shares in the relevant market. If the conditions of paragraph 5 of the Criteria are not fulfilled, then there is no suspected

violation by an entity of paragraph 1 of Article 76 of the Treaty in a transboundary market, and that excludes the EEC's competence in enforcing the rules.

(see subparagraph 5 of paragraph 3, subparagraphs 1,2,3 of paragraph 4, Section III. «Court's Findings»)

4. The Union has a two-level (not a shared) system of regional/national jurisdiction in competition law matters, which depends on the nature of the markets affected (or potentially affected) by a violation of the general prohibitions, i.e. on whether the affected market is transboundary or domestic.

Any negative effect caused simultaneously in a domestic and a transboundary market should be viewed as a single violation on a transboundary market.

(see subparagraph 1 of paragraph 5, Section III. «Court's Findings»)

5. The simultaneous exercise of competence by the EEC and authorized authorities of the Member States with respect to the same violations is impermissible.

When a single action violates both the domestic law of a Member State and paragraph 1 of Article 76 of the Treaty, and such a violation has or may have an adverse effect on competition in transboundary markets, then the violation of paragraph 1 of Article 76 of the Treaty on a transboundary market is to be stopped by the EEC, and this excludes any liability under domestic law.

(see subparagraph 2 of paragraph 5, Section III. «Court's Findings»)

6. The Protocol contains procedural guarantees that exclude the possibility of the EEC and authorized authorities of the Member States simultaneously examining, investigating or imposing penalties with respect to the same violations.

The mechanisms of co-operation between the national and supranational authorities in controlling compliance with the general rules of competition, including when materials are referred to the authorized authorities of the Member States with appropriate jurisdiction, consistent with the prescribed competence, have the aim of excluding the exercise of powers by authorities which are not authorized to act in accordance with the division of competence established by the law of the Union.

The division of competence and the ability of authorities to refer materials to other authorities with appropriate jurisdiction are particular situations where the principles of vesting with competition and co-operation, as normatively established in paragraph 2 of Article 8 and paragraph 7 of Article 3 of the Treaty, are applied.

(see subparagraph 1 of paragraph 6, subparagraph 4 of paragraph 6.1, subparagraph 1 of paragraph 6.2, Section III. «Court's Findings»)

7. Paragraph 59 of the Protocol contains an imperative norm. In this regard, the decision to terminate the review of statements (materials), where the EEC has taken a decision to initiate an investigation or to refer the statements (materials) to another

authority with appropriate jurisdiction, does not depend on any discretion of the authorized authority of the Member State.

(see subparagraph 3 of paragraph 6.2, Section III. «Court's Findings»)

8. The application of the *ne bis in idem* principle and the obligation to apply the law of the Union in good faith provide for the annulment of an act which was taken contrary to the requirements of the Treaty with respect to the division of competence between the EEC and national authorities.

Where an entity is held liable for a violation of general rules of competition, and a penalty is imposed by both decisions of an authorized authority of a Member States and the EEC, the decision that is taken outside of competence prescribed by the Treaty should be annulled.

(see subparagraphs 1, 5 of paragraph 7, Section III. «Court's Findings»)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

15 апреля 2019 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Назаровой Б., рассмотрела в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Исследовав заявление и прилагаемые к нему документы, заслушав судью-докладчика Скрипкину Г.А., Большая коллегия Евразийского экономического союза

УСТАНОВИЛА:

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд с заявлением о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (далее – Протокол).

Заявитель указывает, что в пункте 1 Протокола установлено, что этим документом определяется порядок зачисления и распределения между государствами-членами сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года.

Согласно пункту 3 раздела II Протокола суммы ввозных таможенных пошлин подлежат зачислению в национальной валюте на единый счет уполномоченного органа того государства – члена Союза, в котором они подлежат уплате в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актам, составляющими право Союза, в том числе при взыскании ввозных таможенных пошлин.

По итогам проведения проверки соблюдения уполномоченными органами государств – членов Союза положений Протокола Комиссией получена ин-

формация о том, что в 2016 году в Республике Армения и Кыргызской Республике ввозные таможенные пошлины (пени) в отношении товаров, ввезенных после 1 сентября 2010 года, но до присоединения указанных стран к Союзу, не распределялись между бюджетами государств – членов Союза.

При этом ввозные таможенные пошлины в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации в отношении товаров, ввезенных после 1 сентября 2010 года и до присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики, зачисленные на единые счета после присоединения указанных стран, распределяются между бюджетами всех государств – членов Союза.

Комиссия полагает, что Договором о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанным 23 декабря 2014 года, а также Договором о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанным 10 октября 2014 года, определены даты начала применения этими государствами – членами Союза Протокола (1 октября 2015 года и 1 февраля 2015 года соответственно). При этом, как указывает заявитель, отдельных оговорок о неприменении отдельных положений Протокола либо о применении его положений с изъятиями договоры о присоединении не содержат.

Учитывая вышеизложенное, Комиссия просит Суд дать консультативное заключение по применению положений пункта 1 Протокола в части порядка зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, поступивших на счета после присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики к Союзу, обязанность по уплате которых возникла:

Для Республики Армения – в период с 1 сентября 2010 года и до 1 февраля 2015 года;

Для Кыргызской Республики – в период с 1 сентября 2010 года и до 1 октября 2015 года.

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд по заявлению органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Согласно пункту 1 статьи 8 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) Комиссия является одним из органов Союза и, следовательно, имеет право на обращение в Суд с заявлением о разъяснении положений Договора.

Заявитель просит разъяснить положения пункта 1 Протокола, являющегося приложением № 5 к Договору, то есть его неотъемлемой частью.

Разъяснение данных норм относится к компетенции Суда согласно пункту 46 Статута Суда.

Заявление Комиссии о разъяснении и прилагаемые к нему документы соответствуют требованиям статьи 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Заявление подписано Председателем Коллегии Комиссии, то есть лицом, указанным в подпункте в) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда. Полномочия Председателя Коллегии Комиссии подтверждаются решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 года № 24 «О Председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии».

По вопросу, указанному в заявлении Комиссии, по тем же основаниям и обстоятельствам, консультативное заключение Судом ранее не предоставлялось.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 73-75, 95 Статута Суда, статьями 10, 73-74 Регламента Суда, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года), принять к производству.

Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 10 часов 00 минут 17 июня 2019 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить заявителю.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н.Баишев

Судьи

А.М.Ажибраимова

Э.В.Айриян

Д.Г.Колос

Т.Н.Нешатаева

В.Х.Сейтимова

Г.А.Скрипкина

А.Э.Туманян

А.А.Федорцов

К.Л.Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

16 октября 2019 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Адереико А.Н., заслушав судью-докладчика, исследовав материалы дела, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза, предоставляет следующее консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд с заявлением о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (далее – Протокол).

Заявитель указывает, что в пункте 1 Протокола установлено, что этим документом определяется порядок зачисления и распределения между государствами-членами сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года.

Согласно пункту 3 раздела II Протокола суммы ввозных таможенных пошлин подлежат зачислению в национальной валюте на единый счет уполномоченного органа того государства-члена Союза, в котором они подлежат уплате в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актам, составляющими право Союза, в том числе при взыскании ввозных таможенных пошлин.

По итогам проведения проверки соблюдения уполномоченными органами государств-членов Союза положений Протокола Комиссией получена информация о том, что в 2016 году в Республике Армения и Кыргызской Республике (далее – государства, присоединившиеся к Союзу) ввозные таможенные пошлины (пени) в отношении товаров, ввезенных после 1 сентября 2010 года, но до присоединения указанных стран к Союзу, не распределялись между бюджетами государств-членов Союза.

При этом ввозные таможенные пошлины в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации (далее – государства-учредители) в отношении товаров, ввезенных после 1 сентября 2010 года и до присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики, зачисленные на единые счета после присоединения указанных стран, распределяются между бюджетами всех государств-членов Союза.

По мнению государств, присоединившихся к Союзу, суммы ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых возникла при ввозе товаров на таможенную территорию Республики Армения и Кыргызской Республики до даты их присоединения к Союзу, не подлежат распределению между бюджетами других государств – членов Союза независимо от сроков уплаты, так как в рассматриваемый период товары ввозились не на таможенную территорию Союза, а на таможенные территории государств, присоединившихся к Союзу. Соответственно, ввозные таможенные пошлины, обязанность по уплате которых возникла до присоединения этих стран к Союзу, нельзя рассматривать как ввозные таможенные пошлины в терминах Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе) и Протокола.

При этом договоры о присоединении Республики Армения и Кыргызской Республики к Союзу, а также Протокол не содержат особенностей зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин, уплаченных в государствах-учредителях, обязанность по уплате которых возникла в период с 1 сентября 2010 года и до присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики к Союзу.

Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация считают, что распределение указанных сумм ввозных таможенных пошлин, уплаченных после присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики к Союзу, должно производиться между бюджетами всех пяти государств – членов Союза, как это происходит в отношении сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых возникла у лиц, ответственных за их уплату в государствах-учредителях, до присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики к Союзу и уплаченных после указанного присоединения.

Комиссия полагает, что Договором о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

подписанным 23 декабря 2014 года (далее – Договор о присоединении Кыргызской Республики), а также Договором о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанным 10 октября 2014 года (далее – Договор о присоединении Республики Армения), определены даты начала применения этими государствами-членами Союза Протокола (1 октября 2015 года и 1 февраля 2015 года соответственно). При этом, как указывает заявитель, отдельных оговорок о неприменении отдельных положений Протокола либо о применении его положений с изъятиями договоры о присоединении не содержат.

Учитывая изложенное, Комиссия просит Суд дать консультативное заключение по применению положений пункта 1 Протокола в части порядка зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, поступивших на счета после присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики к Союзу, обязанность по уплате которых возникла:

Для Республики Армения – в период с 1 сентября 2010 года и до 1 февраля 2015 года;

Для Кыргызской Республики – в период с 1 сентября 2010 года и до 1 октября 2015 года.

II. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденным решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Пункт 73 Статута Суда предусматривает, что Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

Предметная и субъектная юрисдикция Суда в отношении вынесения испрашиваемого заявителем консультативного заключения установлена на основании положений Статута Суда и Регламента Суда в постановлении Большой коллегии Суда от 15 апреля 2019 года о принятии к производству заявления Комиссии.

В рамках подготовки дела к рассмотрению Судом в порядке пункта 55 Статута направлялись запросы в органы государств – членов Союза и научные учреждения, запрошены дополнительные документы и материалы, касающиеся испрашиваемого разъяснения в Комиссии.

Получены и исследованы Судом ответы на запросы от Министерства юстиции, Аудиторской палаты Республики Армения; от Министерства юстиции, Министерства экономики, Министерства финансов Республики Беларусь; от Министерства юстиции, Министерства финансов Республики Казахстан; от Министерства юстиции, Счетной палаты, Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики; от Министерства юстиции

Российской Федерации; Ереванского государственного университета, Государственного института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, Института экономики имени академика Д.А.Алышбаева Национальной Академии Наук Кыргызской Республики. Комиссией представлены дополнительные документы и материалы.

III. Выводы Суда

Согласно пункту 46 Статута Суда Суд по заявлению органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

В соответствии с пунктом 50 Статута Суда при осуществлении правосудия Суд применяет общепризнанные принципы и нормы международного права и дает толкование норм права Союза с учетом положений Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская конвенция), участниками которой являются все государства-члены Союза.

Согласно статье 31 данной Конвенции международный договор толкуется добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора, учитывая его текст, преамбулу и приложения. Наряду с контекстом учитываются, в том числе, любое последующее соглашение между участниками относительно применения положений этого договора, последующая практика его применения и соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками.

1. В соответствии со статьей 26 Договора о Союзе уплаченные (взысканные) ввозные таможенные пошлины подлежат зачислению и распределению между бюджетами государств-членов.

Зачисление и распределение сумм ввозных таможенных пошлин, их перечисление в доход бюджетов государств-членов осуществляются в порядке, установленном Протоколом.

Протокол определяет механизм зачисления и распределения между государствами-членами сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года.

Применяя метод исторического толкования, Большая коллегия Суда пришла к выводу, что определение даты 1 сентября 2010 года, как начала зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин на территории Союза, обусловлено преемственностью правовой базы Таможенного союза, в частности, фактом вступления в силу с указанной даты Соглашения об установлении и применении в Таможенном союзе порядка зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин от 20 мая 2010 года (далее – Соглашение от 20 мая

2010 года), подписанного Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией.

Анализ статьи 2 Договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 года свидетельствует, что формированию таможенного союза предшествовало установление единого таможенного тарифа, а также определение порядка зачисления и распределения таможенных пошлин, иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие. По этой причине принятие Соглашения о едином таможенно-тарифном регулировании от 25 января 2008 года, действовавшего до вступления в силу Протокола о едином таможенно-тарифном регулировании, являющегося приложением № 6 к Договору о Союзе, равно как и принятие Соглашения об установлении и применении в Таможенном союзе порядка зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), действовавшего до вступления в силу Протокола, являлись одним из этапов формирования договорно-правовой базы Таможенного союза.

Соглашение от 20 мая 2010 года определяло порядок зачисления и распределения между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых возникла в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза.

Анализ нормативно-правовой базы Таможенного союза позволяет Большой коллегии Суда заключить, что с формированием Таможенного союза Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация приняли на себя международно-правовые обязательства по применению с 1 сентября 2010 года единого таможенно-тарифного регулирования при исчислении ввозных таможенных пошлин, а также их распределения между бюджетами данных государств.

Статья 99 Договора о Союзе, регулирующая переходные положения Таможенного союза, предусматривает преемственность системы права при развитии евразийского экономического интеграционного процесса от Таможенного союза и Единого экономического пространства к Евразийскому экономическому союзу.

Указание в пункте 1 Протокола на действие установленного им порядка зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых возникла с 1 сентября 2010 года, призвано обеспечить преемственность правового регулирования Союза по отношению к Таможенному союзу, но не устанавливает общее правило о ретроактивном действии статьи 26 Договора в отношении государств, присоединившихся к Союзу после 1 января 2015 года.

2. Из Преамбулы Договора о Союзе следует, что государствами-учредителями Союза являются Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, в отношении которых Договор вступил в силу 1 января 2015 года.

3. В соответствии со статьей 1 Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года Республика Армения присоединилась к Договору о Союзе а также другим заключенным в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства международным договорам, входящим в право Союза по соответствующему перечню, и с даты вступления в силу Договора о присоединении становится членом Евразийского экономического союза. Порядок вступления Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года определен статьей 6 Договора о присоединении. Договор о присоединении Республики Армения вступил в силу 2 января 2015 года.

Согласно пункту 2 Приложения № 3 к Договору о присоединении Республики Армения для данного государства Протокол подлежит применению с 1-го числа месяца, следующего за месяцем вступления в силу Договора о присоединении, то есть с 1 февраля 2015 года.

4. Актом, определяющим договоренности Сторон по условиям присоединения Кыргызской Республики к Союзу является Договор о ее присоединении, который вступил в силу 12 августа 2015 года.

В соответствии с пунктом 2 статьи 8 Договора о присоединении Кыргызской Республики Протокол применяется с 1-го числа второго месяца, следующего за месяцем начала применения Кыргызской Республикой Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза (далее – Единый таможенный тариф Союза).

Абзацем 2 статьи 3 Договора о присоединении определено, что началом применения Кыргызской Республикой Единого таможенного тарифа Союза является дата принятия Высшим Евразийским экономическим советом решения об отмене таможенного контроля товаров и транспортных средств, перемещаемых через кыргызско-казахстанский участок государственной границы. Такое решение принято Высшим Евразийским экономическим советом 8 мая 2015 года за № 5 и вступило в силу с даты вступления в силу Договора о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Союзе, то есть 12 августа 2015 года.

Таким образом, дата начала применения Протокола Кыргызской Республикой определена как 1 октября 2015 года.

5. После присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики к Договору о Союзе, Протокол как неотъемлемая часть Договора стал юридически обязательным в отношениях между государствами-учредителями Союза

и Республикой Армения с 1 февраля 2015 года, а в отношениях Кыргызской Республики с другими государствами-членами Союза, включая Республику Армения, – с 1 октября 2015 года.

Акты о присоединении к Союзу Республики Армения и Кыргызской Республики определяют даты начала применения Протокола в отношении данных государств и в них не указано на распространение Протокола на отношения, возникшие до соответствующих дат. Это позволяет Большой коллегии Суда считать, что Протокол и установленный им порядок зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин применялся лишь в отношениях между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией.

Данный вывод согласуется со статьей 34 Венской конвенции, согласно которой договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия. Учитывая, что Республика Армения и Кыргызская Республика до присоединения к Союзу и начала применения ими Протокола являлись по отношению к Союзу третьими государствами, Протокол не возлагает на них обязательства в виде распределения в пользу других государств-членов таможенных пошлин, подлежащих уплате при перемещении товаров на их таможенные территории.

6. Контекстное толкование статьи 26 Договора о Союзе и пункта 1 Протокола позволяет Большой коллегии Суда сделать вывод, что уплата ввозных таможенных пошлин в отношении перемещаемых на таможенную территорию Союза товаров является юридическим фактом, с которым связано возникновение обязательств по зачислению и распределению сумм ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств – членов Союза.

Исходя из фактических обстоятельств, послуживших основанием для обращения Комиссии с заявлением о разъяснении, а также из буквального толкования пункта 1 Протокола, Большая коллегия Суда считает необходимым в рамках настоящего консультативного заключения проанализировать положения норм права Союза, регламентирующих таможенные правоотношения.

7. Под ввозной таможенной пошлиной, согласно пункту 2 статьи 25 Договора о Союзе, понимается обязательный платеж, взимаемый таможенными органами государств-членов в связи с ввозом товаров на таможенную территорию Союза.

Подпунктом 3 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – Таможенный кодекс Союза) под ввозом товаров на таможенную территорию Союза определено совершение действий, которые связаны с пересечением таможенной границы Союза, в результате которых товары прибыли на таможенную территорию Союза любым способом. В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Таможенного кодекса Союза его таможенную территорию составляют территории государств-членов, а также находящиеся за их пределами искусственные острова, сооружения, установки и иные объ-

екты, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией.

Пунктами 1 и 2 статьи 53 Таможенного кодекса Союза установлено, что для исчисления ввозных таможенных пошлин применяются ставки Единого таможенного тарифа Союза, действующие на день регистрации таможенным органом таможенной декларации.

Взаимосвязанное толкование перечисленных правовых норм свидетельствует, что ввозная таможенная пошлина в значении права Союза уплачивается по ставкам Единого таможенного тарифа Союза и только в случае пересечения товарами таможенной границы Союза и прибытия на территорию его государств-членов.

Позицию о неразрывной связи распределения ввозных таможенных пошлин и ввоза товаров именно на таможенную территорию Союза подтверждает и уяснение места статьи 26 «Зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин» в разделе VI «Функционирование таможенного Союза» Договора.

Анализ статьи 25 Договора, закрепляющей принципы, на основе которых действует таможенный союз, свидетельствует, что распределению ввозных таможенных пошлин сопутствует функционирование внутреннего рынка товаров и их свободное перемещение между территориями государств-членов. Свобода перемещения товаров обеспечивается, в том числе уплатой ввозных таможенных пошлин по ставкам Единого таможенного тарифа Союза при их ввозе на таможенную территорию Союза.

Частью 1 пункта 3 Протокола предусмотрено, что суммы ввозных таможенных пошлин зачисляются в национальной валюте на единый счет уполномоченного органа того государства-члена, в котором они подлежат уплате в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, в том числе при взыскании ввозных таможенных пошлин. Буквальное толкование данной правовой нормы свидетельствует, что распределению подлежат лишь те ввозные таможенные пошлины, которые уплачены и взысканы в соответствии с правом Союза.

8. Системное толкование пункта 2 статьи 25 Договора о Союзе, пунктов 1 и 3 Протокола, статьи 1 Договора о присоединении Республики Армения, пункта 2 Приложения № 3 к данному Договору, статьи 1 и пункта 2 статьи 8 Договора о присоединении Кыргызской Республики, подпункта 3 пункта 1 статьи 2, пункта 1 статьи 5, пунктов 1 и 2 статьи 53 Таможенного кодекса Союза позволяет Большой коллегии Суда прийти к выводу, что порядок зачисления и распределения между государствами – членами Союза сумм ввозных таможенных пошлин, установленный Протоколом, применяется при одновременном соблюдении следующих условий:

ввозные таможенные пошлины начислены за товары, ввозимые (ввезенные) на таможенную территорию Союза (таможенного союза);

суммы соответствующих таможенных пошлин подлежат уплате по ставкам Единого таможенного тарифа Союза, обязанность по уплате которых возникла в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза: для стран, учредивших Евразийский экономический союз, с 1 сентября 2010 года; для государств, присоединившихся к Союзу, с 1 февраля 2015 года для Республики Армения, с 1 октября 2015 года для Кыргызской Республики.

9. Договоры о присоединении Республики Армения и Кыргызской Республики являются актами, определяющими условия присоединения данных государств к Союзу.

В Договорах о присоединении и приложениях к ним отсутствуют ссылки на Соглашение от 20 мая 2010 года, которое действовало для государств-учредителей Союза с 1 сентября 2010 года, что исключает распространение на государства, присоединившиеся к Союзу, обязанности по распределению ввозных таможенных пошлин, уплаченных после начала применения указанного Соглашения и до начала применения ими Протокола.

10. Большая коллегия Суда, не осуществляя толкование законодательства государств-членов Союза, а рассматривая его в качестве фактического обстоятельства, констатирует, что в рассматриваемые временные периоды (для Республики Армения – в период с 1 сентября 2010 года и до 2 января 2015 года; для Кыргызской Республики – в период с 1 сентября 2010 года и до 12 августа 2015 года) действовали национальные нормативные правовые акты, регулирующие таможенные правоотношения, соответственно Таможенный кодекс Республики Армения и Таможенный кодекс Кыргызской Республики, по правилам которых товары перемещались на таможенные территории данных государств, производилось их таможенное оформление, начисление ввозных таможенных пошлин по ставкам национальных таможенных тарифов и их уплата в национальные бюджеты.

Статья 5 Таможенного кодекса Республики Армения от 9 августа 2000 года, утратившего силу со 2 января 2015 года, определяла, что таможенная территория Республики Армения включает сухопутную, водную и воздушную территорию, пограничные линии которых считаются таможенной границей Республики Армения.

Статья 2 действовавшего до дня вступления в силу Договора о присоединении Кыргызской Республики Таможенного кодекса Кыргызской Республики от 12 июля 2004 года устанавливала, что территория Кыргызской Республики составляет единую таможенную территорию, включая сухопутную территорию и воздушное пространство над ней, в пределах которой Кыргызская Республика обладает исключительной юрисдикцией относительно таможенного дела. Пределы таможенной территории являются ее таможенной границей.

Учитывая вышеизложенное, а также положения Договоров о присоединении Республики Армения и Кыргызской Республики, таможенные территории указанных государств вошли в состав таможенной территории Союза с момента вступления в силу соответствующих договоров о присоединении к Союзу.

11. Исходя из основной цели деятельности Суда по обеспечению единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза, Большая коллегия Суда приходит к следующему выводу:

Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) определяет порядок зачисления и распределения между государствами-учредителями Евразийского экономического союза сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года, а для присоединившихся к Договору о Евразийском экономическом союзе государств: для Республики Армения – с 1 февраля 2015 года, для Кыргызской Республики – с 1 октября 2015 года.

IV. Заключительные положения

Копию настоящего консультативного заключения направить заявителю.

Текст консультативного заключения опубликовать на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

Ж.Н.Баишев

Судьи

А.М.Ажибраимова

Э.В.Айриян

Д.Г.Колос

Т.Н.Нешатаева

В.Х.Сейтимова

Г.А.Скрипкина

А.Э.Туманян

А.А.Федорцов

К.Л.Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-2/3-19-БК)

город Минск

16 октября 2019 года

Соглашаясь с выводом резолютивной части консультативного заключения, не могу поддержать его обоснование, изложенное в мотивировочной части.

Полагаю невозможным констатацию отсутствия обязанности по зачислению и распределению таможенных пошлин без учета подходов, сформированных в праве международных организаций, и в порядке пункта 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение.

Спорный вопрос связан с тем обстоятельством, что Республика Армения и Кыргызская Республика, присоединившиеся к Евразийскому экономическому союзу (далее – ЕАЭС, Союз) в 2015 году и взявшие на себя обязательства зачислять таможенные пошлины на единый счет, не произвели необходимых отчислений в 2016 и 2017 годах, ссылаясь на то, что спорные пошлины относятся к товарам, ввезенным на территорию этих стран до их присоединения к Союзу, но были уплачены после присоединения.

Как указано в заявлении Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК), ввозные таможенные пошлины в государствах-учредителях (Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации), зачисленные на единые счета после присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики, были распределены между бюджетами всех государств – членов Союза, в том числе присоединившихся – Республики Армения и Кыргызской Республики. В то время как Республика Армения и Кыргызская Республика не исполнили обязанность, вытекающую из статьи 26 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), объясняя это тем, что их хозяйствующие субъекты уплатили таможенные пошлины за товары, ввезенные до присоединения этих государств к Союзу, после присоединения. Иными словами, уплаченные пошлины не были распределены между бюджетами государств-членов, как того требует статья 26 Договора, а остались в национальных бюджетах Республики Армения и Кыргызской Республики, тогда как государства-учредители распределяли пошлины на все пять государств – членов Союза.

Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 16 октября 2019 года (дело № СЕ-2-2/3-19-БК)

1. В силу пункта 2 статьи 1 Договора Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Указанная норма свидетельствует о том, что в силу пункта 2 статьи 1 Договора государства – члены Союза согласились, что Союз является по своей природе международной организацией, поэтому Суду Евразийского экономического союза (далее – Суд) следовало оценить, предполагает ли создание Союза исключительно наличие прав или также и существование обязанностей государств-членов по отношению к международной организации и друг к другу.

Кроме того, согласно абзацу седьмому статьи 3 Договора государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза.

В этой связи отмечаю, что право международных организаций исходит из того, что при учреждении международной организации или вступлении в нее государство-член приобретает не только права, но также и обязанности, как по отношению к этой организации (среди прочего, по вопросам финансирования ее деятельности), так и к другим государствам – членам данной организации.

При этом по вопросам внутреннего функционирования организации в объем обязанностей включается следующее: во-первых, участие в работе ее органов путем направления своих представителей; во-вторых, участие в формировании ее бюджета; в-третьих, исполнение обязанностей, вытекающих из учредительных договоров. В объем прав входит: во-первых, участие представителей в работе органов организации; во-вторых, право голоса в ходе работы органов; в-третьих, реализация прав, гарантированных учредительными договорами.

2. Согласно пункту 1 статьи 1 Договора в рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

Механизмом реализации свободы движения товаров является таможенный союз, в рамках которого в силу подпункта 4) пункта 1 статьи 25 Договора осуществляется единое таможенное регулирование.

Ввиду этого Договор содержит универсальное для всех государств-членов правило касательно зачисления и распределения между их бюджетами уплаченных (взысканных) ввозных таможенных пошлин: согласно статье 26 Договора уплаченные (взысканные) ввозные таможенные пошлины подлежат зачислению и распределению между бюджетами государств-членов.

Согласно абзацу второму статьи 26 Договора зачисление и распределение сумм ввозных таможенных пошлин, их перечисление в доход бюджетов государств-членов осуществляются в порядке согласно приложению № 5 к Договору.

Приложением № 5 к Договору является Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (далее – Протокол). Пункт 1 Протокола гласит, что он разработан в соответствии со статьей 26 Договора о Евразийском экономическом союзе и определяет порядок зачисления и распределения между государствами-членами сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года.

Следовательно, статья 26 Договора устанавливает обязанность государств-членов по зачислению и распределению уплаченных (взысканных) ввозных таможенных пошлин, а Протокол определяет порядок исполнения этой обязанности. Как процессуальная норма, «разработанная в соответствии со статьей 26 Договора», он не может вводить дополнительных условий для применения материальной нормы указанной статьи и должен толковаться на основе и в целях статьи 26 Договора. Таким образом, дата, которая указана в пункте 1 Протокола, может указывать только момент, с которого начинается применение положений статьи 26 Договора для государств – учредителей Союза. В отношении государств, присоединившихся к Союзу позже, такая дата закрепляется в договоре о присоединении, что верно отражено в резолютивной части консультативного заключения.

В статье 26 Договора обязанность государств-членов по зачислению и распределению уплаченных (взысканных) сумм ввозных таможенных пошлин является безусловной и не ставится в зависимость от какого-либо иного факта, кроме уплаты (взыскания) пошлины. То есть все члены Союза с определенной даты открыто показывают поступление средств, а затем распределяют их по национальным бюджетам в соответствии с согласованными процентами отчислений.

3. Сравнение формулировок статьи 26 Договора и пункта 1 Протокола показывает, что в статье 26 Договора говорится об обязанности государств-членов по зачислению и распределению уплаченных пошлин (бюджетные отношения), тогда как в Протоколе – о порядке зачисления средств. Иными словами, статья 26 Договора закрепляет обязанности государства-члена перед организацией – бюджетные отношения, а Протокол – порядок реализации этих отношений.

Таким образом, в резолютивной части консультативного заключения абсолютно верно речь идет только об обязательствах государств – членов Союза и эти обязательства отделены от обязанностей хозяйствующих субъектов в таможенных отношениях. Однако в мотивировочной части консультативного заключения данное обстоятельство не учтено. Проанализированы таможенные правоотношения хозяйствующих субъектов, на основе чего был сделан вывод о том, что статья 26 Договора начинает действовать лишь при совокупности условий, включающих ввоз товара, ставку таможенного тарифа, оплату пошлины. Все эти условия относятся к хозяйствующим субъектам и не имеют отношения к выполнению обязательств государств по статье 26 Договора. То есть судебным толкованием статья 26 Договора отягощена условиями, которые в ней отсутствуют.

Кроме того, Большая коллегия Суда подкрепила эти аргументы ссылками на национальное право Республики Армения и Кыргызской Республики, что нарушает статью 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (далее – Венская конвенция), согласно которой участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора.

Между тем в Договоре нет материально-правовых норм, содержащих изъятия из статьи 26 Договора касательно уплаченных (взысканных) ввозных таможенных пошлин.

При этом не учитывается, что обязанности хозяйствующих субъектов не относятся к подлежащему разъяснению вопросу Комиссии об обязанностях государств-членов. Однако отметим, что отсрочка уплаты пошлины, согласно наднациональной норме, не может составлять более шести месяцев (пункт 2 статьи 448 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза; ранее – статья 9 Соглашения об основаниях, условиях и порядке изменения сроков уплаты таможенных пошлин от 21 мая 2010 года). Иных причин несвоевременной уплаты не предусмотрено и, следовательно, фактические обстоятельства, существовавшие в государстве, не должны влиять на исполнение договора.

Как было указано выше, государства – члены Союза как международной организации несут обязанности перед Союзом и другими государствами-членами. В данном случае – по зачислению и распределению уплаченных (взысканных) таможенных пошлин с момента присоединения к организации. При этом хозяйствующие субъекты несут обязанности по уплате таможенных пошлин перед государством, таможенным органом которого производится выпуск импортируемых товаров. Неисполнение или задержка исполнения хозяйствующими субъектами своих обязанностей не может служить основанием для неисполнения обязанностей государств в рамках международной организации. Подмена понятия «обязанность хозяйствующего субъекта в таможенных правоотношениях» на «обязанность государства в межбюджетных

отношениях» является способом создания нового барьера на пути к созданию единого Союза – субъекта международного права.

4. Республика Армения присоединилась к Союзу согласно Договору о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанному 10 октября 2014 года (далее – Договор о присоединении Республики Армения). Этот договор вступил в силу 2 января 2015 года.

Согласно пункту 2 приложения № 3 к Договору о присоединении Республики Армения, Протокол применяется Республикой Армения с первого числа месяца, следующего за месяцем вступления в силу Договора о присоединении Республики Армения, то есть с 1 февраля 2015 года.

Кыргызская Республика присоединилась к Союзу согласно Договору о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанному 23 декабря 2014 года (далее – Договор о присоединении Кыргызской Республики), который вступил в силу 12 августа 2015 года.

В соответствии с пунктом 2 статьи 8 Договора о присоединении Кыргызской Республики, Протокол применяется Кыргызской Республикой с первого числа второго месяца, следующего за месяцем начала применения Кыргызской Республикой Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза. Таким образом, дата начала применения Протокола Кыргызской Республикой – 1 октября 2015 года.

Следовательно, указанным государствам после их присоединения к Союзу назначен период для подготовки к распределению ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств-членов: для Республики Армения – со 2 января 2015 года до 1 февраля 2015 года, а для Кыргызской Республики – с 12 августа 2015 года по 1 октября 2015 года. В то же время договоры о присоединении не предусматривают никаких иных условий для невыполнения требований статьи 26 Договора, кроме выделения этого льготного периода. При этом следует учитывать и статью 117 Договора, которая не допускает никаких оговорок к Договору, что предполагает невозможность создания иных льготных условий для какой-либо из стран вне согласования воль государств-членов в договорном порядке. Последнее означает, что Суд не может создавать новые условия для невыполнения статьи 26 Договора.

Статья 26 «*Pacta sunt servanda*» Венской конвенции гласит: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно соблюдаться».

Под «добросовестным соблюдением» следует понимать такое поведение стороны договора, которое, во-первых, не нарушает права и интересы других сторон и, во-вторых, соответствует целям, для достижения которых договор

был заключен (см.: Комиссия международного права ООН. Семидесятая сессия. Третий доклад об императивных нормах общего международного права (*jus cogens*), подготовленный специальным докладчиком Дире Глади).

В соответствии с названным общепризнанным принципом международного права зачисление поступивших пошлин на единый счет является основополагающей обязанностью государств – членов ЕАЭС с момента, указанного в договорах о присоединении.

Иное прочтение статьи 26 Договора со ссылкой на порядок ее применения позволяет присоединившимся государствам воспользоваться привилегиями евразийской интеграции без исполнения своих международных обязательств, используя при этом ссылки на национальное право и особенности фактического состояния таможенных отношений. То есть при таком толковании будет нарушен общий принцип права, согласно которому никто не может получать преимуществ из своего недобросовестного поведения. Иными словами, после присоединения новые государства – члены Союза все ввозные таможенные пошлины должны распределять между бюджетами государств-членов. Удержание каких-либо средств со ссылками на национальное право (в том числе на национальный таможенный тариф) и будет являться недобросовестным преимуществом.

Кроме того, применение процессуальных положений Протокола без учета материальной нормы Договора приводит к тому, что, во-первых, нарушаются права и интересы государств-учредителей, а также присоединившихся государств (формируют недостаточность администрирования таможенных отношений, создают основу для сговора, коррупции и т.д.) и, во-вторых, нарушается цель Договора о Союзе – совместное открытое распределение доходов между государствами-членами, что не может считаться добросовестным исполнением обязательств по Договору, соответствующим его целям, так как нарушает баланс интересов государств-членов; в-третьих, такое толкование создает волюнтаристское изъятие из общего права Союза, позволяющее новым членам Союза не исполнять свои обязательства вне условий договоров о присоединении.

Итак, взаимосвязанное прочтение положений Договора о Союзе и Договоров о присоединении Республики Армения и Кыргызской Республики позволяет сделать вывод, что обязанность зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин, предусмотренная статьей 26 Договора, возникает у присоединившихся государств с даты присоединения к Протоколу. Иных особенностей применения данными государствами статьи 26 Договора не установлено. Создание таких особенностей судебным толкованием противоречит принципу *Pacta sunt servanda*, равно как и тем принципиальным положениям, которые положены в основу Евразийского экономического союза.

Вывод

1. Для Республики Армения и Кыргызской Республики как государств, не являвшихся членами Таможенного союза, отсутствует обязанность, предусмотренная ранее действовавшими соглашениями, по зачислению и распределению сумм ввозных таможенных пошлин и, следовательно, пункт 1 Протокола не применяется к суммам ввозных таможенных пошлин, уплаченных (взысканных):

для Республики Армения – в период с 1 сентября 2010 года до 1 февраля 2015 года;

для Кыргызской Республики – в период с 1 сентября 2010 года до 1 октября 2015 года.

2. Для Республики Армения и Кыргызской Республики после присоединения к Договору о Евразийском экономическом союзе возникает обязанность по зачислению и распределению сумм ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств-членов согласно статье 26 Договора и в порядке, предусмотренном Протоколом.

Порядок зачисления сумм ввозных таможенных пошлин на единый счет уполномоченного органа и распределения их между бюджетами государств-членов, предусмотренный разделом II Протокола, применяется государствами-членами с момента присоединения к Протоколу:

для Республики Армения – с 1 февраля 2015 года;

для Кыргызской Республики – с 1 октября 2015 года.

Судья

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Сейтимовой В.Х.
(дело № СЕ-2-2/3-19-БК)

город Минск

16 октября 2019 года

16 октября 2019 года Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Большая коллегия) вынесено консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пункта 1 Протокола о *порядке* зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (далее – Протокол).

Заявителем был поставлен вопрос о применении Протокола к конкретным правоотношениям – по зачислению и распределению сумм ввозных таможенных пошлин, уплаченных *после присоединения* Республики Армения и Кыргызской Республики к Евразийскому экономическому союзу (далее – Союз, ЕАЭС), однако *основание* для уплаты которых возникло в период между 1 сентября 2010 года и 1 февраля 2015 года – для Республики Армения, и между 1 сентября 2010 года и 1 октября 2015 года – для Кыргызской Республики.

При этом, исходя из содержания заявления, очевидно, что в отношении зачисления и распределения таможенных пошлин, *основания* для уплаты которых возникли до 1 сентября 2010 года, равно как и после 1 февраля 2015 года (для Армении) и 1 октября 2015 года (для Кыргызстана), вопрос относительно применения Протокола не стоит.

Принципиально важным в данном разъяснении было толкование не действия Протокола во времени (по этому вопросу нет никаких сомнений ни у заявителя, ни у Суда, даты вступления в силу и начала применения Протокола четко определены), а его действие в отношении указанного объекта. На этом уровне в консультативном заключении произошла подмена понятий, как терминологическая, так и концептуальная. В итоге в выводах консультативного заключения не содержится ясного и обоснованного ответа на вопрос заявителя, а методы и способы толкования входят в противоречие с правом Союза и общим международным правом, в связи с чем, в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

1. Протокол разработан в соответствии со статьей 26 Договора о Евразийском экономическом союзе (часть первая п.1 Протокола) (далее – Договор). Это означает, что он базируется на данной статье Договора, имеющей приоритетное значение. Содержание, предмет регулирования статьи 26 Договора и Протокола свидетельствуют о том, что положения данной статьи устанавливают материально-правовое обязательство, а Протокол регламентирует процедуру их реализации. Систематическое толкование позволяет говорить об основной регулятивной роли нормы статьи 26 Договора и подчиненном характере норм Протокола по отношению к ней, отсутствии иных вариантов иерархической и логической связи норм Договора и Протокола. Исходя из этого следует уяснить и разъяснить порядок применения Протокола с учетом прежде всего общей нормы статьи 26 Договора и характеристики объекта материально-правового регулирования, на реализацию которой нацелен Протокол, а не наоборот.

Объектом статьи 26 Договора являются «уплаченные (взысканные) таможенные пошлины». Статья 26 Договора регламентирует фискальную основу таможенного союза и составляет неотъемлемую часть единого регулирования. На уровне принципов Союза (норм статьи 3 Договора, являющихся фундаментом и императивом интеграционного объединения) установлено, что в рамках ЕАЭС, после окончания переходных периодов, таможенный союз функционирует без изъятий и ограничений. Без такого перераспределения уплаченных таможенных пошлин Союз не будет соответствовать заявленному уровню интеграции. Применение нормы в рамках единого регулирования должно быть единообразным.

Таким образом, статья 26 Договора устанавливает одинаковую обязанность всех государств – членов Союза в отношении распределения таможенных пошлин. При этом в статье 26 Договора обязанность государств-членов по зачислению и распределению уплаченных (взысканных) сумм ввозных таможенных пошлин не ставится под условие определения даты возникновения основания уплаты таких таможенных пошлин. *Зачисление и оплата* в рамках таможенного союза является единственным фактом, влияющим на обязанность соблюдения данной нормы. Иные сроки или обстоятельства, в том числе порядок реализации данной нормы, устанавливаемый Протоколом, *не могут влиять на объем обязательства*.

Превратное использование систематического толкования с нарушением внутренней иерархии учредительного акта, с привлечением отраслевых норм таможенного законодательства для определения содержания и объема обязательства из Договора ограничивают действительное значение статьи 26 Договора и противоречат контексту всего Договора, целям и задачам интеграции.

2. Присоединение к международной организации означает то, что государство в полной мере разделяет ее цели и принципы. Условия вступления

специально согласуются всеми государствами. В праве Союза эти общие международно-правовые стандарты отражены в статье 108 Договора. С учетом того, что оговорки к Договору не допускаются (статья 117 Договора), и договоры о присоединении Республики Армения и Кыргызской Республики не содержат специальных условий применения статьи 26 Договора, это означает равнозначное и единообразное действие данной нормы в отношении всех государств – членов Союза с даты вступления в силу для них Договора. Те положения, которые государства намеревались изменить и согласовали такое изменение, – отражены в договорах о присоединении (Приложение № 2 к Договору о присоединении Республики Армения, статья 8 Договора о присоединении Кыргызской Республики). Остальные положения действуют для всех государств – членов Союза в редакции Договора. Иными словами, если стороны имели намерение согласовать изъятия, особые условия неприменения, то они должны были на это указать.

Для того, чтобы присоединяющимся к системе Союза государствам было более комфортно осуществить переход, в том числе в части изменений зачисления и распределения таможенных пошлин, в договорах о присоединении включены положения о своеобразных переходных периодах: Протокол применяется Республикой Армения с 1-го числа месяца, следующего за месяцем вступления в силу Договора о присоединении Республики Армения, и Кыргызской Республикой – с 1-го числа второго месяца, следующего за месяцем начала применения Кыргызской Республикой Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза.

В консультативном заключении содержится ссылка на преамбулу Договора о Союзе, однако умалчивается о преамбулах вышеуказанных договоров о присоединении, в которых ясно выражены намерения сторон, и которые исключают любые подразумеваемые изъятия: «принимая во внимание, что международные договоры, на базе которых осуществлялось формирование договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, стали основой Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, констатируя готовность Республики Армения к выполнению обязательств, предусмотренных указанными международными договорами, учитывая выполнение Республикой Армения необходимых мероприятий по присоединению Республики Армения к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» (из преамбулы Договора о присоединении Республики Армения, идентичное положение содержится и в преамбуле Договора о присоединении Кыргызской Республики).

3. Важнейший фактор, который имеет не только финансовую основу, но общеправовое и фундаментальное для интеграции значение, - распределение таможенных пошлин, поступивших от Республики Беларусь, Республики

Казахстан и Российской Федерации в отношении всех пяти государств-членов по правилам статьи 26 Договора, то есть независимо от оснований возникновения обязанности уплаты таможенной пошлины, а в зависимости от даты фактической уплаты. Все пошлины, зачисленные на счета данных государств с момента начала действия Протокола в отношении Республики Армения и Кыргызской Республики, распределялись также на Армению и Кыргызстан, соответственно.

Критерии финансового паритета, взаимного соответствия в распределенных по Договору долях должны соблюдаться. Принципы добросовестности и взаимности требуют равнозначного применения нормы.

Однако, самым важным оказывается то, что норма не должна быть истолкована для одних участников правоотношений одним образом, а для других – иным образом. В теории права – это казуистическое толкование, фактически – это толкование *contra legem*. В интеграционном объединении это означает нарушение принципа лояльного сотрудничества и единообразного применения норм. Это фрагментирует право и создает условия для его несоблюдения, подрывает основы Союза.

4. В сложившейся ситуации наличие отсылок к национальному законодательству только закрепляет эффект расщепления правопорядка, тем более в вопросах единой политики. Согласно ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора». В данном контексте отсылки к национальному законодательству дают почву для таких размышлений, и эта не та почва, что благодатна для развития и укрепления интеграции.

Судья

В.Х. Сейтимова

Резюме
по делу о разъяснении по заявлению
Евразийской экономической комиссии
№ СЕ-2-2/3-19-БК

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Суммы ввозных таможенных пошлин – порядок зачисления и распределения между бюджетами государств-членов; присоединение Республики Армения и Кыргызской Республики к Евразийскому экономическому союзу; обязанность по уплате ввозных таможенных пошлин.

Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Союзе); Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года от 10 октября 2014 года; Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года от 23 декабря 2014 года.

Консультативное заключение – разъяснение Договора о Союзе – особые мнения.

Описание:

Евразийская комиссия обратилась в Суд с заявлением о разъяснении положений пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

По итогам проверки соблюдения уполномоченными органами государств - членов Союза положений Протокола получена информация о том, что в 2016 году в Республике Армения и Кыргызской Республике ввозные таможенные пошлины (пени) в отношении товаров, ввезенных после 1 сентября 2010 года, но до присоединения указанных стран к Союзу, не распределялись между бюджетами государств - членов Союза.

Ввозные таможенные пошлины в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации в отношении товаров, ввезенных после 1 сентября 2010 года и до присоединения Республики Армения и Кыргызской Респу-

блики, зачисленные на единые счета после присоединения указанных стран, распределялись между бюджетами всех государств - членов Союза.

Комиссия просит Суд предоставить консультативное заключение по применению положений пункта 1 Протокола в части порядка зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, поступивших на счета после присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики к Союзу, обязанность по уплате которых возникла:

для Республики Армения – в период с 1 сентября 2010 года и до 1 февраля 2015 года;

для Кыргызской Республики – в период с 1 сентября 2010 года и до 1 октября 2015 года.

16 октября 2019 года Большая Коллегия предоставила консультативное заключение, в котором пришла к выводу о том, что Протокол определяет порядок зачисления и распределения между государствами - учредителями Евразийского экономического союза сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года, а для присоединившихся к Договору о Евразийском экономическом союзе государств: для Республики Армения – с 1 февраля 2015 года, для Кыргызской Республики – с 1 октября 2015 года.

По делу имеются особые мнения судей Нешатаевой Т.Н. и Сейтимовой В.Х.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда:

1. Переходные положения Договора о Союзе предусматривают преемственность системы права при развитии евразийского экономического интеграционного процесса от Таможенного союза и Единого экономического пространства к Евразийскому экономическому союзу.

Определение 1 сентября 2010 года в качестве даты начала зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин на территории Союза обусловлено преемственностью правовой базы Таможенного союза, в частности, фактом вступления в силу Соглашения об установлении и применении в Таможенном союзе порядка зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин от 20 мая 2010 года, подписанного Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией.

(абзацы 4, 5 и 8 пункта 1 раздела III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

2. Дата 1 сентября 2010 года, предусмотренная пунктом 1 Протокола, не устанавливает общее правило о ретроактивном действии статьи 26 Договора о Союзе в отношении государств, присоединившихся к Союзу после 1 января 2015 года.

Акты о присоединении к Союзу Республики Армения и Кыргызской Республики, устанавливающие условия присоединения данных государств к Союзу, определяют даты начала применения Протокола в отношении данных государств и в них не указано на распространение Протокола на отношения, возникшие до соответствующих дат.

В Договорах о присоединении и приложениях к ним отсутствуют ссылки на Соглашение от 20 мая 2010 года, которое действовало для государств - учредителей Союза с 1 сентября 2010 года, что исключает распространение на государства, присоединившиеся к Союзу, обязанности по распределению ввозных таможенных пошлин, уплаченных после начала применения указанного Соглашения и до начала применения ими Протокола.

(абзац 9 пункта 1, абзац 2 пункта 5, абзацы 1 и 2 пункта 9 раздела III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

3. Ввозная таможенная пошлина в значении права Союза уплачивается по ставкам Единого таможенного тарифа Союза и только в случае пересечения товарами таможенной границы Союза и прибытия на территорию его государств-членов.

(абзац 4 пункта 7 раздела III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

4. Порядок зачисления и распределения между государствами - членами Союза сумм ввозных таможенных пошлин, установленный Протоколом, применяется при одновременном соблюдении следующих условий:

ввозные таможенные пошлины начислены за товары, ввозимые (ввезенные) на таможенную территорию Союза (таможенного союза);

суммы соответствующих таможенных пошлин подлежат уплате по ставкам Единого таможенного тарифа Союза, обязанность по уплате которых возникла в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза: для стран, учредивших Евразийский экономический союз, с 1 сентября 2010 года; для государств, присоединившихся к Союзу, с 1 февраля 2015 года для Республики Армения, с 1 октября 2015 года для Кыргызской Республики.

(абзац 1 пункта 8 раздела III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

5. Протокол (приложение № 5 к Договору) определяет порядок зачисления и распределения между государствами - учредителями Союза сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года, а для присоединившихся к Договору государств: для Республики Армения – с 1 февраля 2015 года, для Кыргызской Республики – с 1 октября 2015 года.

(абзац 2 пункта 11 раздела III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

Summary
on the clarification based on the application filed by
the Eurasian Economic Commission
No. CE-2-2/3-19-БК

Keywords:

Eurasian Economic Commission (EEC).

Clarification of provisions of paragraph 1 of the Protocol on the Procedure for Transfer and Distribution of Import Customs Duties (Other Duties, Taxes and Fees Having Equivalent Effect) and their Transfer to the Budgets of the Member States (Annex No. 5 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014).

Amounts of import customs duties– the procedure for transfer and distribution between the Member States; accession of the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic to the Eurasian Economic Union; obligation to pay import customs duties.

Protocol on the Procedure for Transfer and Distribution of Import Customs Duties (Other Duties, Taxes and Fees Having Equivalent Effect) and their Transfer to the Budgets of the Member States (Annex No. 5 to the Union Treaty); Treaty on the Accession of the Republic of Armenia to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 dated October 10, 2014; Treaty on the Accession of the Kyrgyz Republic to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 dated December 23, 2014.

Advisory opinion – clarification of the provisions of the Union Treaty – separate opinions.

Substance of the case:

The Eurasian Economic Commission submitted an application to the Court asking for clarification of the provisions of paragraph 1 of the Protocol on the Procedure for Transfer and Distribution of Import Customs Duties (Other Duties, Taxes and Fees Having Equivalent Effect) and their Transfer to the Budgets of the Member States (Annex No. 5 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014).

According to the results of verification of the compliance by authorized authorities of the Union Member States, with the provisions of the Protocol, the following information was received: in 2016 in the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic import customs duties (penalties) on goods, imported after September 01, 2010, but prior accession of these countries to the Union, were not distributed between the budgets of the Union Member States.

The amounts of import customs duties in the Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan and the Russian Federation on goods, imported after September 01, 2010 and prior accession of the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic, transferred

to the uniform accounts after accession of all mentioned countries, were allocated among the budgets of all the Union Member States.

The Commission asks the Court to provide its advisory opinion on the application of the provisions of paragraph 1 of the Protocol as regards to the procedure of transfer and distribution of import customs duties, received on accounts after the accession of the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic to the Union, the obligation to pay which arose:

for the Republic of Armenia – in the period from September 01, 2010 to February 01, 2015;

for the Kyrgyz Republic – in the period from September 01, 2010 to October 01, 2015.

On October 16, 2019 The Grand Chamber of the Court in its advisory opinion came to the conclusion that the Protocol determines the procedure of transfer and distribution of import customs duties between the Member States – founders of Eurasian Economic Union, the obligation to pay which is for goods, imported to the Union customs territory, arose since September 01, 2010, and for the states, that joined the Treaty on the Eurasian Economic Union: for the Republic of Armenia – since February 01, 2015, for the Kyrgyz Republic – since October 01, 2015.

The advisory opinion of the Grand Chamber of the Court is accompanied by the separate opinions of Judges T.N. Neshataeva and V.Kh. Seytimova.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. The transitional provisions of the Union Treaty provide for the continuity of the system of law in the development of the Eurasian economic integration process from the Customs Union and the Common Economic Space to the Eurasian Economic Union.

The determination of September 01, 2015 as the commencement date for transfer and distribution of import customs duties on the territory of the Union is due to the continuity of the legal framework of the Customs Union, in particular, to the fact of entry into force of the Agreement on establishment and application of the procedure of transfer and distribution of import customs in the Customs Union dated May 20, 2010, signed by the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation.

(subparagraphs 4, 5 and 8, paragraph 1, section III “Court’s Findings” of the Advisory opinion)

2. The date of September 01, 2010, as provided for in paragraph 1 of the Protocol, does not establish a general rule on retroactive effect of Article 26 of the Union Treaty in relation to states that have joined the Union after January 01, 2015.

Acts of accession to the Union of the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic, establishing the conditions for the accession of these states to the Union, determine the dates when the Protocol start to apply with regard to these states, and

do not indicate the extension of the Protocol to relations, arisen prior to the relevant dates.

The Treaties on Accession and their Annexes do not contain references to the Agreement dated May 20, 2010, which was valid for the states – founders of the Union since September 01, 2010, which excludes the obligation to distribute the import customs duties of the states, that joined the Union, , paid after this Agreement has started to apply and before they start to apply the Protocol.

(subparagraph 9 of paragraph 1, subparagraph 2 of paragraph 5, subparagraphs 1 and 2 of paragraph 9, section III “Court’s Findings” of the Advisory opinion)

3. The import customs duty within the meaning of Union law is paid at the rates of Common Customs Tariff of the Union and only if the goods cross the customs border of the Union and arrive to the territory of its Member States.

(subparagraph 4 of paragraph 7, section III “Court’s Findings” of the Advisory opinion)

4. The procedure of transfer and distribution of the amounts of import customs duties between the Union Member States, established by the Protocol, is to be applied subject to the following conditions:

the import customs duties are charged on goods, to be imported (imported) to the customs territory of the Union (customs union);

the amount of the relevant customs duties shall be paid at the rates of the Common Customs Tariff of the Union, the obligation to pay which arose with regard to the goods, imported to customs territory of the Union: for the states – founders of the Eurasian Economic Union, since September 01, 2010; for the states, which acceded to the Union, since February 01, 2015 - for the Republic of Armenia, since October 01, 2015 - for the Kyrgyz Republic.

(subparagraph 1 of paragraph 8, section III “Court’s Findings” of the Advisory opinion)

5. The Protocol (Annex No. 5 to the Treaty) determines the procedure of transfer and distribution between the states – founders of the Union the amount of import customs duties, the obligation to pay which with regard to the goods, imported to the customs territory of the Union, arose since September 01, 2010, and for the states, which acceded the Treaty: for the Republic of Armenia – since February 01, 2015, for the Kyrgyz Republic – since October 01, 2015.

(subparagraph 2 of paragraph 11, section III “Court’s Findings” of the Advisory opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

27 мая 2019 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Туманяна А.Э., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,

при секретаре судебного заседания Малашко А.П.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

Евразийская экономическая комиссия (далее – Заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Заявитель указывает, что в ходе осуществления мониторинга и контроля исполнения государствами - членами положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и решений Комиссии в сфере технического регулирования была выявлена различная практика применения положений технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011), утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 877 (далее – ТР ТС 018/2011), в части регулирования вопросов получения физическими лицами документов об оценке соответствия в отношении транспортных средств, ввозимых на таможенную территорию Союза для личного пользования.

В этой связи Заявитель просит Суд разъяснить, следует ли из взаимосвязанного прочтения положений пунктов 1 и 2 статьи 53 Договора, абзацев 6 и 7 пункта 5 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года), что перечень лиц по субъектному критерию (юридическое лицо, индивидуальный предприниматель), которые могут быть заявителями при оценке соответствия, может изменяться (или дополняться) в соответствующем техническом регламенте Союза в зависимости от объекта

технического регулирования и необходимости обеспечения защиты жизни и здоровья человека.

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), по заявлению государства - члена или органа Евразийского экономического союза Суд осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Согласно пункту 1 статьи 8 Договора Евразийская экономическая комиссия является одним из органов Союза.

Таким образом, Комиссия является органом, имеющим право на обращение в Суд с заявлением о разъяснении положений Договора.

Заявитель просит разъяснить положения Договора, что входит в компетенцию Суда.

Согласно пункту 73 Статута Суда Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

Пунктом 68 Статута Суда установлено, что порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Требования, предъявляемые к заявлению органа Союза о разъяснении, содержатся в статье 10 Регламента Суда.

Большая коллегия Суда считает, что заявление соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда.

Ранее по данному вопросу по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом не принималось.

При таких обстоятельствах оснований для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству, предусмотренных статьей 73 Регламента Суда, не имеется.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 46, 68, 73–75, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда, статьями 10, 73, 74 Регламента Суда, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 10 июля 2019 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Копию постановления направить в Евразийскую экономическую комиссию.

4. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

31 октября 2019 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего Баишева Ж.Н., судьи–докладчика Туманяна А.Э., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Малашко А.П., исследовав материалы дела, заслушав судью–докладчика, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73–75, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 14, 19, 72, 75, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза, предоставляет следующее консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

1. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия, Заявитель, ЕЭК) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

В заявлении указывается, что в ходе осуществления мониторинга и контроля исполнения государствами–членами Евразийского экономического союза положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и решений Комиссии в сфере технического регулирования выявлена различная практика применения в государствах–членах положений технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011), утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 877 (далее – ТР ТС 018/2011), в части регулирования вопросов получения физическими лицами документов об оценке соответствия в отношении транспортных средств, ввозимых на таможенную территорию Союза для личного пользования.

В соответствии с пунктом 69 ТР ТС 018/2011 в ходе проведения оценки соответствия единичных транспортных средств, ввозимых на таможенную территорию Союза, в качестве заявителя выступает изготовитель транспортного средства или его уполномоченный представитель, действующий от его имени, либо лицо, осуществляющее ввоз транспортного средства на таможенную тер-

риторию Союза (в том числе физическое лицо, ввозящее транспортное средство для личного пользования), или его представитель.

Включение физических лиц, ввозящих транспортные средства для личного пользования, в круг заявителей при проведении процедур оценки соответствия, как разъясняет Заявитель, обусловлено необходимостью обеспечения безопасности ввозимых транспортных средств, используемых на дорогах общего пользования на территории Союза (в частности, исключения ввоза «автомобилей–конструкторов»; транспортных средств, не предназначенных для единого рынка Союза и т.д.).

В пункте 70 ТР ТС 018/2011 предусмотрено, что процедура оценки соответствия единичных транспортных средств (вне зависимости от цели ввоза) состоит из ряда этапов, включающих в себя, в том числе, проведение технической экспертизы конструкции транспортного средства. В завершение указанных процедур заявителям (в том числе физическим лицам) выдается свидетельство о безопасности конструкции транспортного средства.

Вместе с тем, Комиссией было установлено, что в Республике Беларусь указанные положения технического регламента не применяются, так как по мнению Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь, в соответствии с Договором физическое лицо не может быть заявителем при осуществлении оценки соответствия требованиям ТР ТС 018/2011 единичных транспортных средств, ввозимых на таможенную территорию Союза для личного пользования.

Заявитель отмечает, что в качестве обоснования такого подхода Республика Беларусь ссылается на содержание абзаца шестого пункта 5 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (далее – Протокол), в котором, по ее мнению, устанавливается круг лиц, являющихся заявителями при оценке соответствия, и в который не входят физические лица, ввозящие товары на таможенную территорию Союза для личного пользования.

Согласно положениям пункта 5 Протокола при оценке соответствия заявителем могут быть зарегистрированные на территории государства–члена в соответствии с его законодательством юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом. При этом абзац седьмой пункта 5 Протокола предусматривает, что круг заявителей при оценке соответствия устанавливается в соответствии с техническим регламентом Союза.

В заявлении указывается, что другие государства–члены придерживаются иного подхода и полагают, что с учетом положений статей 52 и 53 Договора любая продукция, в отношении которой установлены обязательные требова-

ния, должна быть безопасной и может выпускаться в обращение только после прохождения процедур оценки соответствия. При этом Заявитель ссылается на письмо Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, в котором отмечается, что «в связи с отсутствием возможности учесть в Договоре особенности всех форм оценки соответствия, предусмотренных в конкретных технических регламентах, пункт 5 Протокола также допускает, что круг заявителей при оценке соответствия устанавливается в соответствии с техническим регламентом Союза».

Таким образом, в настоящее время в государствах-членах существует два различных подхода к применению положений пункта 5 Протокола в части определения круга лиц, имеющих право быть заявителями при проведении процедур оценки соответствия.

На основании изложенного Заявитель просит Суд Евразийского экономического союза разъяснить: следует ли из взаимосвязанного прочтения положений пунктов 1 и 2 статьи 53 Договора, абзацев шестого и седьмого пункта 5 Протокола, что перечень лиц по субъектному критерию (юридическое лицо, индивидуальный предприниматель), которые могут быть заявителями при оценке соответствия, может изменяться (или дополняться) в соответствующем техническом регламенте Союза в зависимости от объекта технического регулирования и необходимости обеспечения защиты жизни и здоровья человека.

2. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденным решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

В рамках подготовки дела о разъяснении к рассмотрению в порядке статьи 75 Регламента Суда направлены запросы и получены ответы от Министерства юстиции Республики Армения, Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства юстиции Кыргызской Республики, Министерства юстиции Российской Федерации, Белорусского государственного университета, Ереванского государственного университета, Института законодательства и правовой информатизации Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Казанского (Приволжского) федерального университета, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина.

3. Выводы Суда

Руководствуясь пунктом 50 Статута Суда, Большая коллегия Суда осуществляет разъяснение положений Договора в их системной взаимосвязи между

собой на основе общепризнанных принципов и норм международного права с учетом положений статьи 31 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

1. Пункт 1 статьи 51 Договора устанавливает принципы, в соответствии с которыми осуществляется техническое регулирование в рамках Союза.

Бланкетная норма пункта 3 статьи 51 Договора определяет, что порядок, правила и процедуры технического регулирования в рамках Союза устанавливаются согласно приложению № 9 к настоящему Договору.

Согласно пункту 2 Протокола «техническое регулирование» – правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также правовое регулирование отношений в области оценки соответствия. В свою очередь понятие продукции, согласно норме–определению пункта 2 Протокола, определяется как результат деятельности, представленный в материально–вещественной форме и предназначенный для дальнейшего использования в хозяйственных и иных целях.

Таким образом, по мнению Большой коллегии Суда, техническое регулирование связано с разработкой и использованием технико–юридических норм в целях упорядочения отношений в сферах производства и обращения продукции.

2. Согласно абзацу первому пункта 1 статьи 52 Договора в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения в рамках Союза принимаются технические регламенты.

Запретительная норма абзаца второго пункта 1 статьи 52 Договора не допускает принятие технических регламентов Союза в иных целях.

Пункт 2 Протокола определяет, что технический регламент Союза – это документ, принятый Комиссией и устанавливающий обязательные для применения и исполнения на территории Союза требования к объектам технического регулирования.

Вопросы определения порядка разработки и принятия технических регламентов Союза, а также порядка внесения в них изменений и отмены определяются Комиссией.

В положениях Договора не уточняется вид акта Комиссии, в форме которого принимается технический регламент Союза. Однако анализ всей совокупности норм раздела X Договора, приложений № 1 (Положение о Евразийской экономической комиссии) и № 9 (Протокол о техническом регулировании в

рамках Евразийского экономического союза) к нему показывает, что таковыми могут быть только решения Евразийской экономической комиссии, которые имеют нормативно-правовой характер, т.е. устанавливают общеобязательные, формально-определенные правила поведения, из которых вытекают права и обязанности участников общественных отношений, чьи действия данные правила призваны регулировать в качестве образца поведения.

3. Абзац четвертый пункта 1 статьи 52 Договора устанавливает, что технические регламенты Союза или национальные обязательные требования действуют только в отношении продукции, включенной в единый перечень, который утверждается Комиссией. Согласно абзацу шестому пункта 1 статьи 52 Договора государства-члены не допускают установление в своем законодательстве обязательных требований в отношении продукции, не включенной в единый перечень.

Большая коллегия Суда полагает, что целью формирования и ведения единого перечня продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Союза, и принятие в отношении данной продукции технических регламентов Союза является преодоление технических барьеров торговле товарами в ЕАЭС и свидетельствует об унификации технического регулирования, предполагающей замену национальных технических регламентов техническими регламентами ЕАЭС.

В соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 6 Договора утверждаемые решением Комиссии технические регламенты Союза входят в право Союза и не должны противоречить положениям Договора. В силу нормы пункта 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) технические регламенты имеют нормативно-правовой характер, обязательны для государств-членов и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов. Кроме этого, согласно норме абзаца первого пункта 2 статьи 52 Договора они имеют прямое действие на территории Союза.

4. Абзац первый пункта 1 статьи 53 Договора содержит императивное предписание о том, что «продукция, выпускаемая в обращение на территории Союза, должна быть безопасной».

При этом согласно норме – определению пункта 2 Протокола, безопасность – это «отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью причинения вреда и (или) нанесения ущерба».

Большая коллегия Суда считает необходимым отметить, что требование о безопасности носит общий характер и относится ко всей продукции, выпускаемой в обращение независимо от включения ее в единый перечень и наличия в ее отношении соответствующего технического регламента.

Что касается продукции, требования к которой не установлены техническими регламентами Союза, то согласно абзацу второму пункта 2 статьи 53

Договора правила и порядок обеспечения ее безопасности и обращения, определяются международным договором в рамках Союза.

5. Согласно абзацу первому пункта 2 статьи 53 Договора продукция, в отношении которой вступил в силу технический регламент Союза (технические регламенты Союза), выпускается в обращение на территории Союза при условии, что она прошла необходимые процедуры оценки соответствия, установленные техническим регламентом Союза (техническими регламентами Союза).

Из данной правовой нормы следует, что выпуску продукции в обращение предшествует процедура оценки соответствия, установленная техническим регламентом. Этот вывод подтверждается также положением нормы абзаца четвертого пункта 5 Протокола, согласно которому оценка соответствия выпускаемой в обращение продукции требованиям технических регламентов Союза осуществляется до выпуска ее в обращение.

Вместе с тем, процедура оценки соответствия сама по себе предопределяет выпуск продукции в обращение. Это значит, что продукция не может быть выпущена в обращение без соответствующего заключения на ее соответствие требованиям технического регламента Союза. Под выпуском продукции в обращение в пункте 2 Протокола понимается ее поставка, ввоз (в том числе отправка со склада изготовителя или отгрузка без складирования) с целью распространения на территории Союза в ходе коммерческой деятельности на безвозмездной или возмездной основе. Из этого следует, что отсутствие у поставщика (лица осуществляющего ввоз) продукции, входящей в единый перечень, в отношении которой действует технический регламент Союза, цели распространения этой продукции на территории Союза в ходе коммерческой деятельности не предполагает проверку продукции на соответствие требованиям технического регламента.

Оценка соответствия объектов технического регулирования, устанавливаемая в технических регламентах Союза, согласно абзацу первому пункта 5 Протокола проводится в формах регистрации (государственной регистрации), испытаний, подтверждения соответствия, экспертизы и (или) в иной форме. Обязательное подтверждение соответствия осуществляется в формах декларирования соответствия и сертификации (абзац второй пункта 5 Протокола).

Для объектов технического регулирования, в отношении которых не вступили в силу технические регламенты Союза, в соответствии с абзацем первым пункта 3 Протокола действуют нормы законодательства государств-членов или актов Комиссии.

6. Для ответа на вопрос, поставленный Заявителем, Большая коллегия Суда считает необходимым уяснить само понятие коммерческой деятельности, а также круг субъектов, которые вправе ею заниматься, а, значит, и быть заявителями при оценке соответствия.

Коммерческая деятельность в данном случае является синонимом предпринимательской деятельности, осуществление которой по законодательству государств–членов Евразийского экономического союза возможно только с момента регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя или создания юридического лица.

На основе анализа соответствующих положений гражданского законодательства государств–членов Большая коллегия Суда констатирует, что предпринимательской (коммерческой) является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Субъектами предпринимательской деятельности являются юридические лица и физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей.

На основе вышеизложенного применительно к рассматриваемому вопросу, Большая коллегия Суда констатирует, что при оценке соответствия заявителями могут быть только субъекты, которые по смыслу нормы–определения пункта 2 Протокола занимаются поставкой или ввозом продукции с целью ее распространения на территории Союза в ходе коммерческой деятельности, то есть юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Из этого следует, что физические лица, ввозящие единичные товары для личного пользования, не могут быть заявителями при оценке соответствия.

7. Согласно абзацу шестому пункта 5 Протокола при оценке соответствия заявителем могут быть зарегистрированные на территории государства–члена в соответствии с его законодательством юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом.

Из анализа данной правовой нормы следует, что круг субъектов, обладающих правом подавать заявление на оценку соответствия продукции, ограничен двумя категориями лиц: юридическими лицами, физическими лицами в качестве индивидуального предпринимателя, к которым предъявляются следующие обязательные требования:

они должны быть зарегистрированы на территории государства–члена в соответствии с его законодательством;

они должны являться изготовителем или продавцом, либо уполномоченным изготовителем лицом.

При этом, такой субъект как лицо, уполномоченное изготовителем, согласно норме–определению пункта 2 Протокола также является зарегистрированным в установленном законодательством государства–члена порядке на его территории юридическим лицом или физическим лицом в качестве индивидуального предпринимателя, которые на основании договора с изготовителем, в том числе иностранным изготовителем, осуществляют действия от

имени этого изготовителя при оценке соответствия и выпуске в обращение продукции на территории Союза, а также несут ответственность за несоответствие продукции требованиям технических регламентов Союза.

Таким образом, нормой абзаца шестого пункта 5 Протокола круг лиц, которые могут подавать заявление на оценку соответствия, ограничен только юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

8. Абзацем седьмым пункта 5 Протокола определено, что круг заявителей при оценке соответствия устанавливается в соответствии с техническим регламентом.

Из смысла данной правовой нормы следует, что в соответствующем техническом регламенте Союза из числа субъектов, отмеченных в абзаце шестом пункта 5 Протокола, уточняется (детализируется) субъектный состав лиц, подающих заявление, исходя из конкретного вида и свойств продукции, являющейся объектом технического регулирования, и применительно к конкретной форме оценки соответствия. Так, согласно пункту 25 Технического регламента Таможенного союза 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств», если транспортные средства (шасси) изготавливаются на единой таможенной территории Таможенного союза, то заявителем при проведении одобрения типа может быть зарегистрированный в соответствии с законодательством государства-члена Таможенного союза и являющийся резидентом этого государства изготовитель, **которому был присвоен международный идентификационный код изготовителя транспортного средства**, или официальный представитель изготовителя, действующий от его имени. Изготовитель, не являющийся резидентом государства-члена Таможенного союза, назначает в каждом государстве-члене Таможенного союза своего представителя, несущего совместно с изготовителем ответственность за обеспечение соответствия выпускаемой в обращение продукции, прошедшей одобрение типа, требованиям технического регламента. Представителем изготовителя является юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена Таможенного союза и являющееся его резидентом.

Большая коллегия Суда отмечает, что, наделяя изготовителя, продавца или уполномоченное изготовителем лицо правом быть заявителем при проведении оценки соответствия продукции требованиям технического регламента Союза, Договор (Протокол) исходит из того, что момент выпуска в обращение может быть связан не только с переходом прав на продукцию в связи с отправкой со склада изготовителя или отгрузки без складирования, но и с ввозом ее или поставкой с целью распространения на территории Союза в ходе коммерческой деятельности на безвозмездной или возмездной основе. Указание на осуществление коммерческой деятельности при выпуске продукции в обра-

шение ограничивает круг субъектов, обладающих правом подачи заявления на оценку соответствия.

Иное толкование, подразумевающее, что абзац седьмой пункта 5 Протокола позволяет дополнить в техническом регламенте Союза субъектный состав нормы, установленной абзацем шестым данного пункта, фактически лишает сам абзац шестой полезного действия, поскольку его отсутствие при подобном толковании никак не влияет на результат правового регулирования правоотношения.

Большая коллегия Суда утверждает, что абзац шестой пункта 5 Протокола имеет самостоятельный смысл – субъектами процедуры оценки соответствия могут быть только профессиональные участники рынка – юридические лица и индивидуальные предприниматели. Этот вывод в полной мере соответствует положениям абзаца первого пункта 2 статьи 53 Договора и пункта 2 Протокола в части вопроса выпуска в обращение продукции, которая поставляется, ввозится с целью распространения в ходе коммерческой деятельности, а также в части государственного контроля за соблюдением технических регламентов, который направлен на предупреждение, выявление и пресечение нарушений требований технических регламентов:

юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами;

физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей;

их представителями.

Положение нормы пункта 6 Протокола о том, что продукция, соответствующая требованиям технических регламентов Союза, прошедшая процедуры оценки соответствия, подлежит обязательной маркировке единым знаком **обращения** продукции на рынке Союза, которая должна быть нанесена на русском языке и при наличии соответствующих требований в законодательстве государств-членов на государственном (государственных) языке (языках) государства-члена, на территории которого **реализуется** продукция, также распространяется только на товары, подлежащие **выпуску в обращение** и **реализации** на территории Союза либо на территории государства-члена (на языке которого наносится маркировка), и не предполагает обязательную маркировку единым знаком **обращения** продукции на рынке Союза единичных товаров, не предназначенных для **реализации**. Этот факт еще раз подтверждает вывод о том, что физические лица, ввозящие товары для личного пользования, не являются субъектами подачи заявления на оценку соответствия продукции тому либо иному техническому регламенту Союза.

9. С учетом изложенного, Большая коллегия Суда считает обоснованным следующий вывод.

Из взаимосвязанного прочтения положений пунктов 1 и 2 статьи 53 Договора, абзацев шестого и седьмого пункта 5 Протокола следует, что круг заявителей при оценке соответствия устанавливается техническим регламентом из числа лиц, указанных в абзаце шестом пункта 5 Протокола, в зависимости от особенностей объекта технического регулирования.

4. Заключительные положения

Копию настоящего консультативного заключения направить заявителю.

Текст консультативного заключения опубликовать на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-2-2/4-19-БК)

город Минск

31 октября 2019 года

31 октября 2019 года Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Большая коллегия Суда) вынесено консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, заявитель) о разъяснении пунктов 1 и 2 статьи 53 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) в их взаимосвязанном прочтении с абзацами 6 и 7 пункта 5 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 9 к Договору (далее – Протокол).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

1. Анализ раздела X Договора «Техническое регулирование» свидетельствует, что содержащиеся в данном разделе статьи 51 – 55 определяют основы технического регулирования, его цели и принципы.

Пункт 1 статьи 51 Договора закрепляет принципы технического регулирования в Союзе, среди которых:

- установление в технических регламентах единых обязательных требований к продукции, включенной в единый перечень, в отношении которой вводятся обязательные требования в рамках Союза, утвержденный решением Комиссии Таможенного союза от 28 января 2011 года № 526 (далее – Единый перечень);
- применение и исполнение технических регламентов Союза в государствах-членах без изъятий;
- единство применения требований технических регламентов Союза независимо от видов и (или) особенностей сделок;
- единство правил и процедур проведения обязательной оценки соответствия.

Уяснение названных принципов, а также норм статей 52 и 53 Договора свидетельствует об отнесении регулирования общественных отношений в данной области к единой политике Союза.

1.1. Наднациональное регулирование общественных отношений в области технического регулирования обеспечивается абзацем 6 пункта 1 статьи 52 Договора, предусматривающим обязанность государств-членов не допускать закрепление в национальном законодательстве обязательных требований в отношении продукции, не включенной в Единый перечень, а также абзацем 1 пункта 3 статьи 53 Договора, устанавливающим запрет применения на территории государств-членов национальным законодательством обязательных требований к продукции, в отношении которой вступил в силу технический регламент Союза и завершено действие его переходных положений.

Исчерпывающий перечень продукции, выведенной из-под норм технического регулирования Союза, установлен абзацем 2 пункта 3 Протокола.

Логическое толкование пункта 1 статьи 51, пункта 1 статьи 52, пунктов 1 и 2 статьи 53 Договора обозначает, что создатели Договора связывают цель технического регулирования и, следовательно, проведения процедуры оценки соответствия исключительно с обеспечением безопасности продукции, независимо от особенностей сделки и вида деятельности, в связи с осуществлением которой продукция введена в оборот на территории Союза. Из изложенного следует, что *любая* продукция, включенная в Единый перечень и в отношении которой вступил в силу технический регламент Союза, должна соответствовать его требованиям, подтверждаемым в установленных процедурах и формах оценки соответствия.

Достижение заявленной в пункте 1 статьи 52 Договора цели защиты жизни и здоровья человека обусловлено только видом продукции и не зависит от субъекта, выпускающего продукцию в обращение.

Применение указанных подходов к обстоятельствам запроса Комиссии позволяет заключить, что позиция Большой коллегии Суда, согласно которой продукция, включенная в Единый перечень и в отношении которой вступил в силу технический регламент, но не предназначенная для использования в коммерческой деятельности, исключается из-под требований технического регулирования, не согласуется с правом Союза.

1.2. Абзацем 2 пункта 2 статьи 53 Договора установлена обязанность государств-членов обеспечить обращение продукции, соответствующей требованиям технического регламента Союза, на своей территории без предъявления дополнительных требований к такой продукции и *без проведения дополнительных процедур оценки соответствия*. Содержание данной нормы позволяет прийти к выводу, что введение единого технического регулирования в рамках Союза призвано содействовать обеспечению свободного движения товаров, а нормы технических регламентов должны толковаться в свете соответствующих положений Договора. Указанное подтверждается применением метода исторического толкования и обращением к Соглашению о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь,

Республике Казахстан и Российской Федерации от 18 ноября 2010 года. Одной из целей единого технического регулирования устанавливалось углубление и ускорение интеграционных процессов, что неразрывно связано с формированием внутреннего рынка и свободного движения товаров.

В аспекте рассматриваемого вопроса следует, что продукция, ввезенная на территорию любого из государств-членов, свободно обращается на всей территории Союза, независимо от субъекта, который выпустил ее в оборот, и применительно к этой продукции должны быть обеспечены единые требования технического регулирования и ее безопасности.

2. В соответствии с правом Союза под единое техническое регулирование подпадает продукция, включенная в Единый перечень и в отношении которой Комиссией принято решение о ее техническом регулировании.

Исходя из пункта 29 Приложения № 1 к Регламенту работы Комиссии, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98, технические регламенты принимаются Советом Комиссии в форме решений. В соответствии со статьями 2 и 6 Договора, пунктом 13 Положения о Комиссии ее решения, имеющие нормативно-правовой характер, входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов. Указание статей 2 и 6, подпункта 3 пункта 1 статьи 51, пункта 2 статьи 52 Договора, а также пункта 13 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору, позволяет заключить, что технические регламенты имеют нормативно-правовой характер, входят в право Союза, обладают свойствами прямого действия и непосредственного применения, применяются и исполняются в государствах-членах без изъятий.

Контекстное толкование статей 2 и 6, 51 – 53 Договора, пункта 13 Положения о Комиссии, пункта 2 и абзаца 3 пункта 5 Протокола свидетельствует о создании в Союзе системы правоотношений в сфере технического регулирования, в рамках которой его основы предусмотрены статьями 51 – 53 Договора, а процессуальным аспектам технического регулирования посвящен Протокол. В свою очередь, Комиссия данными нормами права наделена полномочиями устанавливать требования к объектам технического регулирования в форме технических регламентов, а также определять формы, схемы и процедуры, в которых осуществляется оценка соответствия.

Абзацы 4 и 5 пункта 1 статьи 52 Договора устанавливают, что включение продукции в Единый перечень, а также утверждение порядка его ведения и формирования отнесено к исключительным полномочиям Комиссии. Подобное правовое регулирование наделяет Комиссию полной дискрецией по определению видов продукции, в отношении которой принимаются технические регламенты Союза. Данное обстоятельство, а также тот факт, что порядок разработки и принятия технических регламентов установлен не Протоколом, а

абзацем 3 пункта 1 статьи 52 Договора означает, что при реализации соответствующих полномочий, Комиссия основывается на нормах статей 51 – 53 Договора и Протокола, но не ограничена положениями последнего, что позволяет ей дополнять правовые нормы, содержащиеся в первичном праве Союза. Данный вывод подтверждается абзацем 7 пункта 3 Протокола, предусматривающим, что в технических регламентах Союза с учетом степени риска причинения вреда могут содержаться специальные требования к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования, производства, строительства, монтажа, наладки и эксплуатации.

Основываясь на данном подходе, считаю необоснованным вывод Большой коллегии Суда, согласно которому понятие «выпуск в обращение» связано исключительно с осуществлением коммерческой деятельности, а поэтому влечет неприменение норм технического регулирования в отношении продукции, предназначенной для использования в *иных целях*.

Применительно к сфере технического регулирования пункт 2 Протокола под продукцией понимает результат деятельности, представленный в материально-вещественной форме и предназначенный для дальнейшего использования в хозяйственных и *иных целях*. В свою очередь, выпуск в обращение представляет собой как поставку, так и ввоз продукции с целью ее распространения на территории Союза в ходе *коммерческой деятельности*. Соглашаясь с изложенной в консультативном заключении позицией об определении Протоколом порядка регулирования оценки соответствия продукции, подлежащей распространению на территории Союза в коммерческих целях, полагаю, что указанное не вводит запрет осуществления технического регулирования в отношении продукции, ввозимой на территорию Союза в *иных целях* (в том числе личных), включенной в Единый перечень и в отношении которой вступил в силу технический регламент Союза.

3. Из представленных Комиссией материалов следует, что неединообразная практика применения Технического регламента о безопасности колесных транспортных средств возникла в связи с непризнанием государственным органом Республики Беларусь физического лица, осуществляющего ввоз на территорию таможенного союза единичного транспортного средства для собственных нужд, заявителем при оценке соответствия в рамках наднационального регулирования в связи с его отсутствием в перечне заявителей в абзаце 6 пункта 5 Протокола.

3.1. Контекстное толкование пункта 3 статьи 51 и абзаца 3 пункта 5 Протокола означает, что полномочия по утверждению типовых схем оценки соответствия, на основе которых в технических регламентах Союза устанавливаются формы, схемы и процедуры оценки соответствия, предоставлены Комиссии. Уяснение данных правовых норм определяет, что, передавая вопрос техниче-

ского регулирования на наднациональный уровень, государства-члены одновременно наделили Комиссию, как регулирующий орган Союза, полной дискрецией как по определению процедуры принятия технических регламентов, так и по установлению форм, схем и процедур оценки соответствия. Учитывая, что процедура оценки соответствия включает определение субъектов, являющихся ее участниками, данная правовая конструкция означает, что именно в технических регламентах устанавливается круг лиц, которые могут выступать заявителями соответствующей процедуры.

Абзац 7 пункта 5 Протокола содержит бланкетную норму, в силу которой круг заявителей при оценке соответствия устанавливается техническим регламентом Союза. Данная правовая конструкция предоставляет возможность регулятору, то есть Комиссии, установления в техническом регламенте в качестве заявителей при оценке соответствия не только юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, но и физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя. Указанный вывод согласуется с изложенной в пункте 1.1. настоящего особого мнения позицией, согласно которой цель технического регулирования состоит в обеспечении безопасности продукции и не связана с особенностями ее использования в зависимости от наличия или отсутствия коммерческой составляющей в деятельности лица, которое вводит продукцию в оборот. Соответственно, если технический регламент устанавливает необходимость оценки соответствия продукции, используемой для личных нужд, физическое лицо не подлежит исключению из числа заявителей национальным законодательством или правоприменительной практикой.

3.2. В силу пунктов 3 и 4 Положения о Комиссии в пределах полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза, и в целях реализации международных договоров, входящих в право Союза, Комиссия осуществляет деятельность в сфере технического регулирования.

Из контекстного толкования пункта 1 статьи 52 Договора и абзаца 26 пункта 2 Протокола следует, что в целях защиты жизни и здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и здоровья животных и растений Комиссия принимает технические регламенты, которые представляют собой документы, устанавливающие обязательные для применения и исполнения на территории Союза требования к объектам технического регулирования.

Анализ статьи 6 Договора, предусматривающей иерархию актов, составляющих право Союза, свидетельствует, что создатели Договора исходили из презумпции действительности международных договоров, входящих в право Союза, и решений его органов, включая решения Комиссии. Применительно к последним подобный подход означает, что решение Комиссии действительно до момента его отмены в предусмотренном Договором порядке. Данный вывод согласуется с правовой позицией Суда, изложенной в консультативном заключении от 7 декабря 2018 года по заявлению Комиссии. В названном акте

Суд указал, что на государства – члены Союза возложена обязанность исполнять решения Комиссии, а при несогласии им предоставлено право обжаловать данные решения в установленном правом Союза порядке. Неисполнение решений Комиссии, вступивших в законную силу и не оспоренных в установленном порядке, не согласуется с Договором.

Использование данного подхода при толковании норм права Союза в области технического регулирования означает, что технические регламенты, принятые Комиссией в целях реализации Договора и Протокола как его неотъемлемой части, развивают нормы Договора и Протокола посредством их дополнения и уточнения. Технические регламенты являются действительными до момента их отмены в предусмотренном правом Союза порядке, а их нормы представляют собой специальное правило (*lex specialis*) по сравнению с общими положениями Договора и Протокола (*lex generalis*). В силу общепризнанного принципа международного права *lex specialis derogat lex generalis* именно специальные нормы подлежат применению при регулировании конкретных общественных отношений.

3.3. В соответствии со статьей 26 Венской конвенции о праве международных договоров каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться.

Применение данного правила к обязательствам государств-членов в сфере технического регулирования означает недопустимость отказа от выполнения норм Договора и принятых в развитие его положений технических регламентов Союза.

Технический регламент о безопасности колесных транспортных средств вступил в силу, не отменен и не признан не соответствующим праву Союза.

Установление в Техническом регламенте о безопасности колесных транспортных средств перечня заявителей при оценке соответствия, включая физических лиц, осуществляющих ввоз транспортных средств для собственных нужд, означает недопустимость ограничения государством-членом права указанных лиц инициировать соответствующую процедуру.

Несоблюдение государством-членом правовых предписаний представляет собой неисполнение норм Договора о применении технических регламентов без изъятий и влечет создание технических барьеров, что приводит к возникновению препятствий при функционировании внутреннего рынка Союза.

Учитывая целевую направленность Технического регламента о безопасности колесных транспортных средств на обеспечение защиты жизни и здоровья человека при выпуске транспортных средств в обращение и нахождении в эксплуатации на единой таможенной территории Союза, отказ государства-члена от выполнения его норм в части форм и процедур оценки соответствия единичных транспортных средств, ввезенных и выпущенных в обращение на территории Союза физическими лицами для личных нужд, привел к обосно-

ванному применению участниками Договора пункта 9 Протокола и пункта 103 указанного технического регламента, запрещающих постановку на государственный учет и эксплуатацию на дорогах общего пользования транспортных средств на их территории.

4. С учетом изложенного полагаю, что Большой коллегии Суда надлежало сформулировать ответ на вопрос заявителя следующим образом:

Взаимосвязанное толкование пунктов 1 и 2 статьи 53 Договора, абзацев 6 и 7 пункта 5 Протокола свидетельствует, что при оценке соответствия продукции, выпуск которой в обращение осуществляется с целью распространения в ходе коммерческой деятельности, заявителями могут быть только юридические и физические лица, имеющие статус индивидуального предпринимателя, *зарегистрированные на территории государства – члена Союза в соответствии с его законодательством.*

Абзац 7 пункта 5 Протокола является самостоятельной правовой нормой и наделяет Комиссию правом при оценке соответствия продукции устанавливать круг заявителей в зависимости от объекта технического регулирования.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-2/4-19-БК)

город Минск

31 октября 2019 года

Категорически не соглашаюсь с мотивировочной частью консультативного заключения по делу по заявлению Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) о разъяснении пунктов 1, 2 статьи 53 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), абзацев 6, 7 пункта 5 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Протокол) и в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение.

Полагаю, что вынесенное консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) от 31 октября 2019 года следует оценивать во взаимосвязи с консультативным заключением от 16 октября 2019 года, так как оба акта рекомендуют ввести изъятия из права Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз).

При этом консультативным заключением от 31 октября 2019 года отдельному государству Союза, Республике Беларусь, рекомендовано воздержаться от исполнения обязательств по вопросам оценки соответствия, закрепленных в техническом регламенте Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011), утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 877 (далее – ТР ТС 018/2011), что явно вторгается в компетенцию Союза, так как в абзаце 7 пункта 5 Протокола прямо предписано, что круг заявителей при оценке соответствия устанавливается в соответствии с техническим регламентом Союза, который принимается Комиссией.

К сожалению, Суд отказался от юридического толкования и осуществил разъяснение экономических терминов (коммерческая деятельность, обращение продукции) вне правовых категорий, что и привело к установлению очередного изъятия из права Союза – рекомендовано допускать выпуск в гражданско-правовой оборот несертифицированной продукции.

1. В обоснование своей позиции отмечаю, что подпунктом 2) пункта 1 статьи 51 Договора предусмотрено, что техническое регулирование в рамках

Союза осуществляется в соответствии с принципом установления единых обязательных требований в технических регламентах Союза.

Подчеркиваю: технические регламенты различаются в зависимости от технических характеристик продукции (например, к косметическим товарам применяются иные требования, чем те, которые установлены применительно к источникам повышенной опасности).

Абзацем 3 пункта 1 статьи 52 Договора установлено, что порядок разработки и принятия технических регламентов Союза, а также порядок внесения в них изменений и отмены определяются Комиссией.

Из пункта 2 статьи 52 Договора следует, что технические регламенты Союза имеют прямое действие на территории Союза.

Подпунктом 3) пункта 3 Положения о Комиссии (приложение № 1 к Договору) установлено, что Комиссия осуществляет свою деятельность, среди прочего, в сфере технического регулирования.

Следовательно, Договором закреплено, что Комиссией в Союзе реализуется единая политика в сфере технического регулирования, а технические регламенты действуют в государствах – членах Союза напрямую, без необходимости издания национальных актов. При этом ответственность за несоблюдение технических регламентов физические и юридические лица несут по национальному праву.

Статья 2 Договора исходит из того, что «единая политика» – политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных настоящим Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

Как следует из консультативного заключения Суда от 4 апреля 2017 года, для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям: 1) наличие унифицированного правового регулирования; 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Одновременно ни Договор, ни практика Суда не содержат возможности отхода (изъятий) от единого регулирования Союза после передачи Союзу регулирующей компетенции.

В том случае, если государство не выполняет обязательства, составляющие единую политику Союза, и развивает свою компетенцию в обход Договора, оно нарушает международный договор, а именно – абзац 2 статьи 3 Договора, то есть использует меры, способные поставить под угрозу достижение целей Союза.

2. Пунктом 1 статьи 53 Договора предусмотрено, что продукция, выпускаемая в обращение на территории Союза, должна быть безопасной.

Правила и порядок обеспечения безопасности и обращения продукции, требования к которой не установлены техническими регламентами Союза, определяются международным договором в рамках Союза.

Следовательно, целью технического регулирования в Союзе является установление правил, гарантирующих безопасность продукции, то есть отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью причинения вреда и (или) нанесения ущерба (пункт 2 Протокола).

Способ реализации указанной цели правового регулирования закреплен в пункте 2 статьи 52 Договора, согласно которому продукция, в отношении которой вступил в силу технический регламент Союза (технические регламенты Союза), выпускается в обращение на территории Союза при условии, что она прошла необходимые процедуры оценки соответствия, установленные техническим регламентом Союза (техническими регламентами Союза).

Таким образом, норма пункта 2 статьи 52 Договора предусматривает, что выпуск продукции в обращение зависит от того, прошла ли она соответствующие процедуры оценки соответствия, которые установлены техническим регламентом Союза.

При этом императивная норма пункта 2 статьи 52 Договора, акта, обладающего высшей юридической силой в Союзе, не предусматривает, что решение вопроса о безопасности продукции может зависеть от статуса заявителя в процедуре оценки соответствия. Статус заявителя не определяет безопасность продукции.

3. Относительно спорной нормы, содержащейся в абзаце 6 пункта 5 Протокола, отмечаю, что в диспозиции данной нормы установлено, что при оценке соответствия заявителем могут быть зарегистрированные на территории государства-члена в соответствии с его законодательством юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом.

Одновременно абзацем 7 пункта 6 Протокола предписывается, что круг заявителей устанавливается в соответствии с техническим регламентом Союза.

Правила юридической техники свидетельствуют, что «нормативные высказывания в любой сфере правового регулирования оформляются в виде распространенных повествовательных предложений, которые содержат явное или подразумеваемое «должно быть»...» (Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма; Инфра-М, 2010. С. 37-38).

Поскольку в диспозиции нормы, закрепленной в абзаце 6 пункта 5 Протокола, содержится глагол «могут быть», данная норма лишена обязательности («должно быть»). Данный вывод также подтверждается тем, что абзацем 7 пункта 6 Протокола установлено, что круг заявителей устанавливается в соответствии с техническим регламентом Союза.

Следовательно, взаимосвязанное прочтение норм абзацев 6 и 7 пункта 5 Протокола свидетельствует о том, что конструкция «могут быть» предполагает диспозитивность нормы абзаца 6 пункта 5 Протокола, Комиссия при этом вправе установить круг заявителей самостоятельно.

При составлении ТР ТС 018/2011 Комиссия учла, что осуществлять ввоз транспортных средств на территорию Союза могут также и физические лица, и реализовала норму абзаца 6 пункта 5 Протокола в пунктах 68-71 ТР ТС 018/2011. Так, пункт 69 ТР ТС 018/2011 предусматривает, что в качестве заявителя при процедуре оценки соответствия единичных транспортных средств выступает изготовитель транспортного средства или его уполномоченный представитель, действующий от его имени, либо лицо, осуществляющее ввоз транспортного средства на единую таможенную территорию Таможенного союза, или его представитель (то есть в том числе и физические лица).

4. В настоящее время общепризнано, что любые колесные транспортные средства (в частности, автомобили) являются источником повышенной опасности независимо от какой-либо квалификации в нормах материального права, что обуславливает необходимость применения норм технического регулирования к данной категории товаров.

Однако в консультативном заключении Большая коллегия Суда избрала формальный подход и заявила, что оценка соответствия колесных транспортных средств зависит от того, «выпускаются ли данные товары в обращение».

В частности, Большая коллегия Суда посчитала, что в пункте 2 Протокола под выпуском продукции в обращение понимается ее поставка, ввоз (в том числе отправка со склада изготовителя или отгрузка без складирования) с целью распространения на территории Союза в ходе коммерческой деятельности на безвозмездной или возмездной основе.

По мнению Большой коллегии Суда, из этого следует, что отсутствие у поставщика (лица, осуществляющего ввоз) продукции, входящей в единый перечень, в отношении которой действует технический регламент Союза, цели распространения этой продукции на территории Союза в ходе коммерческой деятельности не предполагает проверку продукции на соответствие требованиям технического регламента.

Полагаю, что данное мнение Большой коллегии Суда относится к тому, что в юриспруденции принято именовать “legal purism” (юридическим чистоплюйством), формальным толкованием, не учитывающим суть явления в его юридическом смысле.

Главное, что искажает содержание технических регламентов в прочтении Большой коллегии Суда, – это неюридический характер толкования: в заключении используются исключительно экономические понятия (коммерческая деятельность, обращение продукции и прочее). Все эти понятия в праве реализуются в юридической форме – сделка, гражданско-правовой договор. Иной

формы оформления коммерческой деятельности не существует. Гражданское право всех государств – членов Союза не содержит исключений для дееспособных граждан на участие в гражданском обороте с целью заключения сделок в отношении источников повышенной опасности – колесных транспортных средств. Граждане имеют право их покупать и продавать. Суть вопроса лишь в том, могут ли они участвовать в сделках в отношении несертифицированного товара, не прошедшего процедуру оценки соответствия. Исходя из норм Союза о защите жизни и здоровья граждан Союза (пункт 1 статьи 52 Договора) ответ на этот вопрос должен быть отрицательным.

Большая коллегия Суда не учла, что граждане государств – членов Союза вправе ввозить на таможенную территорию Союза товары для личного пользования, впоследствии граждане также вправе вводить эти товары в гражданский (в экономическом смысле – коммерческий) оборот, то есть распоряжаться ввезенными товарами при участии в сделках (например, через договор дарения, купли-продажи и прочих).

Данная деятельность граждан будет отличаться от коммерческой деятельности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц лишь масштабами, но юридическая суть этой деятельности одна – сделка, как правило, с целью получения прибыли (коммерческий оборот).

Если допустить изъятие части сделок из правового регулирования, на территорию Союза могут быть ввезены так называемые «единичные транспортные средства», то есть, например, ввозимые физическим лицом для собственных нужд (пункт 6 ТР ТС 018/2011). Поскольку в силу пункта 1 статьи 1 Договора в Союзе действует единый рынок товаров, впоследствии такие «единичные транспортные средства», ввезенные для личных нужд, могут быть перепроданы третьим лицам, например, в Российскую Федерацию, Республику Казахстан и другие государства – члены Союза, где могут проявиться негативные последствия ранее не выявленного несоответствия нормам технического регулирования. Как следствие, на общем рынке Союза появятся технические средства, опасные для жизни и здоровья граждан Союза.

Неюридическое толкование позволит не считать данную деятельность «коммерческой» или «предпринимательской» с точки зрения Протокола, но по гражданскому законодательству государств – членов Союза она будет именно такой (продажа с целью получения прибыли).

В конечном итоге буквалистское толкование может привести к изъятию и причинению вреда жизни и здоровью граждан и иных лиц. Для того, чтобы минимизировать риски наступления негативных последствий, Комиссия выработала специальную процедуру, которая писана в пунктах 68-71 ТР ТС 018/2011 и предполагает оценку соответствия «единичных транспортных средств».

5. Довод о том, что обязательная оценка соответствия «единичных транспортных средств» не может применяться, поскольку возложит существенное финансовое бремя на белорусских граждан и повлечет нарушение их права собственности, полагаю несостоятельным, поскольку в настоящем деле также поднимается вопрос о реализации государствами – членами Союза своих позитивных обязанностей в контексте неотъемлемого права на жизнь.

У государств – членов Союза существует обязанность не только воздерживаться от преднамеренного или незаконного лишения жизни человека (негативное обязательство), но также и обязанность принимать необходимые меры по охране жизни человека, находящегося под их юрисдикцией.

В то же время право собственности может быть ограничено в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Кроме того, право собственности не может умалять право государства обеспечивать выполнение таких норм, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов (статья 1 протокола 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года).

Соответственно, в данном случае нужно установить баланс между возможностью ввоза «единичных транспортных средств», влекущего необходимость оплаты деятельности аккредитованной испытательной лаборатории, и безопасностью жизни граждан. Такой баланс можно было бы найти в установлении бесплатной (дотируемой государством) процедуры оценки соответствия, если такую оценку лицо, осуществляющее ввоз, оплатить не может. Ввиду того, что отсутствие оценки соответствия в Республике Беларусь может повлечь взимание большего объема таможенных пошлин, данное регулирование могло бы достичь баланса между правом собственности и правом человека на жизнь.

Одновременно в случае отступления Республики Беларусь от правил, содержащихся в пунктах 68-71 ТР ТС 018/2011, и выявления того, что товары, ввозимые из одного государства – члена Союза, не прошли процедуру оценки соответствия, установленную Комиссией, другие государства – члены Союза вправе реализовать статью 29 Договора и применить ограничения в сфере взаимной торговли.

Итак, техническое регулирование входит в единую политику Союза, поэтому государства – члены Союза не вправе в одностороннем порядке устанавливать какие-либо изъятия в данной сфере. Комиссия обладает правом устанавливать (изменять) круг заявителей в ходе процедуры оценки соответствия, исходя из объекта технического регулирования. Безопасность продукции не может зависеть от статуса заявителя в ходе процедуры оценки соответствия.

Вывод:

1. Установление круга заявителей в ходе процедуры оценки соответствия входит в единую политику Союза и составляет компетенцию Комиссии.

2. У государств – членов Союза отсутствует право устанавливать изъятия из единых обязательных требований Договора и технических регламентов, принятых Комиссией, в зависимости от субъекта, ввозящего техническую продукцию.

Судья

Т.Н. Нешагаева

Резюме
по делу о разъяснении по заявлению
Евразийской экономической комиссии
№ СЕ-2-2/4-19-БК

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О разъяснении положений пунктов 1 и 2 статьи 53 Договора во взаимосвязанном прочтении с положениями абзацев шестого и седьмого пункта 5 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (Приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Техническое регулирование – колесные транспортные средства – выпуск продукции в обращение – оценка соответствия объектов технического регулирования; заявители при оценке соответствия – юридические лица; заявители при оценке соответствия – физические лица.

Технический регламент Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011), утвержденный Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 877 – Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (Приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Консультативное заключение – разъяснение Договора о Союзе – особые мнения.

Описание:

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении положений Договора о Союзе, а именно пунктов 1 и 2 статьи 53 Договора о Союзе во взаимосвязанном прочтении с положениями абзацев шестого и седьмого пункта 5 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (Приложение № 9 к Договору о Союзе).

Основанием для обращения послужили результаты мониторинга и контроля исполнения государствами – членами ЕАЭС положений Договора о Союзе и решений Комиссии в сфере технического регулирования, в ходе чего была выявлена различная практика применения в государствах-членах положений технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011), утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 877. Так, государства практиковали различный подход к регулированию получения физическими лицами

документов об оценке соответствия в отношении транспортных средств, ввозимых на таможенную территорию Союза для личного пользования.

По мнению Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь в соответствии с Договором о Союзе физическое лицо не может быть заявителем при осуществлении оценки соответствия требованиям ТР ТС 018/2011 единичных транспортных средств, ввозимых на таможенную территорию Союза для личного пользования.

Другие государства-члены, придерживаясь иного подхода, полагали, что любая продукция, в отношении которой установлены обязательные требования, должна быть безопасной, и может выпускаться в обращение только после прохождения процедур оценки соответствия.

31 октября 2019 года Большая коллегия Суда предоставила консультативное заключение, в котором пришла к выводу о том, что круг заявителей при оценке соответствия устанавливается техническим регламентом из числа лиц, зарегистрированных на территории государства-члена в соответствии с его законодательством – юридических лиц или физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей, являющихся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом, – в зависимости от особенностей объекта технического регулирования.

К консультативному заключению Суда приложены особые мнения судей Нешатаевой Т.Н. и Чайки К.Л.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда:

1. Отсутствие у поставщика (лица, осуществляющего ввоз) продукции, входящей в единый перечень, в отношении которой действует технический регламент Союза, цели распространения этой продукции на территории Союза в ходе коммерческой деятельности не предполагает проверку продукции на соответствие требованиям технического регламента.

(абзац 3 п. 5 раздела «Выводы Суда»)

2. При оценке соответствия заявителями могут быть только субъекты, которые по смыслу нормы-определения пункта 2 Протокола занимаются поставкой или ввозом продукции с целью ее распространения на территории Союза в ходе коммерческой деятельности, то есть юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Из этого следует, что физические лица, ввозящие единичные товары для личного пользования, не могут быть заявителями при оценке соответствия.

(абзацы 4-5 п. 6 раздела «Выводы Суда»)

3. Круг субъектов, обладающих правом подавать заявление на оценку соответствия продукции, ограничен двумя категориями лиц: юридическими лицами, физическими лицами в качестве индивидуального предпринимателя, к которым предъявляются следующие обязательные требования:

они должны быть зарегистрированы на территории государства-члена в соответствии с его законодательством;

они должны являться изготовителем или продавцом, либо уполномоченным изготовителем лицом.

(абзац 2 п. 7 раздела «Выводы Суда»)

4. В соответствующем техническом регламенте Союза из числа субъектов, отмеченных в абзаце шестом пункта 5 Протокола, уточняется (детализируется) субъектный состав лиц, подающих заявление, исходя из конкретного вида и свойств продукции, являющейся объектом технического регулирования, и применительно к конкретной форме оценки соответствия.

Иное толкование, подразумевающее, что абзац седьмой пункта 5 Протокола позволяет дополнить в техническом регламенте Союза субъектный состав нормы, установленной абзацем шестым данного пункта, фактически лишает сам абзац шестой полезного действия, поскольку его отсутствие при подобном толковании никак не влияет на результат правового регулирования правоотношения.

(абзац 2, 4 п. 8 раздела «Выводы Суда»)

Case Summary
on Clarification based on the Application Filed by
the Eurasian Economic Commission
№ CE-2-2/5-19-БК

Keywords:

Eurasian Economic Commission (EEC, Commission)

On the clarification of Article 3, paragraph 7 of Article 16 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29 May 2014 (Treaty) and paragraph 30 of the Regulation on the Eurasian Economic Commission (Annex 1 to the Treaty).

Powers of Union bodies; procedure for cancellation or amendment of a decision adopted by the Board of the EEC; suspension of decisions adopted by the Board of the EEC; entry into force of decisions adopted by the Board of the EEC; procedure for the exercise of rights by Member-States; conditions to appeal a decision adopted by the Board of the EEC.

Article 3, paragraph 7 of Article 16 of the Treaty, paragraph 30 of the EEC Regulation.

Substance of the case:

The Commission applied to the Court of the Eurasian Economic Union (Court) to request clarification of the provisions of Article 3, paragraph 7 of Article 16 of the Treaty, paragraph 30 of the Regulation on the Eurasian Economic Commission (EEC Regulation). The Commission requested the Court to clarify whether the right of a head of government of a Member-State to apply to the Commission with a proposal to cancel or amend a decision adopted by the Board of the EEC within a 30-day period, as established by the fourth indent of paragraph 30 of the EEC Regulation, whereas such application leads to the suspension of entry into force of the decision until the question is considered by the Eurasian Intergovernmental Council, is unconditional or whether it is conditioned upon satisfying the provisions of the first, third and fourth indents of paragraph 30 of the EEC Regulation.

The Grand Chamber of the Court delivered an advisory opinion on 16 October 2019, where it resolved that the right of a head of government of a Member-State to apply to the Commission with such a proposal arises when the procedural conditions of indents one – three of paragraph 30 are met.

The Court held that in order to properly ensure the equality and cooperation between the EAEU Member-States it may be necessary to review, upon a proposal by a Member-State, an EEC Decision, whether in force or not, at the level of the Eurasian Intergovernmental Council (Intergovernmental Council) and (or) the Supreme Eurasian Economic Council (Supreme Council) pursuant to paragraph 30 of the EEC Regulation, Articles 12 and 16 of the Treaty. Established procedures guarantee that an EEC Decision can be cancelled, amended, or its entry into force or effect can be suspended.

As such, subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 12 and paragraph 7 of Article 16 of the Treaty establish a right of a Member-State to propose issues relating to the cancellation or amendment of EEC decisions for the consideration of the Intergovernmental Council or the Supreme Council. However, consequences that imply the suspension of effect of a reviewed decision will ensue only when the Intergovernmental Council has adopted a separate decision to this effect in accordance with paragraph 8 of Article 16 of the Treaty.

In its turn, paragraph 30 of the EEC Regulation establishes a special procedure for the review of decisions of the Board of the EEC which have not entered into force. This procedure does not imply that the Intergovernmental Council should adopt a separate decision on the non-entry into force and suspension of the reviewed decision of the Board of the EEC. Recourse by a Member-State to the right of review of an EEC decision, which has not entered into force, in virtue of paragraph 30 of the EEC Regulation, requires compliance with a set of mandatory conditions – in particular, the decision of the Board of the EEC should be appealed within 15 days of the date of its publication.

The Grand Chamber of the Court indicated that a head of government of a Member-State may apply to the EEC with a proposal to cancel or amend an EEC Board decision without preliminary appeal at any stage before its entry into force when such a decision falls into one of the following two categories:

- decisions improving the situation of natural and/or juridical persons
- decisions taken in exceptional cases requiring rapid response

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. The provision in paragraph 2 of Article 8 of the Treaty that “Bodies of the Union shall act within the powers accorded to them by this Treaty and international treaties within the Union” means not only that the bodies of the Union are prohibited from acting outside of the competences accorded to them by those legal acts, but also that the exercise of their powers should be in line with the Union’s objectives and carried out in accordance with the procedure established by the Treaty and international treaties within the Union.

(see subparagraph 8 of paragraph 3, Section IV “Court’s Findings”)

2. Paragraph 30 of the EEC Regulation establishes a special procedure applicable only to the review of EEC Board decisions, which have not entered into force. It follows from a textual reading of the sixth indent of paragraph 30 of the EEC Regulation that a proposal to cancel or amend a decision of the Board of the EEC, submitted in accordance with the procedure laid down in paragraph 30 of the Regulation, is an independent legal fact which entails the suspension of entry into force of such a decision without the need for adoption of a separate decision to this end.

(see subparagraphs 9 and 10 of paragraph 3, Section IV “Court’s Findings”)

3. The time-limit established by the first indent of paragraph 30 of the EEC Regulation is preclusive. The Treaty does not allow for a proposal to cancel or amend an EEC Board decision to be submitted outside of the time-frame defined in the first indent of paragraph 30 of the Regulation. Furthermore, the Treaty does not contemplate that the time-frame for such a proposal can be suspended or extended.

(see subparagraph 2 of paragraph 4, Section IV “Court’s Findings”)

4. The provisions of the fourth indent of paragraph 30 cannot operate unless the preceding indents of this paragraph are complied with. The observance of the rules established in the first indent of paragraph 30 of the EEC Regulation is the primary condition that has to be met for the entire mechanism contemplated by paragraph 30 of the Regulation to be applicable, including the fourth indent of this paragraph.

(see subparagraphs 8 and 9 of paragraph 5, Section IV “Court’s Findings”)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

3 июня 2019 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
председательствующего судьи Баишева Ж.Н.,
судьи-докладчика Федорцова А.А.,
судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н.,
Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л.,
при секретаре судебного заседания Буднике Я.В.,
рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

В заявлении Комиссии указано, что в практике ее работы возникают вопросы по применению пункта 30 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору, далее – Положение) в части приостановления вступления в силу решения Коллегии Комиссии при поступлении в Комиссию в соответствии с данным пунктом обращения главы правительства государства – члена Евразийского экономического союза (далее – Союз) с предложением об отмене указанного решения или внесении в него изменений.

Заявитель просит Суд предоставить консультативное заключение по следующему вопросу: следует ли из взаимосвязанного толкования норм статьи 3, пункта 7 статьи 16 Договора и пункта 30 Положения, что возникновение права главы правительства государства-члена на обращение с предложением об отмене или внесении изменений в решение Коллегии Комиссии в пределах тридцатидневного срока, установленного абзацем четвертым пункта 30 Положения, влекущее приостановление вступления в силу такого решения до рассмотрения соответствующего вопроса на заседании Межправительственного совета, является безусловным, либо такое право носит условный характер и его возникновение ограничено положениями абзацев первого, третьего и четвертого пункта 30 Положения.

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут) Суд по заявлению органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Разъяснение положений Договора, в том числе пункта 30 Положения, который просит разъяснить заявитель, входит в компетенцию Суда.

Заявление о разъяснении подано Комиссией, являющейся органом Союза.

Большая коллегия Суда находит, что заявление о разъяснении соответствует требованиям, предусмотренным статьей 10 Регламента: содержит обязательные элементы, установленные пунктом 1 статьи 10 Регламента, подписано в соответствии с пунктом 2 статьи 10 и пунктом 1 статьи 31 Регламента Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии.

Ранее консультативное заключение по вопросу, поставленному заявителем, Судом не принималось.

Следуя нормам статьи 73 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), Большая коллегия Суда приходит к выводу, что оснований для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству не имеется.

Принимая во внимание изложенное, руководствуясь пунктами 46, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута, статьями 10, 73 и 74 Регламента, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 15 июля 2019 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Копию настоящего постановления направить заявителю.

4. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий
Судьи

Ж.Н. Баишев
А.М. Ажибраимова
Э.В. Айриян
Д.Г. Колос
Т.Н. Нешатаева
В.Х. Сейтимова
Г.А. Скрипкина
А.Э. Туманян
А.А. Федорцов
К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

16 октября 2019 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Федорцова А.А., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Буднике Я.В., исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73 и 96 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72 и 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза, предоставляет настоящее Консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия, ЕЭК) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

В заявлении указано, что в практике работы ЕЭК возникают вопросы по применению пункта 30 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору, далее – Положение) в части приостановления вступления в силу решения Коллегии Комиссии при поступлении в Комиссию в соответствии с данным пунктом обращения главы правительства государства – члена Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) с предложением об отмене указанного решения или внесении в него изменений.

Заявитель просит Суд предоставить консультативное заключение по следующему вопросу: следует ли из взаимосвязанного толкования норм статьи 3, пункта 7 статьи 16 Договора и пункта 30 Положения, что возникновение права главы правительства государства-члена на обращение с предложением об отмене или внесении изменений в решение Коллегии Комиссии в пределах тридцатидневного срока, установленного абзацем четвертым пункта 30 Положения, влекущее приостановление вступления в силу такого решения до рассмотрения соответствующего вопроса на заседании Евразийского межправительственного совета (далее – Межправительственный совет), является безусловным, либо такое право носит условный характер и его возникновение

ограничено положениями абзацев первого, третьего и четвертого пункта 30 Положения.

II. Компетенция Суда

Постановлением Большой коллегии Суда от 3 июня 2019 года рассмотрение вопроса, поставленного в заявлении Комиссии, признано соответствующим компетенции Суда и заявление принято к производству.

Компетенция Суда по разъяснению поставленного Комиссией вопроса взаимосвязанного толкования и правильного применения норм, изложенных в статьях 3 и 16 Договора, пункте 30 Положения, подтверждена в процессе рассмотрения заявления о разъяснении и подготовки настоящего Консультативного заключения.

Нормы Договора, изложенные в заявлении Комиссии, относятся к праву Союза, разъяснение которого в соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут) входит в компетенцию Суда. Комиссия относится к органам, правомочным обратиться в Суд с заявлением о разъяснении.

III. Процедура в Суде

С целью наиболее полного уяснения поставленных Комиссией вопросов, а также правильного и единообразного толкования и применения права Союза Судом в рамках подготовки дела к рассмотрению были направлены запросы в адрес Комиссии, министерств юстиции, научных и образовательных учреждений государств-членов.

Мнения по поставленным вопросам, касающимся интеграционного права, высказаны министерствами юстиции Республики Армения, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Российской Федерации, специалистами Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Белорусского государственного университета, Казахского национального университета имени аль-Фараби, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС. Судом изучена практика применения анализируемых норм Комиссией.

IV. Выводы Суда

Руководствуясь пунктом 50 Статута, Большая коллегия Суда осуществляет разъяснение положений Договора в их системной взаимосвязи на основе общепризнанных принципов и норм международного права, в том числе положений статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, которая гласит, что договор должен толковаться добро-

совестно, в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам международного договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

1. Статья 3 Договора определяет основные принципы функционирования Союза.

Основные принципы функционирования Союза реализуются в организации и деятельности его органов, в том числе в процессе принятия и действия решений органов Союза.

Для надлежащего обеспечения равенства всех участников ЕАЭС, сотрудничества между ними может возникнуть необходимость рассмотрения по предложению государства-члена решения Комиссии, как вступившего в силу, так и не вступившего, на уровне Межправительственного совета и (или) Высшего Евразийского экономического совета (далее – Высший совет) в соответствии с пунктом 30 Положения, статьями 12 и 16 Договора. Установленные механизмы гарантируют возможность отмены или изменения, приостановления вступления в силу или приостановления действия решения Комиссии.

2. Статья 8 Договора устанавливает институциональную систему Союза, в состав которой в соответствии с пунктом 1 данной статьи входят Высший совет и Межправительственный совет, Комиссия и Суд. Пунктом 2 данной статьи предусмотрено, что органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им Договором и международными договорами в рамках Союза.

В соответствии со статьями 10 и 12 Договора высшим органом Союза является Высший совет, который рассматривает принципиальные вопросы деятельности Союза, определяет стратегию, направления и перспективы развития интеграции и принимает решения, направленные на реализацию целей Союза.

Межправительственный совет является органом Союза, обеспечивающим реализацию и контроль за исполнением Договора, международных договоров в рамках Союза и решений Высшего совета, осуществляет ряд других функций, определенных статьей 16 Договора.

Евразийская экономическая комиссия в соответствии со статьей 18 Договора является постоянно действующим регулирующим органом Союза. Комиссия состоит из Совета и Коллегии.

Совет Комиссии осуществляет общее регулирование интеграционных процессов в Союзе, а также общее руководство деятельностью Комиссии (пункт 22 Положения).

Коллегия Комиссии в соответствии с пунктом 31 Положения является исполнительным органом Комиссии.

Регулирующее воздействие Комиссии реализуется, главным образом, посредством принятия решений, распоряжений и рекомендаций.

В соответствии с пунктом 14 Положения решения, распоряжения и рекомендации Комиссии принимаются Советом Комиссии и Коллегией Комиссии в пределах полномочий, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза, и в порядке, предусмотренном Договором и Регламентом работы Евразийской экономической комиссии (далее – Регламент), который утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98.

Согласно пункту 11 Положения порядок деятельности Совета Комиссии и Коллегии Комиссии определяется Регламентом.

Пункт 31 Регламента устанавливает, что Совет Комиссии рассматривает вопросы, отнесенные к его компетенции согласно приложению № 1, а также в соответствии с Договором и положениями разделов II – VI Регламента.

3. В соответствии с подпунктом 8 пункта 2 статьи 12 Договора одно из полномочий Высшего совета заключается в рассмотрении по предложению государств-членов вопросов, касающихся отмены или изменения решений, принятых Межправительственным советом или Комиссией с учетом положений пункта 7 статьи 16 Договора.

Пункт 7 статьи 16 Договора относит к полномочиям Межправительственного совета рассмотрение по предложению государства-члена вопросов, касающихся отмены или изменения принятых решений Комиссии, либо, в случае недостижения согласия, внесение их на рассмотрение Высшего совета. Пункт 8 этой же статьи Договора предоставляет Межправительственному совету право на принятие решений о приостановлении действия решений Совета и Коллегии Комиссии.

Пункт 30 Положения и раздел IV Регламента регулируют вопросы отмены решений Комиссии, принятых Коллегией, или внесения в них изменений на основании обращений государств-членов, членов Совета. Пункт 30 Положения расположен в разделе II «Совет Комиссии», что предполагает его рассмотрение и толкование в свете полномочий, функций и процедуры деятельности Совета Комиссии.

Большая коллегия Суда полагает, что нормы статей 12, 16 Договора и пункта 30 Положения коррелируют между собой, определяя различные формы обжалования решений органов ЕАЭС.

Подпункт 8 пункта 2 статьи 12, пункт 7 статьи 16 Договора предоставляют государству-члену право внести на рассмотрение Высшего совета и Межправительственного совета вопрос, касающийся отмены или изменения решения Комиссии.

Такие предложения подлежат рассмотрению и по ним может быть принято решение об отмене или изменении в соответствии с общими правилами работы Высшего совета и Межправительственного совета (статьи 11 и 15 До-

говора, решения Высшего Евразийского экономического совета от 21 ноября 2014 года № 89 и от 23 декабря 2014 года № 96).

Большая коллегия Суда полагает, что реализация положений пункта 7 статьи 16 Договора не влечет приостановление действия соответствующих решений Комиссии. Такие последствия наступают лишь при принятии Межправительственным советом отдельного решения о приостановлении действия обжалуемого решения в соответствии с пунктом 8 статьи 16 Договора.

Толкование пунктов 1 и 2 статьи 8, подпункта 8 пункта 2 статьи 12, пунктов 7 и 8 статьи 16, статьи 18 Договора свидетельствует о создании в рамках институциональной системы Союза последовательной процедуры пересмотра решений Коллегии Комиссии Советом Комиссии, а также их обжалования в Межправительственный совет и Высший совет. Указание в пункте 2 статьи 8 Договора на то, что «органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза», означает не только запрет органам Союза выходить за пределы предоставленных им данными актами полномочий, но и то, что реализация данных полномочий должна согласовываться с целями Союза и осуществляться в строгом соответствии с процедурой, предусмотренной Договором, международными договорами в рамках Союза. Анализ релевантных положений права Союза свидетельствует, что нормой, регламентирующей порядок реализации полномочий высших органов Союза по отмене и изменению решений Коллегии и Совета Комиссии, является пункт 30 Положения.

Пункт 30 Положения устанавливает специальный порядок обжалования только решений Коллегии Комиссии, которые не вступили в силу. При этом установленная указанным пунктом Положения процедура обжалования не вступившего в силу решения не предусматривает принятие отдельного решения о невступлении в силу и приостановлении соответствующего решения Коллегии Комиссии.

Из буквального толкования абзаца шестого пункта 30 Положения следует, что предложение о внесении изменений или отмене решения Коллегии Комиссии в порядке пункта 30 Положения является самостоятельным юридическим фактом, с которым связано приостановление вступления в силу такого решения и для чего не требуется принятие отдельного решения.

Большая коллегия Суда считает необходимым акцентировать внимание на особенностях акта, пересмотр которого возможен в порядке обращения в Межправительственный и (или) Высший совет.

Из подпункта 8 пункта 2 статьи 12, пункта 7 статьи 16 Договора и пункта 30 Положения следует, что перед Межправительственным советом и Высшим советом может быть поставлен вопрос об отмене решения Комиссии, что является основанием приостановления его действия.

В соответствии со статьей 2 Договора решение – это акт, принимаемый органами Союза, содержащий положения нормативно-правового характера. В силу пункта 13 Положения в пределах своих полномочий Комиссия принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов. Нормативный характер правового акта проявляется в возможности его неоднократного применения и в направленности регулирующего воздействия на неопределенный круг лиц.

4. В соответствии с абзацем первым пункта 30 Положения государство-член или член Совета Комиссии имеет право в течение 15 календарных дней с даты опубликования решения Коллегии Комиссии внести в Коллегию Комиссии предложение о его отмене или внесении в него изменений.

Срок, установленный абзацем первым пункта 30 Положения, по мнению Большой коллегии Суда, является пресекательным. Договор не допускает внесения предложения об отмене или внесении изменений в решение Коллегии Комиссии за пределами временных рамок, определенных абзацем первым пункта 30 Положения. Кроме того, Договором не предусматривается приостановление либо продление срока для внесения такого предложения.

При этом Большая коллегия Суда обращает внимание, что срок, указанный в абзаце первом пункта 30 Положения, значительно меньше 30-дневного срока, установленного абзацем первым пункта 16 Положения, согласно которому, в случае если иное не предусмотрено Договором и международными договорами в рамках Союза, решения Комиссии вступают в силу не ранее чем по истечении 30 календарных дней с даты их официального опубликования.

Право Союза различает решения Коллегии Комиссии с общим (абзац первый пункта 16 Положения) и сокращенным сроком вступления в силу (абзац второй пункта 16 Положения).

Согласно абзацу второму пункта 16 Положения в отдельных случаях может предусматриваться иной срок вступления в силу решений Комиссии, но не менее 10 календарных дней с даты их официального опубликования.

Сокращенные сроки вступления в силу могут быть установлены Комиссией в отношении решений, указанных в пункте 18 Положения (решения, улучшающие положение физических и (или) юридических лиц), и решений, принимаемых в исключительных случаях, требующих оперативного реагирования.

5. В соответствии с абзацем четвертым пункта 30 Положения государство-член в случае несогласия с не вступившим в силу решением, принятым Советом Комиссии по результатам рассмотрения вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесении в него изменений, либо в случае истечения срока, предусмотренного абзацем третьим данного пункта, но не позднее 30 календарных дней с даты официального опубликования решения Совета Комиссии, может направить в Комиссию письмо за подписью главы правитель-

ства с предложением о внесении соответствующего вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета.

Реализация государством-членом своего права на обжалование в рамках пункта 30 Положения не вступившего в силу решения Комиссии предполагает соблюдение ряда обязательных условий.

Государство-член может обратиться в Комиссию с предложением о внесении соответствующего вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета только в случаях если:

– государство не согласно с решением, принятым Советом Комиссии по результатам рассмотрения вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесении в него изменений, либо

– Совет Комиссии не принял решение по результатам рассмотрения указанного вопроса в течение срока, предусмотренного абзацем третьим пункта 30 Положения, – 10 календарных дней после поступления материалов по соответствующему решению.

Большая коллегия Суда обращает внимание, что право обращения главы правительства с предложением о внесении вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета в соответствии с абзацем четвертым пункта 30 Положения обусловлено наличием обязательного факта обжалования решения Коллегии Комиссии в Совет Комиссии. При этом такое обращение ограничено 15-дневным сроком с даты опубликования оспариваемого решения Коллегии.

Буквальное толкование абзаца четвертого пункта 30 Положения не предусматривает возможность обращения главы правительства с предложением о внесении соответствующего вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета без предварительного обращения государства-члена или члена Совета с соответствующим заявлением в Коллегию Комиссии.

Нормы абзаца четвертого пункта 30 Положения не могут быть реализованы вне связи с соблюдением предыдущих абзацев данного пункта.

При этом соблюдение правил, установленных абзацем первым пункта 30 Положения, то есть внесение уполномоченным субъектом в установленный срок предложения об отмене или внесении изменений в решение Коллегии Комиссии, является первичным условием применения всего механизма, предусмотренного пунктом 30 Положения, включая абзац четвертый данного пункта.

6. Без предварительного оспаривания решения Коллегии Комиссии глава правительства может обратиться с заявлением о его отмене или изменении в соответствии с абзацем пятым пункта 30 Положения в отношении двух категорий решений:

– решений, улучшающих положение физических и (или) юридических лиц,
– решений, принимаемых в исключительных случаях, требующих оперативного реагирования.

В отношении данных категорий решений глава правительства государства-члена вправе обратиться в Комиссию с предложением о внесении вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета на любой стадии до даты их вступления в силу.

Обязательное соблюдение требований абзацев первого – четвертого пункта 30 Положения по данным категориям решений не предусмотрено.

7. В прямой взаимосвязи с предписаниями абзацев первого – пятого пункта 30 Положения находятся и нормы абзаца шестого, который гласит, что решение Коллегии Комиссии, в отношении которого было внесено в соответствии с данным пунктом предложение об отмене или внесении изменений, не вступает в силу и приостанавливается на срок, необходимый для рассмотрения вопроса Межправительственным советом и (или) Высшим советом и принятия соответствующего решения по итогам такого рассмотрения.

Из абзаца шестого пункта 30 Положения следует, что основанием для невступления в силу и приостановления решения Коллегии Комиссии является внесение в отношении такого решения предложения «об отмене или внесении изменений в соответствии с настоящим пунктом», который предусматривает соблюдение порядка, установленного в пункте 5 настоящего Консультативного заключения (первоначальное внесение государством-членом или членом Совета Комиссии предложения об отмене или внесении изменений в решение Коллегии Комиссии в течение 15 календарных дней, рассмотрение материалов Советом Комиссии, в случаях несогласия с решением Совета либо непринятия решения Советом Комиссии направление письма за подписью главы правительства).

Большая коллегия Суда полагает, что пункт 30 Положения предусматривает невступление в силу и приостановление решения Коллегии Комиссии на основании обращения государства-члена с письмом за подписью главы правительства в Комиссию с предложением о внесении на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесении в него изменений в случаях если:

1 – после внесения в Коллегию Комиссии в течение 15 календарных дней с даты опубликования решения Коллегии Комиссии предложения о его отмене или внесении изменений:

а) государство-член не согласно с решением, принятым Советом Комиссии по результатам рассмотрения вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесении в него изменений, либо

б) Совет Комиссии не принял в течение 10 календарных дней соответствующее решение (не рассмотрел вопрос об отмене или внесении изменений в решение Коллегии Комиссии);

2 – предложение относится к решениям Комиссии, указанным в абзаце втором пункта 16 Положения.

Обращение главы правительства государства-члена в иных случаях с предложением о внесении на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесении в него изменений в рамках пункта 30 Положения не влечет невступление в силу и приостановление решения Коллегии Комиссии.

На основании вышеизложенного Большая коллегия Суда приходит к следующему выводу:

Право главы правительства государства-члена на обращение с предложением об отмене или внесении изменений в решение Коллегии Комиссии в пределах 30-дневного срока, установленного абзацем четвертым пункта 30 Положения, влекущее приостановление вступления в силу такого решения до рассмотрения соответствующего вопроса на заседании Межправительственного совета, возникает при условии обращения в Комиссию в порядке, предусмотренном абзацами первым – третьим пункта 30 Положения.

V. Заключительные положения

Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.

Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Резюме по делу № СЕ-2-2/5-19-БК

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК, Комиссия)

О разъяснении положений статьи 3, пункта 7 статьи 16 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и пункта 30 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе).

Полномочия органов Евразийского экономического союза; порядок отмены или внесения изменений в решения Коллегии ЕЭК; приостановление решений Коллегии ЕЭК; вступление в силу решений Коллегии ЕЭК; порядок реализации прав государств-членов; условия реализации права на обжалование решения Коллегии ЕЭК.

Статья 3, пункт 7 статьи 16 Договора; пункт 30 Положения о ЕЭК.

Консультативное заключение – разъяснение положений Договора и Положения о ЕЭК.

Описание:

Комиссия обратилась в Суд Евразийского экономического союза (Суд) с заявлением о разъяснении положений статьи 3, пункта 7 статьи 16 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Договор) и пункта 30 Положения о Евразийской экономической комиссии (Положение). Комиссия просила разъяснить, является ли возникновение права главы правительства государства-члена на обращение с предложением об отмене или внесении изменений в решение Коллегии ЕЭК в пределах 30-дневного срока, установленного абзацем 4 пункта 30 Положения, влекущее приостановление вступления в силу такого решения до рассмотрения соответствующего вопроса на заседании Евразийского межправительственного совета (Межправительственный совет), безусловным, либо такое право носит условный характер и его возникновение ограничено положениями абзацев 1, 3 и 4 пункта 30 Положения.

В консультативном заключении от 16 октября 2019 г. Большая коллегия Суда пришла к выводу о том, что право главы правительства государства-члена на такое обращение возникает при условии обращения в ЕЭК в порядке, предусмотренном абзацами 1 – 3 пункта 30 Положения.

По мнению Суда, для надлежащего обеспечения равенства всех участников ЕАЭС, сотрудничества между ними может возникнуть необходимость рассмотрения по предложению государства-члена решения ЕЭК, как вступившего в силу, так и не вступившего, на уровне Межправительственного совета и (или) Высшего Евразийского экономического совета (Высший совет) в соот-

ветствии с пунктом 30 Положения, статьями 12 и 16 Договора. Установленные механизмы гарантируют возможность отмены или изменения, приостановления вступления в силу или приостановления действия решения ЕЭК.

Так, подпункт 8 пункта 2 статьи 12 и пункт 7 статьи 16 Договора предоставляют государству-члену право внести на рассмотрение Высшего совета и Межправительственного совета вопрос, касающийся отмены или изменения решения ЕЭК. При этом последствия в виде приостановления действия соответствующего решения ЕЭК наступают только при принятии Межправительственным советом отдельного решения в соответствии с пунктом 8 статьи 16 Договора.

В свою очередь, пункт 30 Положения устанавливает специальный порядок обжалования решений Коллегии ЕЭК, которые не вступили в силу. Такая процедура не предусматривает принятие Межправительственным советом отдельного решения о невступлении в силу и приостановлении соответствующего решения Коллегии ЕЭК. Реализация государством-членом своего права на обжалование не вступившего в силу решения ЕЭК в рамках пункта 30 Положения предполагает соблюдение ряда обязательных условий, в частности наличия факта обжалования решения Коллегии ЕЭК в 15-дневный срок с даты его опубликования.

Как указывает Большая коллегия Суда, глава правительства государства-члена может обратиться в ЕЭК с предложением об отмене или изменении решения Коллегии ЕЭК без предварительного оспаривания на любой стадии до даты вступления в силу в отношении двух категорий решений:

- решений, улучшающих положение физических и (или) юридических лиц,
- решений, принимаемых в исключительных случаях, требующих оперативного реагирования.

Правовые позиции Большой коллегии Суда:

1. Указание в пункте 2 статьи 8 Договора на то, что «органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза», означает не только запрет органам Союза выходить за пределы предоставленных им данными актами полномочий, но и то, что реализация данных полномочий должна согласовываться с целями Союза и осуществляться в строгом соответствии с процедурой, предусмотренной Договором, международными договорами в рамках Союза.

(см. абзац 8 пункта 3 Раздела IV. Выводы Суда)

2. Пункт 30 Положения устанавливает специальный порядок обжалования только решений Коллегии ЕЭК, которые не вступили в силу. Из буквального толкования абзаца 6 пункта 30 Положения следует, что предложение о внесении изменений или отмене решения Коллегии ЕЭК в порядке пункта 30 Поло-

жения является самостоятельным юридическим фактом, с которым связано приостановление вступления в силу такого решения и для чего не требуется принятие отдельного решения.

(см. абзацы 9 и 10 пункта 3 Раздела IV. Выводы Суда)

3. Срок, установленный абзацем 1 пункта 30 Положения, является пресекательным. Договор не допускает внесения предложения об отмене или внесении изменений в решение Коллегии ЕЭК за пределами временных рамок, определенных абзацем первым пункта 30 Положения. Кроме того, Договором не предусматривается приостановление либо продление срока для внесения такого предложения.

(см. абзац 2 пункта 4 Раздела IV. Выводы Суда)

4. Нормы абзаца 4 пункта 30 Положения не могут быть реализованы вне связи с соблюдением предыдущих абзацев данного пункта. Соблюдение правил, установленных абзацем 1 пункта 30 Положения, является первичным условием применения всего механизма, предусмотренного пунктом 30 Положения, включая абзац 4 данного пункта.

(см. абзацы 8 и 9 пункта 5 Раздела IV. Выводы Суда)

Case Summary
on Clarification based on the Application Filed by
the Eurasian Economic Commission
№ CE-2-2/5-19-БК

Keywords:

Eurasian Economic Commission (EEC, Commission)

On the clarification of Article 3, paragraph 7 of Article 16 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29 May 2014 (Treaty) and paragraph 30 of the Regulation on the Eurasian Economic Commission (Annex 1 to the Treaty).

Powers of Union bodies; procedure for cancellation or amendment of a decision adopted by the Board of the EEC; suspension of decisions adopted by the Board of the EEC; entry into force of decisions adopted by the Board of the EEC; procedure for the exercise of rights by Member-States; conditions to appeal a decision adopted by the Board of the EEC.

Article 3, paragraph 7 of Article 16 of the Treaty, paragraph 30 of the EEC Regulation.

Substance of the case:

The Commission applied to the Court of the Eurasian Economic Union (Court) to request clarification of the provisions of Article 3, paragraph 7 of Article 16 of the Treaty, paragraph 30 of the Regulation on the Eurasian Economic Commission (EEC Regulation). The Commission requested the Court to clarify whether the right of a head of government of a Member-State to apply to the Commission with a proposal to cancel or amend a decision adopted by the Board of the EEC within a 30-day period, as established by the fourth indent of paragraph 30 of the EEC Regulation, whereas such application leads to the suspension of entry into force of the decision until the question is considered by the Eurasian Intergovernmental Council, is unconditional or whether it is conditioned upon satisfying the provisions of the first, third and fourth indents of paragraph 30 of the EEC Regulation.

The Grand Chamber of the Court delivered an advisory opinion on 16 October 2019, where it resolved that the right of a head of government of a Member-State to apply to the Commission with such a proposal arises when the procedural conditions of indents one – three of paragraph 30 are met.

The Court held that in order to properly ensure the equality and cooperation between the EAEU Member-States it may be necessary to review, upon a proposal by a Member-State, an EEC Decision, whether in force or not, at the level of the Eurasian Intergovernmental Council (Intergovernmental Council) and (or) the Supreme Eurasian Economic Council (Supreme Council) pursuant to paragraph 30 of the EEC Regulation, Articles 12 and 16 of the Treaty. Established procedures guarantee that an EEC Decision can be cancelled, amended, or its entry into force or effect can be suspended.

As such, subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 12 and paragraph 7 of Article 16 of the Treaty establish a right of a Member-State to propose issues relating to the cancellation or amendment of EEC decisions for the consideration of the Intergovernmental Council or the Supreme Council. However, consequences that imply the suspension of effect of a reviewed decision will ensue only when the Intergovernmental Council has adopted a separate decision to this effect in accordance with paragraph 8 of Article 16 of the Treaty.

In its turn, paragraph 30 of the EEC Regulation establishes a special procedure for the review of decisions of the Board of the EEC which have not entered into force. This procedure does not imply that the Intergovernmental Council should adopt a separate decision on the non-entry into force and suspension of the reviewed decision of the Board of the EEC. Recourse by a Member-State to the right of review of an EEC decision, which has not entered into force, in virtue of paragraph 30 of the EEC Regulation, requires compliance with a set of mandatory conditions – in particular, the decision of the Board of the EEC should be appealed within 15 days of the date of its publication.

The Grand Chamber of the Court indicated that a head of government of a Member-State may apply to the EEC with a proposal to cancel or amend an EEC Board decision without preliminary appeal at any stage before its entry into force when such a decision falls into one of the following two categories:

- decisions improving the situation of natural and/or juridical persons
- decisions taken in exceptional cases requiring rapid response.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. The provision in paragraph 2 of Article 8 of the Treaty that “Bodies of the Union shall act within the powers accorded to them by this Treaty and international treaties within the Union” means not only that the bodies of the Union are prohibited from acting outside of the competences accorded to them by those legal acts, but also that the exercise of their powers should be in line with the Union’s objectives and carried out in accordance with the procedure established by the Treaty and international treaties within the Union.

(see subparagraph 8 of paragraph 3, Section IV “Court’s Findings”)

2. Paragraph 30 of the EEC Regulation establishes a special procedure applicable only to the review of EEC Board decisions, which have not entered into force. It follows from a textual reading of the sixth indent of paragraph 30 of the EEC Regulation that a proposal to cancel or amend a decision of the Board of the EEC, submitted in accordance with the procedure laid down in paragraph 30 of the Regulation, is an independent legal fact which entails the suspension of entry into force of such a decision without the need for adoption of a separate decision to this end.

(see subparagraphs 9 and 10 of paragraph 3, Section IV “Court’s Findings”)

3. The time-limit established by the first indent of paragraph 30 of the EEC Regulation is preclusive. The Treaty does not allow for a proposal to cancel or amend an EEC Board decision to be submitted outside of the time-frame defined in the first indent of paragraph 30 of the Regulation. Furthermore, the Treaty does not contemplate that the time-frame for such a proposal can be suspended or extended.

(see subparagraph 2 of paragraph 4, Section IV “Court’s Findings”)

4. The provisions of the fourth indent of paragraph 30 cannot operate unless the preceding indents of this paragraph are complied with. The observance of the rules established in the first indent of paragraph 30 of the EEC Regulation is the primary condition that has to be met for the entire mechanism contemplated by paragraph 30 of the Regulation to be applicable, including the fourth indent of this paragraph.

(see subparagraphs 8 and 9 of paragraph 5, Section IV “Court’s Findings”)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

12 июня 2019 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., под председательством судьи-докладчика Баишева Ж.Н., при секретаре судебного заседания Абдуллиной Г.Б., рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайство общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» о принятии мер по исполнению Решения Суда Евразийского экономического союза от 11 октября 2018 года,

УСТАНОВИЛА:

10 июня 2019 года общество с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (далее – ООО «Ойл Марин Групп», заявитель, общество) обратилось в порядке пункта 115 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда) в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с ходатайством о принятии мер по исполнению Решения Суда от 11 октября 2018 года.

Решением Суда от 11 октября 2018 года заявление ООО «Ойл Марин Групп» удовлетворено частично. Бездействие Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) признано не в полной мере соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы общества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Коллегия Суда отмечает, что 1 января 2018 года вступил в силу Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), содержащий норму прямого действия (статью 277 ТК ЕАЭС), согласно которой в отношении временно вывезенных в качестве транспортных средств международной перевозки водных судов, зарегистрированных в международных реестрах судов государств-членов, допускается проведение операций по их техническому обслуживанию и (или) ремонту. Изложенное исключает возможность неединообразного применения указанной льготы на данный момент.

В соответствии с пунктом 103 Статута Суда стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Коллегия Суда считает, что в своем ходатайстве заявитель не привел доказательств того, что в настоящее время Комиссия не учитывает правовую позицию, изложенную в Решении Суда от 11 октября 2018 года.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 95 Статута Суда, статьей 48 Регламента Суда, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

В удовлетворении ходатайства общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» о принятии мер по исполнению Решения Суда Евразийского экономического союза от 11 октября 2018 года отказать.

Копию постановления направить обществу с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» и Евразийской экономической комиссии.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

Резюме
по постановлению
по ходатайству ООО «Ойл Марин Групп»

Ключевые слова:

ООО «Ойл Марин Групп» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК).

Ходатайство о принятии мер по исполнению Решения Суда Евразийского экономического союза от 11 октября 2018 года.

Таможенное регулирование – плавучие суда – транспортные средства международной перевозки – уплата ввозных таможенных пошлин – тарифная льгота – мониторинг и контроль исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза.

Решение Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза» – Таможенный кодекс Таможенного союза – Таможенный кодекс ЕАЭС – Положение о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору).

Постановление Коллегии Суда – отказ в удовлетворении ходатайства.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» обратилось в Суд Евразийского экономического союза в порядке пункта 115 Статута Суда с ходатайством о принятии мер по исполнению Решения Коллегии Суда от 11 октября 2018 года. Данным Решением заявление ООО «Ойл Марин Групп» было удовлетворено частично – бездействие Евразийской экономической комиссии признано не в полной мере соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы ООО «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Постановлением Коллегии Суда от 12 июня 2019 года в удовлетворении ходатайства ООО «Ойл Марин Групп» отказано, так как заявитель не привел доказательств того, что в настоящее время Евразийская экономическая комиссия не учитывает правовую позицию, изложенную в Решении Суда от 11 октября 2018 года.

Коллегия Суда отметила, что действующий Таможенный кодекс Евразийского экономического союза содержит норму прямого действия (статью 277 ТК ЕАЭС), согласно которой в отношении временно вывезенных в качестве транспортных средств международной перевозки водных судов, зарегистри-

рованных в международных реестрах судов государств-членов, допускается проведение операций по их техническому обслуживанию и (или) ремонту. Таким образом, возможность неединообразного применения указанной льготы в ЕАЭС исключена.

Case summary on a request by Oil Marine Group LLC

Keywords:

Oil Marine Group LLC (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (Commission/EEC).

Request for measures required to execute enforce the Judgment of the Chamber of the Court of October 11, 2018.

Customs regulation – sea vessels – vessels for international transportation – payment of import customs duties – tariff preference – monitoring and control over the implementation of international treaties within the Eurasian Economic Union.

Decision of the Customs Union Commission No.130 dated November 27, 2009 “On Common Customs and Tariff Regulation of the Eurasian Economic Union”– Customs Code of the Customs Union – Customs Code of the Eurasian Economic Union – Regulation on the Eurasian Economic Commission (Annex 1 to the Treaty).

Order of the Chamber of the Court –request dismissed.

Substance of the case:

Limited Liability Company Oil Marine Group filed a request with the Court of the Eurasian Economic Union pursuant to paragraph 115 of the Statute asking that the Court take measures required to execute the Judgment of the Chamber of the Court of October 11, 2018. The latter Judgment had satisfied Oil Marine Group’s initial application in part– the Court had recognized that a failure to act by the Eurasian Economic Commission was not in full compliance with the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and international treaties within the Union, and entailed a violation of the rights and legitimate interests of Oil Marine Group LLC in the area of business and other economic activities.

By Order of the Chamber of the Court of June 12, 2019, the request of Oil Marine Group LLC was dismissed, as the applicant did not provide evidence that the Eurasian Economic Commission was not taking into account the legal position set out in the Judgment of October 11, 2018.

The Chamber of the Court noted that the current Customs Code of the Eurasian Economic Union contains a norm of direct effect (Article 277 of the EAEU Customs Code). This norm allows to carry out maintenance and (or) repair operations on temporarily exported vessels for international transportation that are registered in international maritime registers of the Member States. Thus, non-uniform application of this preference in the EAEU was ruled out.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

16 сентября 2019 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
председательствующего судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей
Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н.,
при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К.,
рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Закрытого акционерного общества «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

Закрытое акционерное общество «Транс Логистик Консалт» (далее – ЗАО «ТЛК», истец) является хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Российской Федерации, и осуществляет свою деятельность в качестве таможенного представителя (Свидетельство о включении в Реестр таможенных представителей Российской Федерации № 0089/02).

От имени и по поручению декларанта ООО «Трейд Марин» истец подал таможенному органу Выборгской таможни декларацию на товары № 10206100/091216/0004066 (от 15.12.2016 г.) в отношении ввозимого на таможенную территорию Евразийского экономического союза, помещаемого под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления катера моторного «SAFE 44 ARCHANGEL FULL CABIN-INBOARD», номер корпуса EGO02055E616Z1442, в графе 33 которой указал код товарной подпозиции 8903 92 990 0 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) на основании документов и сведений, представленных декларантом ООО «Трейд Марин».

Решение о выпуске товара было принято таможенным органом 15.12.2016 г.

Решением Выборгской таможни от 24.05.2018 г. по результатам камеральной таможенной проверки классификационный код товара был изменен на 8903 92 100 0.

В отношении таможенного представителя ЗАО «ТЛК» применены меры административной ответственности.

Не согласившись с решением Выборгской таможни ЗАО «ТЛК» обращалось в вышестоящие таможенные органы Российской Федерации (Северо-Западное таможенное управление, Федеральная таможенная служба) с целью обжалования указанного решения. Кроме того, решение Выборгской таможни о классификации товара от 24.05.2018 г. было предметом рассмотрения арбитражных судов Российской Федерации первой и апелляционной инстанций. Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа в признании незаконным решения Выборгской таможни от 24.05.2018 г. было отказано.

В целях защиты своего частного интереса, нарушенного, по мнению ЗАО «ТЛК», решениями таможенных органов Российской Федерации, заявитель обратился в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия, ответчик) с запросом о проверке обоснованности решений о классификации товара кодом ТН ВЭД ЕАЭС и принятии решения о классификации маломерных судов (исх. № 162.03 от 13.09.2018 г.).

Комиссия в своем ответе от 27 сентября 2018 года № 18-493 разъяснила истцу порядок принятия решений Комиссии о классификации отдельных видов товаров, а также отметила, что не вправе давать оценку действиям таможенных органов государств – членов Союза.

Не согласившись с доводами Комиссии, ЗАО «ТЛК» обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании бездействия Комиссии при рассмотрении запроса ЗАО «ТЛК» об обоснованности решений таможенных органов Российской Федерации о классификации товара кодом ТН ВЭД ЕАЭС и принятии решения о классификации маломерных судов.

II. Выводы Суда

Согласно пункту 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), по заявлению хозяйствующего субъекта Суд рассматривает споры о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

ЗАО «ТЛК» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Из положений пунктов 39 и 109 Статута Суда следует, что предметной компетенции Суда *prima facie* отвечает требование истца о признании бездей-

ствия Комиссии не соответствующим Договору и, по мнению истца, нарушающим права и законные интересы ЗАО «ТЛК».

Требование истца обязать Комиссию направить таможенным органам государств – членов ЕАЭС информацию о классификации маломерного судна таможенными органами Российской Федерации в соответствии с Порядком подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденным Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2.12.2013 № 284 г. в целях рассмотрения и внесения предложений о классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС, также как и требование обязать Комиссию внести изменения в дополнительное примечание к группе 89 ТН ВЭД ЕАЭС в соответствии со статьей 45 Договора не относятся к компетенции Суда, что является основанием для отказа в принятии заявления в этой части в соответствии с подпунктом а) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

К заявлению в Суд приложены документы о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора.

Истцом соблюдены требования статьи 9 Регламента Суда.

В заявлении указаны права и законные интересы, которые, по мнению истца, нарушены оспариваемым решением, приведены обстоятельства и доводы в обоснование предъявленных требований.

К заявлению приложены документы, установленные пунктом 3 статьи 9 Регламента Суда.

Заявление подписано уполномоченным лицом, что подтверждается прилагаемыми к заявлению копиями приказа о назначении генерального директора и решения единственного акционера ЗАО «ТЛК» о продлении полномочий генерального директора.

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Пошлина за обращение хозяйствующего субъекта в Суд уплачена в полном размере. Документы и материалы представлены в объеме, достаточном для принятия заявления к производству.

Таким образом, основания для отказа в принятии Судом к производству заявления в части оспаривания бездействия Комиссии при рассмотрении запроса ЗАО «ТЛК» согласно пункту 2 статьи 33 Регламента Суда отсутствуют.

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 39 Статута Суда, статьями 9, 33, 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление Закрытого акционерного общества «Транс Логистик Консалт» в части оспаривания бездействия Евразийской экономической комиссии при рассмотрении запроса ЗАО «Транс Логистик Консалт» об обоснованности решений таможенных органов Российской Федерации о классификации товара кодом единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и принятии решения о классификации маломерных судов не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Порядку принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденному Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2.12.2013 г. № 284, и нарушающим права и законные интересы ЗАО «Транс Логистик Консалт» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Отказать в принятии к производству заявления Закрытого акционерного общества «Транс Логистик Консалт» в части требования обязать Комиссию направить таможенным органам государств-членов ЕАЭС информацию о классификации маломерного судна таможенными органами Российской Федерации в соответствии с Порядком подготовки решений о классификации товаров в целях рассмотрения и внесения предложений о классификации отдельного вида товара по ТН ВЭД ЕАЭС, а также требования обязать Комиссию внести изменения в дополнительное примечание к группе 89 ТН ВЭД ЕАЭС.

Судебное заседание по рассмотрению заявления назначить на 14 октября 2019 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию настоящего постановления направить сторонам по делу.

Председательствующий

А. М. Ажибраимова

Судьи

Э. В. Айриян

Ж. Н. Баишев

Д. Г. Колос

Т. Н. Нешатаева

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

30 октября 2019 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А.,
Чайки К.Л.,
под председательством судьи-докладчика Федорцова А.А.,
при секретаре судебного заседания Наумчике М.А.,
рассмотрев в открытом судебном заседании заявление закрытого акционерного общества «Дельрус» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165
«О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках»,

УСТАНОВИЛА:

Закрытое акционерное общество «Дельрус» (далее – ЗАО «Дельрус», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – решение от 17 сентября 2019 года № 165).

Согласно данному решению Коллегия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) в результате рассмотрения вопроса о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках по делу № 22-2018/Д-01, возбужденному 30 июля 2018 года по материалам, поступившим от Министерства национальной экономики Республики Казахстан, по признакам нарушения пунктов 1 и 3 – 5 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), усмотрела в действиях (бездействии) ЗАО «Дельрус» наличие и реализацию соглашения с конкурентом – товариществом с ограниченной ответственностью «Дельрус РК», а в действиях (бездействии) должностного лица – генерального директора ЗАО «Дельрус» Новикова А.И. – принятие решения о таком соглашении и его реализации.

По мнению Комиссии, указанные действия (бездействие) привели к разделу рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan по территориальному принципу. Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях (бездействии) ЗАО «Дельрус» и его руководителя Новикова А.И. нарушения подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора.

По результатам рассмотрения дела назначены штрафы ЗАО «Дельрус» и генеральному директору ЗАО «Дельрус» Новикову А.И.

Истец считает, что оспариваемое решение Комиссии не соответствует Договору и международным договорам, заключенным в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), и нарушает его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно пункту 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта. Для целей Статута под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства.

Решение от 17 сентября 2019 года № 165 принято Комиссией – органом Союза, и может быть обжаловано в Суд.

ЗАО «Дельрус» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Оспариваемым решением ЗАО «Дельрус» признано виновным в нарушении общих правил конкуренции и в отношении него применены штрафные санкции. Коллегия Суда полагает, что такое решение Комиссии непосредственно затрагивает права и законные интересы ЗАО «Дельрус» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу, что рассмотрение спора по заявлению ЗАО «Дельрус» относится к компетенции Суда.

Заявление ЗАО «Дельрус» соответствует требованиям, установленным статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза» (далее – Регламент). Оно содержит обязательные элементы, предусмотренные пунктом 1 статьи 9 Регламента, подписано в соответствии с пунктом 2 статьи 32 Регламента уполномоченным лицом; требования истца, указанные в заявлении, соответствуют подпункту 2 пункта 39 Статута; к заяв-

лению приложены необходимые документы; заявление и прилагаемые к нему документы представлены на бумажном, а также на электронном носителях.

В соответствии с пунктом 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору, далее – Протокол) для данной категории споров не предусмотрен досудебный порядок урегулирования.

Предусмотренные Регламентом основания для отказа в принятии заявления к производству или оставления его без движения отсутствуют.

Принимая во внимание изложенное, Коллегия Суда приходит к выводу, что заявление ЗАО «Дельрус» подлежит принятию к производству.

Руководствуясь пунктом 39 Статута, пунктом 14 Протокола, статьями 9, 33, 34 и 84 Регламента, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление закрытого акционерного общества «Дельрус» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» принять к производству.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 12 декабря 2019 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А.Федорцов

Судьи

В.Х.Сейтимова

Г.А.Скрипкина

А.Э.Туманян

К.Л.Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

30 октября 2019 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
судей Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А.,
Чайки К.Л.,
под председательством судьи-докладчика Федорцова А.А.,
при секретаре судебного заседания Наумчике М.А.,
рассмотрев в открытом судебном заседании заявление товарищества с
ограниченной ответственностью «Дельрус РК» об оспаривании решения Кол-
легии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165
«О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках»,

УСТАНОВИЛА:

Товарищество с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» (далее – ТОО «Дельрус РК», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» (далее – решение от 17 сентября 2019 года № 165).

Согласно данному решению Коллегия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) в результате рассмотрения вопроса о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках по делу № 22-2018/Д-01, возбужденному 30 июля 2018 года по материалам, поступившим от Министерства национальной экономики Республики Казахстан, по признакам нарушения пунктов 1 и 3 – 5 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), усмотрела в действиях (бездействии) ТОО «Дельрус РК» наличие и реализацию соглашения с конкурентом – закрытым акционерным обществом «Дельрус», а в действиях (бездействии) должностного лица – генерального директора ТОО «Дельрус РК» Бурдина В.В. – принятие решения о таком соглашении и его реализации.

По мнению Комиссии, указанные действия (бездействие) привели к разделу рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan по территориальному принципу. Комиссия пришла к выводу о наличии в действиях (бездействии) ТОО «Дельрус РК» и его руководителя Бурдина В.В. нарушения подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора.

По результатам рассмотрения дела назначены штрафы ТОО «Дельрус РК» и генеральному директору ТОО «Дельрус РК» Бурдину В.В.

Истец считает, что оспариваемое решение Комиссии не соответствует Договору и международным договорам, заключенным в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), и нарушает его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно пункту 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта. Для целей Статута под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства.

Решение от 17 сентября 2019 года № 165 принято Комиссией – органом Союза, и может быть обжаловано в Суд.

ТОО «Дельрус РК» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Оспариваемым решением ТОО «Дельрус РК» признано виновным в нарушении общих правил конкуренции и в отношении него применены штрафные санкции. Коллегия Суда полагает, что такое решение Комиссии непосредственно затрагивает права и законные интересы ТОО «Дельрус РК» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Таким образом, Коллегия Суда приходит к выводу, что рассмотрение спора по заявлению ТОО «Дельрус РК» относится к компетенции Суда.

Заявление ТОО «Дельрус РК» соответствует требованиям, установленным статьей 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза» (далее – Регламент). Оно содержит обязательные элементы, предусмотренные пунктом 1 статьи 9 Регламента, подписано в соответствии с пунктом 1 статьи 32 Регламента уполномоченным лицом; требования истца, указанные в заявлении, соответствуют подпункту 2 пункта 39 Статута; к заяв-

лению приложены необходимые документы; заявление и прилагаемые к нему документы представлены на бумажном, а также на электронном носителях.

В соответствии с пунктом 14 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору, далее – Протокол) для данной категории споров не предусмотрен досудебный порядок урегулирования.

Предусмотренные Регламентом основания для отказа в принятии заявления к производству или оставления его без движения отсутствуют.

Принимая во внимание изложенное, Коллегия Суда приходит к выводу, что заявление ТОО «Дельрус РК» подлежит принятию к производству.

Руководствуясь пунктом 39 Статута, пунктом 14 Протокола, статьями 9, 33, 34 и 84 Регламента, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Заявление товарищества с ограниченной ответственностью «Дельрус РК» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» принять к производству.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 12 декабря 2019 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А.Федорцов

Судьи

В.Х.Сейтимова

Г.А.Скрипкина

А.Э.Туманян

К.Л.Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

19 ноября 2019 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
председательствующего судьи-докладчика Ажибраимовой А.М.,
судей Айриян Э.В., Баишева Ж. Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н.,
при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в области предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

1. Закрытое акционерное общество «Санофи-Авентис Восток» (далее – ЗАО «Санофи-Авентис Восток», истец) является хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Российской Федерации.

ЗАО «Санофи-Авентис Восток» повторно обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением (вх. № 5-1-4/750 от 11 ноября 2019 года) о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 132).

В сопроводительном письме от 6 ноября 2011 года № RU 10210-19-55.3 истец пояснил, что наличие новых оснований и обстоятельств позволяет ему направить новое обращение в Суд.

При этом, по мнению истца, обстоятельства, предшествующие обращению в Суд, остаются неизменными, а основания – новыми, что дает истцу право формулировать новые доводы, ранее не рассмотренные Судом.

2. В обоснование своих требований истец приводит следующее.

2.1. Решение № 132 принято Коллегией Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) с нарушением процедуры, предусмотренной Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (далее – ТК ЕЭАС). По мнению истца, ранее, при рассмотрении Решения № 132 по иным основаниям в Суде, Комиссия не представила подтверждение наличия неединообразного применения единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) на уровне Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) и данное обстоятельство не было предметом рассмотрения в Суде.

2.2. Истец заявляет, что Решение № 132 не учитывает требования межгосударственных стандартов, в результате чего истец вынужден нарушать требования Общих правил интерпретации, примечаний к ТН ВЭД ЕАЭС и межгосударственных стандартов. В подтверждение данного довода истец ссылается на подпункт 12 пункта 1 статьи 51 Договора и подпункты «б» и «г» пункта 5 Порядка подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденного Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 декабря 2013 года № 284, в соответствии с которыми к обращению, вносимому в Комиссию в инициативном порядке таможенным органом, прилагается в том числе техническая документация, а также иные документы, включающие в себя описание отдельного вида товара, его функциональное назначение и характеристики.

3. 3 сентября 2019 года ЗАО «Санofi-Авентис Восток» направило обращение в Комиссию об оспаривании Решения № 132.

24 сентября 2019 года в адрес истца Комиссией был направлен ответ. Комиссия полагает, что обращение общества представляет собой попытку пересмотра вступивших в силу судебных актов, принятых Судом по результатам рассмотрения спора между заявителем и Комиссией, а именно – решения Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года и решения Апелляционной палаты Суда от 7 марта 2019 года, которыми Решение № 132 признано соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза. Из ответа Комиссии следует, что в заявлении ЗАО «Санofi-Авентис Восток» фактически не содержатся вопросы в отношении Решения № 132, которые могли бы быть рассмотрены Комиссией в досудебном порядке.

II. Выводы Суда

4. В пункте 1 статьи 45 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета

от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), установлено, что при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;

б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;

в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Заявитель обосновывает повторное обращение в Суд наличием новых оснований, которые ранее не рассматривались Судом. В то же время, предметом обращения заявителя является оспариваемое Решение № 132, которое уже оценивалось Судом на предмет соответствия Договору и международным договорам в рамках Союза на основании требований статьи 45 Регламента Суда (абзацы 6-8 пункта 5.3 решения Коллегии Суда от 21 декабря 2019 года, абзацы 5-6 пункта 5.1 решения Апелляционной палаты Суда от 7 марта 2019 года). Тот факт, что повторное обращение связано с тем же предметом (Решение № 132) между теми же сторонами и основано на тех же обстоятельствах, заявителем не оспаривается.

Комиссия не изменяла и не дополняла оспариваемое Решение № 132, фактические обстоятельства остались прежними и не изменились.

5. Пунктом 1 статьи 23 Регламента Суда установлена обязанность истца обосновать свои требования. Пунктом 3 указанной статьи предусмотрено, что стороны несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий. Тот факт, что истец не заявил определенные доводы в рамках рассмотрения дела Коллегией Суда и Апелляционной палатой Суда, является его процессуальным упущением. В связи с этим Коллегия Суда приходит к выводу, что истец не представил новые фактические обстоятельства, которые ранее не были рассмотрены Судом. Изменение правовой квалификации фактических обстоятельств не изменяет основание иска и не наделяет истца правом на повторное обращение в Суд.

6. На основании подпункта г) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда Суд выносит постановление об отказе в принятии заявления к производству в случае, если имеется вступившее в силу решение Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам.

Коллегия Суда отмечает, что вступившие в силу решения Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года и Апелляционной палаты Суда от 7 марта 2019 года

соответствуют данному критерию, поскольку явились результатом судебного рассмотрения между теми же сторонами (ЗАО «Санofi-Авентис Восток» и Комиссия), о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам (оспариваемое Решение № 132).

Доводы, на которые ссылается истец в повторном заявлении, не являются в силу требований подпункта г) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда основаниями для принятия заявления к производству.

7. На основании изложенного и руководствуясь пунктом 95 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору), статьями 33, 34, 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Отказать в принятии к производству заявления закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в области предпринимательской и иной экономической деятельности.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию постановления направить сторонам по делу.

Председательствующий

А. М. Ажибраимова

Судьи

Э. В. Айриян

Ж. Н. Баишев

Д. Г. Колос

Т. Н. Нешатаева

Резюме
по делу № СЕ-3/1-19-КС
(ЗАО «Санофи-Авентис Восток»)

Ключевые слова:

Закрытое акционерное общество «Санофи-Авентис Восток» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

Об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Классификация товаров в таможенных целях – комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина – неединообразное применение единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза – межгосударственные стандарты.

Постановление Коллегии Суда – отказ в принятии заявления.

Описание:

ЗАО «Санофи-Авентис Восток» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в области предпринимательской и иной экономической деятельности. Ранее по иску ЗАО «Санофи-Авентис Восток» решением Коллегии Суда от 21.12.2018 г. и решением Апелляционной палаты Суда от 07.03.2019 г. Решение № 132 признано соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

По мнению истца, наличие новых оснований позволяет ему направить новое обращение в Суд. Так, истец указал, что Решение № 132 принято Коллегией Евразийской экономической комиссии с нарушением процедуры, поскольку Комиссия не представила подтверждение наличия неединообразного применения единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза на уровне Союза. Истец также указывает,

что Решение № 132 не учитывает требования межгосударственных стандартов.

Комиссия в своем ответе истцу от 24 сентября 2019 года сформулировала позицию, согласно которой повторное обращение ЗАО «Санофи-Авентис Восток» в Суд ЕАЭС представляет собой попытку пересмотра вступивших в силу судебных актов, принятых Судом по результатам рассмотрения спора между истцом и Комиссией.

19 ноября 2019 года Коллегия Суда вынесла постановление об отказе в принятии заявления ЗАО «Санофи-Авентис Восток» к производству. Суд указал, что тот факт, что истец не заявил определенные доводы в рамках рассмотрения дела Коллегией Суда и Апелляционной палатой Суда, является его процессуальным упущением и пришел к выводу, что истец не представил новые фактические обстоятельства, которые ранее не были рассмотрены Судом.

Правовые позиции Коллегии Суда:

1. Изменение правовой квалификации фактических обстоятельств не изменяет основание иска и не наделяет истца правом на повторное обращение в Суд.

(п. 5 раздела II «Выводы Суда» Постановления)

Summary of the case No. CE-3/1-19-KC (CJSC “Sanofi-Aventis Vostok”)

Closed Joint Stock Company “Sanofi-Aventis Vostok” (business enterprise, legal entity) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On declaring Decision of the Board of Eurasian Economic Commission dated October 3, 2017 No. 132 “On the classification of components for disposable pen injectors used for subcutaneous insulin injection in accordance with the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union” not in compliance with the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and international treaties within the Eurasian Economic Union.

Classification of goods for customs purposes – components for disposable pen injectors for subcutaneous insulin injection – non-uniform application of the Single Commodity Nomenclature for Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union.

Order of the Chamber of the Court – application dismissed.

Sanofi-Aventis Vostok CJSC filed an application with the Court of the Eurasian Economic Union requesting that the Court find that the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated October 3, 2017 No. 132 “On the classification of components for disposable pen injectors used for subcutaneous insulin injection in accordance with the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union” was not in compliance with the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and international treaties within the framework of the Eurasian Economic Union and entailed a violation of the rights and legitimate interests of an economic entity in the field of business and other economic activities. In an earlier proceeding instituted by Sanofi-Aventis Vostok CJSC, the Chamber of the Court by judgement of December 21, 2018 and the Appeals Chamber by judgement of March 7, 2019 ruled that Decision No. 132 was in compliance with the Treaty and international treaties within the Union.

The claimant submitted that new grounds allowed it to file a new application with the Court. The claimant stated that Decision No. 132 had been adopted by the Board of the Eurasian Economic Commission in violation of the procedure for its adoption, as because the Commission had not provided evidence of non-uniform application of the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union at EAEU level. The claimant also submitted that Decision No. 132 did not take into account the requirements of inter-state standards.

In its response to the claimant dated September 24, 2019, the Commission stated that the filing by Sanofi-Aventis Vostok CJSC of a new application with the EAEU Court was an attempt to review judicial acts adopted by the Court following a

consideration of the dispute between the claimant and the Commission, which had already entered in force.

On November 19, 2019, the Chamber of the Court dismissed the application of Sanofi-Aventis Vostok CJSC. The Court pointed out that the claimant's failure to put forward certain arguments during the consideration of the initial case by the Chamber of the Court and the Appeals Chamber was its procedural omission, and concluded that the claimant did not submit any new factual circumstances that had not previously been examined by the Court.

Legal findings:

1. A change in the legal qualification of the same set of factual circumstances does not change the basis of the legal action and does not give the claimant a right to file a new application.

(Paragraph 5, Section II "The Court's findings" of the Order)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БЮЛЛЕТЕНЯ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
2019 ГОД**

Председатель редакционного совета:

Айриян Э.В. – заместитель Председателя Суда
Евразийского
экономического союза.

Заместитель председателя редакционного совета:

Колос Д.Г. – судья.

Члены совета:

Ажибраимова А.М. – судья;

Баишев Ж.Н. – судья, Председатель Суда Евразийского
экономического союза;

Нешатаева Т.Н. – судья;

Сейтимова В.Х. – судья;

Скрипкина Г.А. – судья;

Туманян А.Э. – судья;

Федорцов А.А. – судья;

Чайка К.Л. – судья.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ БЮЛЛЕТЕНЯ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
2019 ГОД**

Члены коллегии:

Абдуллина Г.Б. – советник судьи;

Адерейко А.Н. – советник судьи;

Будник Я.В. – советник судьи;

Дьяченко Е.Б. – советник судьи;

Михалева Т.Н. – советник судьи;

Мысливский П.П. – советник судьи;

Осипян Э.Ю. – советник судьи;

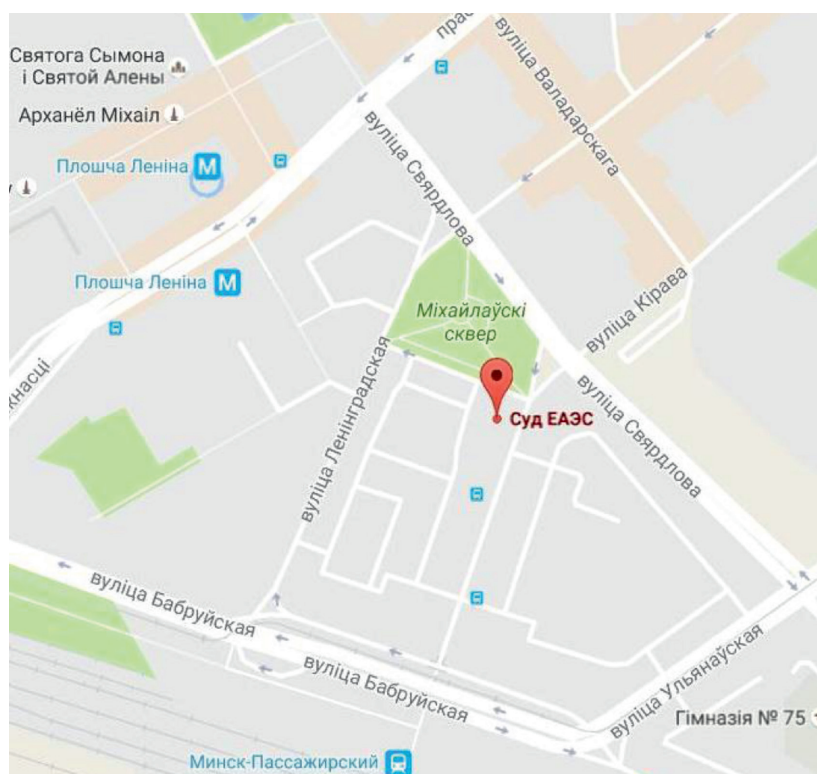
Резванова О.А. – советник судьи;

Симонян Г.В. – советник судьи;

Царева Л.В. – советник судьи;

Ответственный секретарь:

Садыков Э.Э. – советник Секретариата Суда Евразийского
экономического союза.

Телефон /факс:

+375 17 222 60 98

Интернет-сайт:www.courteurasian.org**Электронная почта:**info@courteurasian.org**Почтовый адрес:**Республика Беларусь, 220006,
г. Минск, ул. Кирова, 5**Режим работы:**Пн.-Чт. 9.00 - 18.00
Птн. 9.00 - 16.45**Обеденный перерыв:**

13.00 - 13.45

Выходные дни:

суббота, воскресенье

Telephone / fax:

+375 17 222 60 98

Internet:www.courteurasian.org**E-mail:**info@courteurasian.org**Postal address:**5, Kirov st., Minsk, 220006,
Republic of Belarus**Working hours:**Mon.-Thu. 9.00 - 18.00
Fri. 9.00 - 16.45**Lunch break:**

13.00 - 13.45

Days off:

Sat., Sun.

Отпечатано в типографии ОАО «ТРАНСТЭК».
Лиц. 02330/36 от 23.01.2014.
Свид. о гос. рег. ИИРПИ № 2/37 от 29.01.2014. З. 1491. Т. 300.